

ЗАВОЕВАНІЕ АХАЛЪ-ТЕКЕ

ЗАВОЕВАНІЕ АХАЛЪ-ТЕКЕ

ОЧЕРКИ ИЗЪ ПОСЛѢДНЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ

СКОБЕЛЕВА

(1880 — 1881)

А. МАСЛОВА



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

1882

МИХАЙЛОВСКАЯ ЛИНІЯ.

Способы сообщенія съ передовымъ отрядомъ. — Киргизы-проводники. — Тушины. — Акча-Куйма. — Солончаки и пески. — Природа пустыни. — Казанджикъ. — Ушакскіе овраги. — Кюрянъ-дагъ. — Нападеніе Тыкма-сар-даря 25-го ноября. — Кизиль-Арватъ.

I.

Я выѣхалъ изъ Михайловскаго залива въ передовой отрядъ 15-го декабря. Къ этому времени паровая желѣзная дорога подошла къ Кутолу, а конно-желѣзная 12 верстъ не доходила до Айдына. Отъ станціи Мулла-Карры до Кутола путь еще не былъ приведенъ въ надлежащій видъ и на этомъ участкѣ ходили только экстренные и рабочіе поѣзда съ малою скоростью. Ни на тотъ, ни на другой я въ Мулла-Каррахъ не попалъ и остался ночевать у управляющаго дорогой, князя Хилкова. Читателю, конечно, извѣстно, что всѣ эти Мулла-Карры, Кутолы и прочее не суть какія-либо селенія, аулы, или, того менѣе, города, а просто колодцы и иногда еще съ прескверною водою. Карта закаспійскихъ степей, по мѣрѣ того какъ эти степи покры-

ваются вдоль и поперегъ солдатскими слѣдами, все болѣе и болѣе испещряется разнообразными названіями, которыми перѣдко даются простымъ урочищамъ, лишеннымъ и воды, и растительности... Въ нѣкоторыхъ частяхъ Закаспійскаго края путь иногда пролегаетъ такимъ ровнымъ и голымъ мѣстомъ, что даже кочевники съ трудомъ въ нихъ оріентируются, и тогда какой-нибудь жиденькій, какъ будто нарочно для этого случая выросшій въ песокъ кустъ свято сохраняется въ цѣлости, какъ верстовой столбъ, и получаетъ особое названіе. Напримѣръ — кустъ Кара-Гелгынъ.

Приказаніе немедленно выѣхать въ передовой отрядъ я получилъ черезъ полевой телеграфъ и, такъ какъ телеграммы всегда производятъ впечатлѣніе чего-то спѣшнаго, то я и заторопился окончаніемъ служебныхъ дѣлъ въ заливѣ и сборами. Первые я передалъ одному изъ сослуживцевъ, а вторые были крайне недолги, такъ какъ кромѣ верховой лошади у меня была еще одна, на столько слабая, что на большой вьюкъ нечего было рассчитывать,

Такимъ образомъ, весь мой багажъ состоялъ изъ мѣшка съ ячменемъ, пары сапогъ, полусубка, нѣсколькихъ смѣнъ бѣлья и фунтовъ сахару, чайника и двухъ бутылокъ коньяку,—прямая противоположность и обратная пропорція съ багажемъ корреспондента О'Донована, который, по словамъ современниковъ, главнымъ образомъ состоялъ изъ коньяку, что не мѣшало ему, т. е. О'Доновану, быть добрымъ малымъ, порядочно забавлявшимъ персидскихъ губернаторовъ во время послѣдней экспедиціи.

Зима въ здѣшнемъ краѣ начинается въ ноябрѣ, но

15-го декабря и наканунѣ шелъ мелкій дождикъ, небо было все затянуто густыми черными тучами, которыя залегли на Балханийскихъ горахъ и низко ползли надъ степью; воздухъ былъ какъ-то особенно теплъ и невыразимо удушливъ отъ массы накопившагося электричества.

Ночью я проснулся отъ довольно сильнаго землетрясенія, продолжавшагося около полуминуты; удары чувствовались на протяженіи верстъ двадцати. Кибитки качались довольно замѣтно, а вагоны, стоявшіе близъ Кутола, продвинулись сами собою на нѣкоторое разстояніе. Послѣ землетрясенія воздухъ сталъ свѣжѣе и небо прочтилось...

Во время экспедиціи можно было попасть въ передовой отрядъ двоякимъ способомъ: или двигаться съ оказіей, т. е. съ колонной, конвоирующей транспортъ, или съ конвоемъ изъ нѣсколькихъ казаковъ. Первый, хотя медленный, но за то болѣе безопасный, мнѣ не представился: не задолго до моего отъѣзда, изъ Кутола выступила впередъ рота охотниковъ изъ желѣзнодорожнаго батальона и отдѣленіе артиллерійскаго парка. Другой же оказіи тотчасъ не предвидѣлось и, такимъ образомъ, оставалось ѣхать налегкѣ, съ небольшимъ конвоемъ.

Конвой обыкновенно давали смѣшанный изъ казаковъ и киргизъ. На послѣднихъ, впрочемъ, нельзя было особенно разсчитывать въ случаѣ нападенія, потому что киргизы, хотя народъ довольно усердный и честный, не отличаются геройствомъ; принимая же во вниманіе, что это были мангишлякскіе джигиты, не знавшіе не только ни одного слова по-русски, но и дороги, легко отсюда заключить, что они не были особенно полезны.

Киргизы, какъ всѣ степные жители, очень хорошіе проводники; передъ турменами они имѣютъ то преимущество, что болѣе ихъ преданы нашему правительству и, слѣдовательно, болѣе надежны. Сверхъ того, они употребляются для развозки легкой почты и нанимаются вожакими къ верблюдамъ, которые требуютъ особаго ухода, до сихъ поръ мало знакомаго нашимъ солдатамъ.

Киргизы относятся къ даннымъ имъ порученіямъ большей частью съ рѣдкой добросовѣстностью. Въ послѣднюю экспедицію ихъ отправляли съ легкой почтой обыкновенно по двое, и почта всегда была аккуратно доставляема; нерѣдко они попадались на пути текинцамъ, которые, конечно, съ ними не церемонились. Въ 1873 году, въ хивинскую экспедицію, былъ такой случай. Джигитъ, кажется, въ іюлѣ мѣсяцѣ, т. е. во время сильныхъ жаровъ, отправился съ почтовой сумкой изъ Киндерли въ Хиву. Гдѣ-то на пути, въ песчаныхъ барханахъ, онъ заблудился и погибъ. Двое сыновей отправились его разыскивать, но нашли только убитую лошадь, у которой, онъ, вѣроятно, страдая жаждой, пилъ кровь, и палку, воткнутую въ песокъ, въ которомъ была зарыта сумка. Настоящій случай достаточно рисуетъ добросовѣстность киргизовъ.

При генералѣ Ломакинѣ и покойномъ Лазаревѣ изъ киргизовъ формировалась мѣстная милиція, уничтоженная Скобелевымъ. По поводу этого обстоятельства, генералъ Скобелевъ говорилъ: „я не раздѣляю русской манеры формировать въ покоренныхъ странахъ мѣстную милицію. Я ихъ распустилъ и превратилъ въ джигитовъ. По моему убѣжденію, не слѣдуетъ у нихъ развивать духа военнаго товарищества...“

II.

16-ое декабря я провелъ въ концѣ укладки паровой желѣзной дороги, находившейся тогда въ 43 верстахъ отъ Михайловскаго залива. Земляныя работы по устройству полотна были далеко впереди, а здѣсь находилась рота желѣзнодорожнаго батальона, часть вольнонаемныхъ рабочихъ и инженеръ Юговичъ. Въ это время укладка шпалъ и рельсовъ, прерванная почти на два мѣсяца, возобновилась снова и шла довольно быстро (1¹/₄ верста въ день). Весь этотъ рабочій лагерь помещался въ товарныхъ вагонахъ, которые, по мѣрѣ укладки, подвигались впередъ.

Далѣе мнѣ пришлось продолжать путь по узкой конножелѣзной дорогѣ. По ней ежедневно отправлялся впередъ транспортъ изъ нѣсколькихъ десятковъ вагонетокъ съ боченками опрѣсненной воды и провіанта для передовыхъ рабочихъ лагерей. Въ распоряженіи дороги было нѣсколько пассажирскихъ вагонетокъ, состоящихъ изъ двухъ лавокъ для сидѣнья съ общимъ навѣсомъ, обращенныхъ въ стороны; и мѣста для кучера; одну такую вагонетку дали мнѣ.

До Бала-Ишема я доѣхалъ безъ приключеній, то есть вагонетка ни разу не сошла съ рельсовъ, что съ ними случается такъ же легко, какъ легко и поставить ее опять на мѣсто.

Въ Бала-Ишемѣ, близъ колодцевъ, устроенъ опорный пунктъ, состоящій изъ четырехъугольнаго редута съ фасадами длиною во 120 шаговъ. Гарнизонъ укрѣпленія состоитъ изъ одной роты Ставропольскаго полка, нѣ-

сколькихъ казаковъ и джигитовъ и одного орудія, заряжаемаго съ дула. Тутъ же находились отдѣленіе госпиталя, интендантскій складъ и станція полевого телеграфа.

Я предъявилъ коменданту Бала-Ишема предписаніе начальника линіи объ оказаніи мнѣ содѣйствія и назначеніи конвоя изъ десяти казаковъ.

Впрочемъ, на лицо послѣднихъ оказалось только четыре и мнѣ для счету прибавили еще четырехъ киргизъ. На всей линіи отъ залива до Кизиль-Арвата въ это время находилась одна сотня полтавскаго полка, которая постоянно была въ разгонѣ. Больше же держать было довольно трудно, потому что и таѣ число кавалеріи въ настоящую экспедицію было доведено, сравнительно съ прежними годами, до наибольшей цифры и на всю эту массу надо было сосредоточить запасы фуража на опорныхъ пунктахъ.

На концѣ укладки ко мнѣ присоединились еще два пассажира, ѣхавшіе въ передовой отрядъ, одинъ офицеръ и ремесленный голова города Тифлиса—отставной юнкеръ г. Капанадзе съ четырьмя тушинами. Послѣдній отправился въ заливъ съ цѣлью разыскивать нефть въ Балаханскихъ горахъ и для этого нанялъ въ Тушетіи четырехъ чапаровъ, вооруживъ ихъ карабинами Бердана. Въ это время текинцы сильно пошаливали на обѣихъ линіяхъ и, вслѣдствіе этого, командующій войсками запретилъ частнымъ лицамъ какія-либо экскурсіи въ горы или степь.

Такимъ образомъ, Капанадзе прожилъ въ Мулла-Карахъ болѣе мѣсяца, ожидая окончанія экспедиціи, но когда въ декабрѣ передовыя войска начали драться,

въ грузинѣ проснулся природный воинъ и вмѣсто нефти онъ поѣхалъ волонтеромъ подъ Геокъ-Тепе...

Тушины—это горные грузины, такъ же точно какъ и пшави и хевсуры. Поселенія ихъ тянутся главнымъ образомъ по лезгинской линіи, гдѣ берутъ начало р. Аргунъ, Іора и Алазанъ. Все это народы воинственные и на нихъ главнымъ образомъ ложилась тяжесть обороны лезгинской линіи во время возстаній въ Дагестанѣ.

Несмотря на то, что всѣ они воинственны, тушины однако не похожи на пшави, и пшави не то, что тушины, а хевсуры не то, что пшави и тушины.

Предпослѣдній грузинскій царь, Ираклій II-й, какъ объяснялъ мнѣ одинъ князь, имѣлъ пятьдесятъ семь войнъ, или сраженій, и только пятнадцать изъ нихъ не то что проигралъ, но и не выигралъ... Во всѣхъ этихъ сраженіяхъ горные грузины были то же, что старая гвардія у Наполеона: тушины, какъ народъ быстрый, хорошіе стрѣлки и кинжальщики, обыкновенно шли впереди. Хевсуры, напротивъ, тяжелы на подъемъ и апатичны; до сихъ поръ они сохранили обычай выходить на войну въ кольчугѣ, щемѣ и со щитомъ; ихъ Ираклій II-й употреблялъ для прикрытія отступленія, зная, что они будутъ отступать медленно, шагъ за шагомъ и, пожалуй, однимъ храднокровіемъ заставятъ неприятеля тоже отступить. Пшави употреблялись тамъ, гдѣ надо было засѣсть и обороняться на мѣстѣ. Принимая, однако, во вниманіе, что Ираклій II-й болѣе побѣждалъ, чѣмъ былъ побѣжденъ, а слѣдовательно, болѣе наступалъ, чѣмъ отступалъ, можно придти къ заключенію, что болѣе всего поработали тушины. Тушины—народъ дикій и нѣсколько мрачный, какъ при-

рода Тушетіи. Съ одинаковымъ удовольствіемъ и спокойствіемъ онъ подкарауливаетъ гдѣ нибудь за кустомъ или камнемъ врага или звѣря, чтобы всадить ему мѣткую пулю. Подобно индѣйцамъ, тушины сохранили обычай рубить правую руку у убитого врага и прибивать на стѣну этотъ своеобразный трофей. Единственное мирное занятіе, къ которому они способны, это пастьба барановъ. Пѣсни они поютъ очень мало, но зато пьютъ очень много водки. Костюмъ, какъ у мужчинъ такъ и у женщинъ, всегда черный—траурный. Длинные усы и бритая борода дѣлаютъ ихъ нѣсколько похожими на запорожцевъ.

Когда Капанадзе пріѣхалъ въ Тушетію нанимать чапаровъ, то они согласились съ нимъ ѣхать, вслѣдствіе незнакомства съ географіей, куда угодно, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ этихъ мѣстахъ, гдѣ они будутъ, была бы война. Въ Мулла-Каррахъ, между тѣмъ, имъ пришлось провести безъ войны около двухъ мѣсяцевъ...

Тѣмъ временемъ, въ Михайловскомъ заливѣ то и дѣло приставали суда, высаживались войска и черезъ Мулла-Карры въ ноябрѣ мѣсяцѣ почти ежедневно, туда, въ непривѣтливые пески, къ Копетъ-дага, тянулись рота за ротой, батальонъ за батальономъ, сотня за сотней... Прошли апшеронцы, прошли ставропольцы, прошли казаки, съ музыкой и бравыми пѣснями и тяжелыя дальнобойныя орудія потянулись туда же въ степь, къ Копетъ-дагу, побрякивая по солончаку. Тушины начали роптать.

— Что же ты, Андрей,—говорили они Капанадзе,—обѣщался повести насъ на войну, а самъ держишь по-

зади... Пока мы соберемся, солдаты впереди все кончатъ...

Капанадзе, чтобы отвязаться, послалъ ихъ верстъ за пятнадцать въ Большія Балханы пасти лошадей и охотиться.

Тамъ, не далеко отъ Ташъ-Арватъ-кала, въ горномъ ущельи, бѣжитъ родникъ, поросшій камышемъ и травою, по крутымъ скатамъ попадаетъ кипарисъ и кое-какія деревья. Тутъ водятся дикія козы и изрѣдка попадаютъ кабаны.

Тушины пропадали здѣсь цѣлую недѣлю, настрѣляли болѣе двадцати козъ и вернулись въ лагерь, ведя въ поводу лошадей, нагруженныхъ дичью и мѣхомъ. Изъ козьего мѣха они нашили себѣ шубъ и опять стали приставать цовременамъ къ Капанадзе, ставя ему на видъ, что, такъ какъ у нихъ теперь шубы есть, то уже ничто не можетъ ихъ задерживать долѣе вдали отъ непріятеля.

Когда Капанадзе объявилъ имъ, что ѣдетъ воевать и беретъ ихъ съ собой, то одинъ изъ нихъ, Джихо, даже размѣялся отъ удовольствія. Джихо—маленькаго роста, съ сѣдою головой и усами, лицо испитое, да и сѣдина появилась отъ водки. Тѣмъ не менѣе, онъ мнѣ казался очень добродушнымъ и, когда хмурился, напоминалъ одного учителя французскаго языка. Оказалось, когда я ближе познакомился съ его біографіей, этотъ учитель относился къ семейнымъ непріятностямъ далеко не добродушно... Поссорившись съ женой, онъ отрубилъ ей носъ, далъ ей за это пятнадцать рублей и хотя тушины — православные, объявилъ ей, что она разведена, и женился вторично. Говоря объ отрубленномъ носѣ, нельзя

умолчать о кинжалѣ, ибо это оружіе у Джихо доходило до громадныхъ размѣровъ. Этимъ кинжаломъ онъ съ удивительной скоростью и ловкостью рѣзалъ въ дорогѣ бароновъ для шашлыка и имъ же на штурмѣ Денгильтепе просадилъ здоровеннаго текинца такъ, что острие вылезло съ другой стороны.

III.

Рабочій лагерь инженера Лессара находился впереди Бала Ишема, верстахъ въ двадцати. Лессаръ двигался вдоль проектированной линіи желѣзной дороги, исключительно производя земляныя работы, т. е. подготавливалъ полотно желѣзной дороги. На этомъ полотнѣ укладывалась инженеромъ Бруномъ переносная дорога Декавиля, которая, такимъ образомъ, находилась постоянно впереди паровой дороги. По ней подвозились въ передовой лагерь опрѣсненная вода и провіантъ для рабочихъ и прикрытія, состоявшаго изъ полуроты пѣхоты.

До лагеря Лессара мы согласились доѣхать на вагонеткахъ, а конвой отправить впередъ. Тушинъ же и нашихъ лошадей съ вещами Капанадзе распорядился отправить впередъ „на прямикъ“.

— Я здѣсь ѣздилъ, — говорилъ онъ, — вдоль конножелѣзки... Тутъ дальше и тонко, а тамъ дорога короче...

На этотъ разъ оказалось, впрочемъ, какъ и всегда, что кратчайшая дорога та, по которой ѣздить всѣ.

Въ лагерь Лессара тушинъ не оказалось. Напрасно Капанадзе лазилъ на небольшой песчаный холмъ и от-

туда обзиралъ мѣстность: кромѣ верблюдовъ и лужъ отъ вчерашняго дождя, которыя блестѣли на солончакѣ, ничего на горизонтѣ не было видно. Напрасно онъ ѣздилъ въ сторону отъ дороги, на тотъ кратчайшій путь, по которому онъ направилъ свою команду: тамъ, въ ложбинѣ, образовалась обширная мочежина, въ которую его конь чуть не ушелъ со всѣми четырьмя ногами. Наконецъ, солнце спустилось за горизонтъ, и мы провели безпокойную ночь, опасаясь, что тушины или гдѣ-нибудь увязли въ грязи, или свернули на колодцы Тендерли, расположенные на оконечности Большихъ Балханъ, и пошли разыскивать, не получивъ на то особыхъ инструкцій, отрядъ полковника Куропаткина, котораго ждали въ это время изъ песковъ.

Съ разсвѣтомъ, Капанадзе поѣхалъ за 12 верстъ впередъ, къ Айдину, питая надежду—не найдутся ли его молодцы тамъ. На этотъ разъ я началъ лазить на холмъ и обзирать мѣстность въ бинокль, въ ожиданіи, не покажется ли на горизонтѣ Капанадзе и вернется ли онъ одинъ, или съ тушинами. Наконецъ, съ закатомъ солнца, онъ вернулся одинъ и крайне огорченный.

Въ это время желѣзнодорожный подрядчикъ возвращался въ Бала-Ишемъ. Капанадзе, питая опять надежду, не вернулись ли его молодцы въ Бала-Ишемъ, сѣлъ съ нимъ въ вагонтеку и поѣхалъ въ Бала-Ишемъ. На дорогѣ онъ дважды вылетѣлъ изъ вагонетки въ грязь и улегся спать въ Бала-Ишемѣ въ совершенно дурномъ расположеніи духа, потому что молодцовъ тамъ тоже не оказалось. Между тѣмъ молодцы, встрѣтивъ на своемъ пути непреодолимую грязь, свернули въ сторону къ Большимъ Балханамъ, обогнули, не замѣтивъ, лагерь

Лессара и, миновавъ за одно Айдинъ, проѣхали еще верстѣ за 18 отъ Айдина. На дорогѣ, благодаря назойливому ехидству Джихо, они все время ссорились и, такимъ образомъ, незамѣтно сдѣлали вмѣсто двадцати верстѣ — пятьдесятъ и очутились на перевалѣ между Большими и Малыми Балханами.

Здѣсь, между высокими песчаными шпицами и барханами, самый старшій изъ тушинъ—Давидъ, уже украшенный разными медалями и Георгіемъ, догадался, что тутъ что-то не ладно, остановился и собралъ военный совѣтъ.

Что говорилось на этомъ совѣтѣ, мнѣ неизвѣстно, но результатомъ его было то, что ночью меня разбудилъ одинъ изъ конвойныхъ казаковъ, объявивъ, что какіе-то два „непонятныхъ человѣка“ пріѣхали съ четырьмя лошадьми и спрашиваютъ меня и Капанадзе.

Въ лагерѣ не было телеграфной станціи, и я досадовалъ, глядя на телеграфную проволоку, шедшую мимо, что не могу увѣдомить Капанадзе, что молодцы нашлись. На мое счастье, въ лагерѣ въ это время былъ начальникъ телеграфной линіи, г. Бидерманъ, который ввелъ въ линію имѣвшійся у него запасный аппаратъ и кое какъ протелеграфировалъ въ Бала-Ишемъ. Съ разсвѣтомъ, Капанадзе полетѣлъ верхомъ изъ Бала-Ишема на киргизской лошади, сгорая желаніемъ разрубить всю свою команду на мелкіе куски, но по пути его такъ потрясло на киргизскомъ сѣдлѣ, что врожденная доброта взяла верхъ, и, прискакавъ въ лагерь, онъ ограничился только тѣмъ, что обругалъ Джихо „мама-дзагломъ“, что значить—собачій сынъ.

Черезъ полчаса мы сѣли на коней и поѣхали на переваль...

IV.

Акча-Куйма называется мѣсто тотчасъ за переваломъ, образуемымъ Малыми Балханами. Здѣсь, влѣво отъ дороги, находится нѣсколько малыхъ и одна довольно большая яма, которыя, во время зимнихъ дождей, наполняются водою. Акча-Куйма значитъ— „береги деньги“; названіе это, конечно, относится къ тѣмъ, у кого есть что беречь и, вѣроятно, дано потому, что окружающая мѣстность изрыта высокими буграми и колдобинами. Въ нихъ легко можетъ спрятаться незамѣтно шайка степныхъ разбойниковъ и неожиданно атаковать растянувшійся караванъ.

Почва перевала, такъ же какъ и въ ровной степи, состоитъ изъ солончаковой глины. Въ сухую погоду эта глина представляетъ ровную и твердую поверхность свѣтло-сѣраго цвѣта. Во время зноя она страшно накаливается и покрывается трещинами, въ которыхъ гнѣздятся ящерицы, змѣйки и ядовитыя насѣкомыя: скорпіоны, фаланги и тарантулы. Мѣстами въ Закаспійскомъ краѣ лежатъ цѣлыя горы мелкаго желтаго песку; таковы: Чиль-Маметъ-кумы, Кара-кумы и др. Во время сильныхъ вѣтровъ, эти пески переносятся на большія пространства, образуя на солончакахъ песчаные бугры—барханы. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ песокъ лежитъ небольшимъ слоемъ, вѣтеръ иногда выметаетъ его до чиста и обнажаетъ солончакъ.

Иногда въ степи поднимается ураганъ, въ особенности

при сѣверныхъ вѣтрахъ, и несетъ, и кружить въ воздухѣ цѣлыя тучи жесткаго песку. Онъ хлещетъ этимъ пескомъ въ лице и забивается съ необыкновенной легкостью въ уши, глаза и носъ. Въ какойнибудь часъ или два, продуваются большія отверстія подъ вашей кибиткой или палаткой, и тогда всѣ вещи и постель покрываются толстымъ слоемъ песку. Единственное утѣшеніе, что онъ довольно чистый и, по окончаніи вѣтра, его легко стряхнуть. Лѣтомъ такой вѣтеръ случается рѣже. Зато иногда, во время сильнаго сорока-градуснаго зноя, вѣетъ нѣжный, но горячій вѣтерокъ, нѣчто въ родѣ африканскаго самума; онъ несетъ съ собою мельчайшую раскаленную пыль, которая, забираясь во всѣ поры, увеличиваетъ духоту и тягость зноя.

Солончаки повсюду здѣсь составляютъ главный видъ почвы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности на Усть-Уртѣ, близъ Сара-Камыша и частью на атрекской линіи, солончаки тянутся на большія пространства и имѣютъ поверхность совершенно ровную, гладкую, лишенную растительности и даже блестящую, какъ зеркало. Въ этихъ мѣстахъ нерѣдко приходится наблюдать миражи. Зимой, во время утреннихъ морозовъ, поверхность солончаковъ покрывается тонкимъ, бѣлымъ слоемъ соли, кристаллизующейся отъ ночного холода; днемъ, когда солнце начинаетъ пригрѣвать землю, эта соль таетъ и исчезаетъ. Во время дождей солончаки превращаются въ липкую грязь, въ которой вязнуть повозки и ложатся верблюды.

Горы, встрѣчающіяся по побережью Закаспійскаго края и южнѣ Михайловскаго, представляютъ голыя

глыбы камня известковыхъ породъ. Крутя отлогости ихъ только кое-гдѣ покрыты тонкими слоемъ земли. Весной, послѣ дождя, эти отлогости, а также мѣстами и пустыня, покрываются зеленой травкой и степными цвѣтами, которые, впрочемъ, не долго тѣшатъ глазъ и разливаютъ крѣпкій ароматъ въ воздухъ, потому что могучій лѣтній зной опять обращаетъ горы въ безжизненные сѣрыя глыбы. Впрочемъ, въ ущельяхъ, гдѣ больше тѣни и растительной земли, попадаются отдѣльныя группы кипарисовъ и рослаго гребенщика; тутъ же иногда пробивается изъ подъ горы холодный родникъ, окруженный камышемъ и порой глохнущій отъ этого камыша. Въ ущельи попадаетъ еще не пуганный выстрѣломъ джейранъ, который какъ стрѣла летитъ сюда изъ степи напиться воды и пощипать горной травы. Здѣсь водятся и туры, горные бараны, а въ камышахъ—кабаны. Камыши, кромѣ того, растутъ мѣстами вдоль Узоя (старого русла Аму-Дарьи), ближе къ низовьямъ.

Растительность пустыни состоитъ главнымъ образомъ изъ полыни, гребенщика, колючки, которую очень любятъ верблюды, и саксаула, который на привалѣ даетъ отличное топливо; мѣстныя травы носятъ названія бижгуни и жуслана. Такимъ образомъ, растительная природа Закаспійскаго края является крайне однообразною и бѣдною. Минеральныя же богатства его еще почти не изслѣдованы¹⁾, но можно надѣяться, что, съ проведеніемъ

¹⁾ Въ настоящее время къ западу отъ желѣзной дороги, между ею и моремъ, изслѣдованы богатая залежи нефти на горѣ Нефтяной и Буя-дагъ.

михайловской желѣзной дороги, здѣсь разовьется промышленная дѣятельность, какъ, напримѣръ, добываніе соли и нефтяныхъ продуктовъ.

V.

Около Акча-Куйма мы нашли остальныхъ двухъ тушинъ. Въ ожиданіи насъ, они пустили лошадей пастись, а сами беззаботно развалились на буркахъ, съѣвъ предварительно весь хлѣбъ, который былъ у нихъ взять про запасъ въ хурджинахъ (переметныхъ сумкахъ). Сверхъ того, они выпили всю водку, которая была дана имъ на пять дней, а въ бурдюкѣ съ прѣсной водой оставили только нѣсколько стакановъ. Капанадзе былъ ими очень недоволенъ, не поздоровался и заставилъ ихъ караулить на холмѣ, въ то время, какъ мы дѣлали часовой привалъ и закусывали. Наше неудовольствие возросло еще болѣе послѣ того, какъ мы, закусивъ чѣмъ-то соленнымъ, выпили остальную воду изъ бурдюка, — вода же въ ямѣ оказалась мутной и горько соленой.

Хотя до Казанджика оставалось еще верстѣ сорокъ и солнце спустилось довольно низко, тѣмъ не менѣе мы рѣшили безостановочно продолжать путь. Отъ перевала до Казанджика дорога идетъ по ровному и гладкому какъ зеркало солончаку. На сѣверъ отъ него лежатъ пески, а съ остальныхъ сторонъ онъ замыкается въ котловину отрогами Малыхъ Балханъ и Кюрянъ-дагомъ. Вслѣдствіе недавнихъ дождей, страшная грязь лежала по дорогѣ и лошади безпрестанно скользили и спотыкались, да и мы начали чувствовать сильное утомленіе...

Между тѣмъ, спустилась ночь и мѣсяцъ сталъ освѣщать дорогу. Съ наступленіемъ ночного холода, лошади стали идти какъ-то бодрѣе, нарушая своимъ топотомъ степную тишину.

Пустыня безмолвовала, и только изрѣдка доносился издали непріятный, хотя и оригинальный, крикъ совы и вой шакаловъ, сбѣгающихся по ночамъ къ дохлымъ верблюдамъ, которыми устлана вся дорога, по которой прошли русскія войска.

На полъ-пути отъ Казанджика, Капанадзе, измученный тревоженіями вчерашняго дня и лишнимъ концемъ, который ему пришлось сдѣлать сегодня изъ Бала-Ишема, началъ какъ-то неестественно покачиваться на сѣдлѣ, обнаруживая, видимо, поползновеніе заснуть.

Между тѣмъ, вдали показался привѣтливый свѣтъ, и мы ожили. Это были огни казанджикскаго укрѣпленія и, такъ какъ оно находится на возвышенномъ мѣстѣ, то эти огни видны ночью за двадцать верстъ.

Измѣнчивая гора съ мигающимъ свѣтомъ какъ будто удалялась отъ насъ, и мы долго еще то ѣхали, то вели лошадей въ поводу, пока не добрались до окончечности Кюрянъ-дага.

Отъ Казанджика можно считать начало текинскаго оазиса. Отсюда вода, попадающаяся на пути, повсюду становится значительно вкуснѣе, чѣмъ въ солончаковыхъ колодцахъ. Въ 16 верстахъ отъ Казанджика течетъ первый горный ручеекъ—Узуңъ-Су, что значитъ „длинная вода“, а въ горахъ, по словамъ туркменъ, родниковъ довольно много. Цвѣтъ почвы вдоль горъ тоже мѣняется и дѣлается темнѣе, а растительность становится гуще и разнообразнѣе.

По пути, въ болѣе удобныхъ для обработки мѣстахъ, попадаются слѣды недавнихъ поселеній, огородовъ и посѣвовъ. Первая кала, т. е. дворъ, обнесенный крѣпкой высокой стѣной, съ наблюдательной башней, встрѣчается на самой дорогѣ, верстахъ въ семи отъ Казанджика. Это кала Софи-хана.

Далѣе такія калы и мусульманскія кладбища попадаютъ нерѣдко въ сторонѣ отъ дороги, подъ самыми горами. Вслѣдствіе постоянныхъ экспедицій, текинцы постепенно оставляли эти поселенія: въ іюнѣ прошлаго года очистили Бами, а въ ноябрѣ—всѣ сосредоточились въ Геокъ-тепе, бросивъ между этими двумя пунктами, на протяженіи 120 верстъ, всѣ свои посѣвы, огороды и сады.

VI.

Казанджикъ расположенъ на скатѣ Кюрянъ-дага. Самые колодцы съ прекрасной водою находятся на возвышенной сѣдловинѣ, прикрытой двумя крутыми холмами, на которыхъ устроены земляные окопы.

Воинскій начальникъ Казанджика очень любезно насъ принялъ, напоилъ чаемъ и устроилъ ночлегъ въ одной изъ кибитокъ.

По утру онъ, между прочимъ, сообщилъ, что наканунѣ была получена телеграмма отъ генерала Петрусевича, извѣщавшая, что партія въ тысячу текинцевъ вышла изъ песковъ на Михайловскую линію.

Въ это время, вслѣдствіе увеличенія движенія транспортовъ по Михайловской линіи, текинцы, нападавшіе

прежде, главнымъ образомъ, на Атрекскую линію, стали тревожить и Михайловскую. Это тѣмъ болѣе было для нихъ удобно, что они черезъ пески выходили прямо во флангъ нашей линіи; укрѣпленные же пункты, наиболѣе близкіе къ оазису, изъ которыхъ можно подавать помощь, отстоятъ другъ отъ друга на разстояніи двухъ переходовъ; гарнизонъ въ нихъ состоялъ изъ роты пѣхоты, на каждое, и одной сотни казаковъ на всю линію до Кизилъ-Арвата. Кромѣ того, вслѣдствіе зимнихъ дождей, воду можно было найти повсюду въ видѣ большихъ лужъ, что могло значительно способствовать быстрому передвиженію большихъ конныхъ партій.

Нападеніе 25 ноября, произведенное подъ начальствомъ самого Тыкма-сардаря, было самымъ крупнымъ дѣломъ до осады Теокъ-тепе, если не считать рекогносцировки 6-го іюля. Вѣсть о немъ, сначала преувеличенная, по обыкновенію, быстро облетѣла тылъ и не только привела въ смущеніе Михайловскую линію, главнымъ образомъ рабочихъ, но произвела панику даже въ Красноводскѣ, благодаря женской половинѣ народонаселенія. На Михайловской линіи въ это время весь гарнизонъ опорныхъ пунктовъ, какъ я уже говорилъ, состоялъ изъ батальона Ставропольскаго полка и одной сотни казаковъ. Сверхъ того, по желѣзной дорогѣ былъ раскинутъ желѣзнодорожный батальонъ и около тысячи наемныхъ рабочихъ. Какъ батальонъ, такъ и рабочіе были распределены по разнымъ желѣзнодорожнымъ службамъ. Вслѣдствіе нападенія, были приняты разныя мѣры предосторожности: рабочимъ, находившимся впереди, роздано было нѣкоторое число старыхъ ружей Крынка, которыми теперь въ Закаспійскомъ краѣ во-

оружаютъ киргизскихъ джигитовъ. Были произведены нѣсколько разъ примѣрные тревоги.

Въ Красноводскѣ флигель-адъютантъ Макаровъ, исполнявшій тогда должность воинскаго начальника, привелъ въ извѣстность наличное число всѣхъ нижнихъ чиновъ, какъ строевыхъ, такъ и нестроевыхъ, вооружилъ часть жителей и указалъ всѣмъ мѣста, на случай нападенія. Ночные посты и патрули были усилены. Благодаря образцовому порядку, заведенному Макаровымъ, Красноводскъ успокоился, на желѣзной же дорогѣ долго еще ждали нападенія, въ особенности когда въ декабрѣ, стали приходить изъ подъ Геокъ-тепѣ вѣсти, казавшіяся неблагопріятными.

Вотъ какъ рассказываетъ одинъ изъ участниковъ подробности дѣла 25 ноября.

Въ передовой отрядъ двигалась колонна, состоявшая изъ батальона ставропольцевъ и батареи подъ начальствомъ полковника Козелкова. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ происходило сосредоточеніе войскъ къ Бами, и это былъ послѣдній эшалонъ на Михайловской линіи.

Въ Казанджикѣ колонна ночевала, а на утро 25 ноября должна была выступить далѣе. Еще раньше ея, съ разсвѣтомъ, двинулся впередъ телеграфный паркъ, подъ прикрытіемъ одной роты мѣстнаго батальона. Съ этимъ же паркомъ поѣхали: инженеръ-капитанъ Васильевъ, хорунжій Раецкій и поручикъ Барановскій. Они слѣдовали при колоннѣ Козелкова, но не находились при частяхъ и были просто свободными „пассажирами“, какъ это у насъ принято называть въ отрядѣ.

Телеграфный паркъ подвигался довольно медленно,

устанавливая по пути линію походнаго телеграфа. Упомянутые офицеры ѣхали впереди.

По дорогѣ, не доѣзжая Узунъ-Су, находится глиняный загонъ съ башней, носящій названіе кала Софи-хана. Здѣсь они остановились, пили чай и закусывали.

О текинцахъ въ это время ничего не было слышно; на пути они не попадались.

Предполагая, что на дорогѣ безопасно, офицеры рѣшили продолжать путь впередъ, не дожидая колонны, чтобы раньше ея прибыть на Узунъ-Су, гдѣ предполагался ночлегъ.

Они ѣхали беззаботно, въ самомъ хорошемъ настроеніи духа, и вдругъ увидали на дорогѣ лужу крови... Нѣсколько въ сторонѣ лежалъ зарубленный джигитъ. Тутъ настроеніе духа путешественниковъ нѣсколько измѣнилось и они рѣшили обождать телеграфный паркъ. Телеграфный паркъ и мѣстная рота уже подходили, когда со стороны Узунъ-Су прискакали два джигита. Видъ у нихъ былъ совершенно растерянный. Они рассказали, что текинцы неожиданно напали близъ Ушака на нашъ транспортъ, перебили много солдатъ и угнали верблюдовъ...

Въ то время, какъ киргизы рассказывали, вправо подъ горами показалась какая-то двигающаяся колонна, а въ самой дали большая масса, которая направлялась какъ будто въ пески и потомъ скрылась за горизонтомъ. Начальникъ телеграфнаго парка, полковникъ Карминъ, распросивъ киргизъ, послалъ ихъ съ запиской въ Казанджикъ. Между тѣмъ, по дорогѣ подошли остатки полуроты, прикрывавшей транспортъ, и съ ними

ротный командиръ Васильевъ; верблюдовъ при нихъ уже не было.

Васильевъ разсказалъ, какъ происходило дѣло.

Изъ Кизилъ-Арвата на Казанджикъ двигался обратный транспортъ, состоявшій изъ 2,000 порожнихъ верблюдовъ. При верблюдахъ было до ста безоружныхъ вожakovъ, киргизовъ, а конвой состоялъ изъ полуроты 3-го батальона Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ поручика Васильева.

На Ушакѣ транспортъ ночевалъ и съ разсвѣтомъ 25-го ноября выступилъ далѣе. Дорога идетъ вдоль подошвы Кюряндагскаго хребта и по пути пересѣкается шестью или пятью глубокими оврагами, которые, возвышаясь, идутъ къ горамъ.

Издали, вслѣдствіе ровнаго мѣста, эти овраги со всѣмъ незамѣтны, но въ нихъ легко можетъ спрятаться партія челоѣкъ въ тысячу.

Верблюжьи транспорты вообще вытягиваются, вслѣдствіе привычки верблюдовъ ходить гуськомъ и широко; когда же транспортъ началъ переходить эти овраги, то понятно, что онъ при этомъ еще болѣе растянулся. Еще при приближеніи къ оврагамъ, авангардъ замѣтилъ отдѣльныхъ всадниковъ, челоѣкъ тридцать, скакавшихъ около дороги. Поручикъ Васильевъ, ожидая нападенія, хотѣлъ остановить колонну и собрать верблюдовъ, но бывшій при колоннѣ подполковникъ Харитоновъ объявилъ, что принимаетъ начальство на себя, и, думая, что непріятеля мало, приказалъ транспорту скорѣе продолжать движеніе впередъ, разсчитывая на Узунъ-Су встрѣтиться съ колонной Козелкова.

Прикрытіе изъ 80 челоѣкъ двигалось приблизительно

такъ: 25 въ авангардѣ, 25 въ арріергардѣ и по 15 въ боковыхъ прикрытіяхъ.

Пока подтягивали на ходу и приводили въ порядокъ верблюдовъ, транспортъ уже былъ окруженъ текинцами.

Видя малочисленность прикрытія, текинцы, которыхъ было около восьмисотъ человѣкъ, смѣло насадили на транспортъ, упорно перестрѣливаясь и готовясь каждую минуту броситься въ шашки. Уже во время перестрѣлки апшеронцы потеряли нѣсколько человѣкъ ранеными, которыхъ сажали на верблюдовъ. Маіоръ Харитоновъ, видя что весь транспортъ спасти будетъ трудно, взялъ часть прикрытія и велѣлъ отгонять верблюдовъ къ горамъ, но это было исполнено только отчасти.

Текинцы же, выбравъ удобный моментъ, бросились въ атаку и, послѣ ожесточенной свалки, смявъ часть прикрытія, отогнали верблюдовъ, вмѣстѣ съ жожаками и нашими ранеными, и, прекративъ бой, отступили. Въ этомъ неравномъ бою апшеронцы потеряли около 35 человѣкъ убитыми и ранеными.

Получивъ всѣ эти свѣдѣнія, командиръ шедшей впереди мѣстной роты, поручикъ Яновскій, съ этой ротой и остатками полуроты Васильева, тотчасъ же отправился въ преслѣдованіе непріятеля. Полковникъ Карминъ, съ телеграфнымъ паркомъ, подъ прикрытіемъ полуроты, остался на мѣстѣ. Между тѣмъ, въ Казанджикѣ джигиты произвели тревогу. Прежде всего двинулась впередъ, на крупныхъ рысяхъ, полусотня Лабинскаго полка, подъ начальствомъ сотника Аленникова. За нею выступилъ налегкѣ полковникъ Козелковъ, съ батальономъ пѣхоты и 2 орудіями. Двигаясь быстро, полусотня близъ Узунъ-Су обогнала роту Яновскаго. Тутъ къ ней при-

соединились, въ качествѣ охотниковъ, офицеры, ѣхавшіе впереди. Тыкма-сардаръ между тѣмъ распорядился такъ: при верблюдахъ отправилъ челоѡкъ двѣсти и приказалъ имъ, какъ можно скорѣе, гнать ихъ въ пески, а самъ съ остальными занялъ дорогу близъ Ушака, думая сбить съ толку преслѣдователей и дать время угнать верблюдовъ. О движеніи же нашихъ войскъ около Узунъ-Су онъ уже зналъ. Скоро Аленниковъ доѣхалъ до мѣста побоища. Здѣсь лежало нѣсколько нашихъ убитыхъ солдатъ, обобранныхъ до гола, убитые верблюды и текинскія лошади безъ сѣделъ, которыя были ранены въ перестрѣлкѣ и которымъ текинцы, не желая, чтобы онѣ попались въ наши руки, распоролы брюхо. Тутъ же былъ оставленъ товарищами завернутый въ кошму раненый текинецъ, котораго казаки и пристрѣлили. Хотя далеко по дорогѣ и замѣчался непріятель, но верблужьи слѣды шли въ сторону, и на горизонтѣ видна была темная масса, похожая на стадо верблюдовъ. Вслѣдствіе этого, Аленниковъ поскакалъ за ними, прямо въ пески.

Это было весьма рискованное движеніе, потому что Тыкма-сардаръ могъ броситься ему въ тылъ и отрѣзать отступленіе. Однако послѣдній, хотя и замѣтилъ наше движеніе, но, предполагая, что за казаками двигаются еще войска, и рассчитывая, что верблюды успѣютъ уйти, остался на Ушакѣ. Кромѣ того, казаки двигались на крупныхъ рысяхъ, довольно широко, и издали полусотня могла казаться въ большемъ числѣ, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ.

Это была важная ошибка со стороны Тыкма-сардаря. Проѣхавъ песками верстъ пятнадцать, казаки подъ ве-

черъ настигли верблюдовъ. Шагахъ въ шестистахъ Аленниковъ спѣшилъ полусотню и далъ нѣсколько залповъ. Текинцы же частью старались отгонять верблюдовъ, частью разсыпались впереди и отстрѣливались. Сотня два раза мѣняла позицію и каждый разъ спѣшивалась и открывалъ огонь. Наконецъ, послѣ второго раза, казаки съ крикомъ ура поскакали въ атаку, но текинцы атаки не приняли и, очистивъ фронтъ, отступили за верблюдовъ. Болѣе трусливые усакали въ степь, бросая на мѣстѣ свои дорожные мѣшки съ ячменемъ, хлѣбомъ, джагурою.

Казаки преслѣдовали ихъ выстрѣлами черезъ верблюдовъ и затѣмъ начали сгонять послѣднихъ въ кучу. Тутъ кстати вылѣзли изъ подъ верблюдовъ вожаки, которые во время перестрѣлки лежали на землѣ; они стали помогать казакамъ. Вся масса верблюдовъ, охраняемая горстью людей, двинулась на дорогу. Было уже совсѣмъ темно и транспортъ двигался по звѣздамъ; чтобы онъ не слишкомъ растягивался и чтобы знать приблизительно расположеніе людей, Аленниковъ приказалъ казакамъ по временамъ пострѣливать вверхъ. Еслибъ Тыема-сардаръ въ это время повторилъ нападеніе, то легко могъ бы опять отогнать верблюдовъ, но онъ почему-то предпочелъ остаться на Ушакѣ. На дорогѣ транспортъ наткнулся на роту Яновскаго, вслѣдъ за тѣмъ присоединился и полковникъ Козелковъ, и вся колонна благополучно переночевала въ Узунъ-Су.

Въ Кизиль-Арватѣ, тамъ, гдѣ протекаетъ узкая горная рѣчка, находятся развалины прежней текинской крѣпостцы, разрушенной при Маркозовѣ, который въ

1872 году, нѣсколько времени занималъ этотъ пунктъ, дѣлая отсюда рекогносцировки до Беурмы. До генерала Скоболева Кизиль-Арватъ былъ исходнымъ передовымъ пунктомъ для нашихъ отрядовъ. Въ немъ пересѣкаются дороги михайловская, атрекская и передовая, идущая на Геокъ-тепе. Въ 1873 году Маркозовъ сосредоточивалъ въ Кизиль-Арватѣ свой отрядъ для дальнѣйшаго движенія черезъ пески на Хиву. Сильные жары въ безводномъ пути заставили его вернуться обратно, не дойдя до Орта-кую.

Генералъ Скобелевъ, въ виду разныхъ мѣстныхъ условий, а также желая ближе находиться къ непріятельскимъ поселеніямъ, продвинулся съ передовымъ отрядомъ на пятьдесятъ верстъ впередъ въ Бами, которое, такимъ образомъ, сдѣлалось передовымъ этапнымъ пунктомъ для войскъ и транспортовъ, идущихъ по тремъ военнымъ линіямъ.

ОТЪ БАМИ ДО ГЕОКЪ-ТЕЛЕ.

Подготовительныя дѣйствія.—Наступленіе отряда вторженія.—Приготовленіе текинцевъ къ оборонѣ.—Рекогносцировки крѣпости.—Поиски хорунжаго Степенко.—Текинскія поселенія во время войны.—Жизнь на опорныхъ пунктахъ.—Вѣсти изъ осаднаго лагеря.—Взятіе Великокняжеской позиціи.

I.

Со взятіемъ Бами, генераль Скобелевъ началъ дѣятельно заниматься сосредоточеніемъ въ этомъ пунктѣ провіанта, фуража, артиллерійскихъ снарядовъ и орудій. Сначала подвозъ производился главнымъ образомъ по атрекской линіи на верблюдахъ, нанимаемыхъ у джафарбаевцевъ и атебаевцевъ ¹⁾, а затѣмъ, когда подошло еще до 13 тысячъ ворблюдовъ, закупленныхъ въ Мангиш-лакѣ, Хивѣ и Оренбургскомъ краѣ, то перевозка стала производиться и по Михайловской линіи.

Къ концу октября, въ Бами былъ сосредоточенъ двух-

¹⁾ Туркменскія племена, кочующія по Атреку.

мѣсячный запасъ провіанта на 7,000 человѣкъ и фуражъ на 1,000 лошадей. Довольствіе состояло изъ сухопутной и морской провизіи, и нужно сознаться, что въ предъидущихъ степныхъ экспедиціяхъ солдаты никогда не имѣли такого разнообразнаго снабженія. Кромѣ того, рассчитывая на зимнюю экспедицію, командующій войсками распорядился о заготовленіи въ большомъ числѣ войлочныхъ кибитокъ для снабженія ими опорныхъ пунктовъ и дѣйствующаго отряда.

Во время подготовительныхъ дѣйствій, во избѣжаніе непроизводительной траты запасовъ, часть войскъ, предназначенная для усиленія ¹⁾ отряда, оставалась на западномъ берегу Каспійскаго моря, ожидая своевременнаго распоряженія о посадкѣ на суда.

Такимъ образомъ, вся тяжесть конвоированія безпрерывно двигающихся транспортовъ и службы на опорныхъ пунктахъ легла на бывшія въ степи части 21-й пѣхотной дивизіи, мѣстный батальонъ и части Полтавскаго, Таманскаго и Лабинскаго казачьихъ полковъ. Какъ для солдатъ, такъ и для офицеровъ, эта служба останется навсегда памятной. По нѣсколько разъ приходилось ходить взадъ и впередъ по раскаленнымъ пескамъ и солончакамъ въ самое знойное время года, причемъ горсть людей охраняла массы верблюдовъ. Затѣмъ слѣдовала вьючка, развьючка, складываніе бунтовъ изъ кулей и тяжелыя земляныя работы по укрѣпленію опорныхъ пунктовъ.

Рассчитывая на неизбѣжный при форсированной пе-

¹⁾ Ставропольскій и Крымскій пѣхотные полки, дивизіонъ тверскихъ драгунъ.

ревозкѣ падежъ верблюдовъ, начальникъ отряда, кромѣ того, командировалъ въ Персію своего начальника штаба, полковника Гродекова, съ нѣсколькими офицерами для закупки и заготовленія провіанта на персидской границѣ, близъ Геокъ-тепе. На эти закупки было ассигновано нѣсколько сотъ тысячъ рублей звонкой монетой.

Самъ Скобелевъ постоянно работалъ по сосредоточенію и организаціи запасовъ, лично и зорко слѣдилъ за исполненіемъ своихъ приказаній и инструкцій и быстро появлялся всюду, гдѣ только считалъ свое присутствіе необходимымъ. Разъѣзжалъ онъ по степи, несмотря на палящій зной, съ необыкновенной быстротою, дѣлая верхомъ болѣе ста верстъ въ сутки и сопровождаемый всегда ничтожнымъ конвоемъ. Сдѣлавъ громаднѣйшій переходъ, онъ послѣ этого еще садился за письменную работу, просиживая за ней по нѣскольку часовъ.

Свѣдѣнія о непріятелѣ до открытія серьезныхъ военныхъ дѣйствій, за отсутствіемъ хорошихъ лазутчиковъ, были самыя скудныя. То доходили слухи, что текинцы, въ числѣ 40 тысячъ, собрались въ Геокъ-тепе и тамъ рѣшились на отчаянную защиту; то говорили, что Геокъ-тепе оставлено. Послѣдняго опасались всего болѣе, такъ какъ съ этимъ исчезала возможность нанести непріятелю въ самомъ сердцѣ оазиса жестокой ударъ. Въ замѣнъ же послѣдняго, впереди представлялась продолжительная и безрезультатная степная война. Наконецъ, въ половинѣ сентября, генераль уѣхалъ въ Баши и вскорѣ затѣмъ началась перевозка войскъ изъ Петровска и сосредоточеніе передового отряда.

Въ концѣ ноября, войска двинулись впередъ от-

дѣльными эшелонами. Часть кавалеріи, а съ нею и командующій войсками, прошла, вверхъ по р. Чандыру, горной дорогою и вышла прямо на Келята, въ тридцати верстахъ отъ Геокъ-тепе. Здѣсь, послѣ незначительной перестрѣлки, начальникъ авангарда, полковникъ Навоцкій, отбилъ у непріятеля до четырнадцати тысячъ барановъ.

Вслѣдъ за тѣмъ была занята безъ боя Егіанъ-Батыръ-кала, въ 14-ти верстахъ отъ Геокъ-тепе, переименованная въ Самурское. Сюда ежедневно стали подходить войска, быстро двигавшіяся изъ Бами, черезъ опустѣвшія и раззоренныя селенія оазиса. Все населеніе Бами, Беурмы, Арчмана, Сунчи, Дуруна, Келята и другихъ уже давно отступило съ семьями и стадами на позицію Геокъ-тепе и здѣсь приготовилось къ упорной оборонѣ. Старики, взрослые и даже мальчишки—все спѣшили вооружиться чѣмъ ни попало для борьбы съ невѣрными. Для защиты Денгиль-тепе, прибыли текинцы и съ тыла, т. е. изъ Асхабата и Гяурса; даже мервцы прислали около четырехъ тысячъ всадниковъ, и носились слухи, что въ хазабатѣ принимаютъ участіе и хивинскіе юмуды. Еще лѣтомъ текинцы дѣятельно работали надъ усиленіемъ Денгиль-тепе, возвышая стѣны, устраивая парапеты и траверсы. Стѣны этой крѣпости въ прошлую экспедицію были на столько невысоки, что изъ-за нихъ были видны кибитки, въ которыхъ жили защитники съ своими женами. Теперь же ихъ возвысили до двухъ съ лишнимъ сажень высоты. Толщины стѣна имѣла около $4\frac{1}{2}$ саж. въ основаніи и около 3 саж. на верху. Верхняя площадка была увѣнчана двумя небольшими парапетами въ грудную

высоту, обращенными кнаружи и внутрь крѣпости; послѣдній предназначался для стѣлбы изъ-за него, въ случаѣ прорыва русскихъ внутрь крѣпости. Воротъ было оставлено только двое въ сѣверо-западномъ углу. Если принять во вниманіе, что общее протяженіе стѣны не менѣе трехъ верстъ, то можно судить—какихъ громадныхъ усилій и энергіи стоили текинцамъ ихъ приготовленія къ оборонѣ. Въ восьми верстахъ на сѣверъ, гдѣ уже начинаются пески, находилось еще старое укрѣпленіе, Куня-Геокъ-тепе, а на югъ, верстахъ въ двухъ—Янги-кала—цѣлая группа калъ, каменныхъ заборовъ и садовъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ иалами, расположенными въ окрестностяхъ, ручьями, длинными, плотинами и низкими каменными стѣнками, которыми текинцы мѣстами обносятъ поля и загонны для скотины, вся мѣстность, на протяженіи отъ горъ до Куня-Геокъ-тепе, представляла позицію, за которой непріятель могъ представить упорную и продолжительную оборону противъ открыто наступающаго непріятеля.

II.

Со дня занятія Самурскаго до взятія Янги-кала, т. е. до 20 декабря, Скобелевъ произвелъ четыре рекогносцировки крѣпости.

Главная цѣль ихъ заключалась въ желаніи ознакомиться обстоятельнѣе съ окрестностями Геокъ-тепе. На всѣ рекогносцировки генералъ ѣздилъ самъ, назначалъ въ колонну почти всегда вновь прибывающія изъ Бами части; при этомъ онъ имѣлъ возможность лично озна-

комиться съ боевыми качествами, какъ самыхъ частей, такъ и ихъ начальниковъ.

Наиболѣе серьезной рекогносцировкой была первая (4 декабря).

Цѣлью ея былъ ближайшій обзоръ мѣстности, прилегающей къ западной и южной стѣнѣ крѣпости, потому что Скобелевъ еще 6 іюля нашелъ наиболѣе удобной для осады юго-западную сторону.

Текинцы, предполагая, что русскіе идутъ на штурмъ, высыпали массами и все время провожали нашу колонну мѣткимъ огнемъ изъ мултуковъ, фальконетовъ и берданокъ, понавшихъ имъ въ руки послѣ прошлогодняго штурма.

Рекогносцировка, между прочимъ, выяснила, что у текинцевъ была только одна пушка. Вся текинская кавалерія находилась въ пескахъ, близъ Куня-Геокъ-тепе и, по сигнальному выстрѣлу изъ пушки, являлась у насъ на флангъ, стараясь охватить отрядъ со всѣхъ сторонъ. Тамъ же, въ пескахъ, были согнаны верблюды и скотина.

Текинская кавалерія, при ея сравнительной многочисленности, превосходныхъ коняхъ и умѣніи владѣть холоднымъ оружіемъ, могла бы наноситьъ намъ болѣе серьезный вредъ. Для этого, впрочемъ, непріятельской конницѣ не хватало организаціи и самоотверженія.

Во время всей экспедиціи, часть кавалеріи занималась только набѣгами и провожала выстрѣлами и криками наши транспортныя колонны и, при каждомъ серьезномъ сопротивленіи и сильномъ огнѣ, уносились въ пески, жалѣя, кажется, лошадей еще болѣе, чѣмъ себя. Другая часть оставалась близъ Куня-Геокъ-тепе и въ рѣшительныя минуты отчаянныхъ ночныхъ нападеній,

произведенныхъ доблестными текинскими пѣхотинцами, а также во время штурма, бездѣйствовала.

13 декабря, въ Самарское прибылъ туркестанскій отрядъ подъ начальствомъ полковника Куропаткина. Отрядъ этотъ формировался въ Петро-Александровскомъ укрѣпленіи изъ войскъ аму-дарьинскаго отдѣла. Весь отрядъ состоялъ изъ 3 ротъ, 2 сотенъ и взвода горной артиллеріи. Привычные къ степи туркестанцы сдѣлали тяжелый и продолжительный походъ и пришли подъ Геокъ-тепе бравыми молодцами

Путь ихъ проходилъ изъ Петро-Александровска на Хиву и Змукширь, а оттуда на Шахъ-Сенемъ, Ортакую, Игды и Бами.

Со стороны Кизиль-Арвата до Ортакую, этотъ путь былъ пройденъ съ большимъ трудомъ отрядомъ Маркова, въ 1873 году. Въ томъ же году Скобелевъ, тогда еще подполковникъ, находясь въ мангышлакскомъ отрядѣ, произвелъ скрытую рекогносцировку того же пути отъ Змукшира до Ортакую. Этотъ участокъ пути оказался еще болѣе трудно проходимымъ для большихъ отрядовъ.

На этотъ разъ Куропаткину благопріятствовала холодная зимняя погода и достаточное количество верблюдовъ.

III.

Ожидая Куропаткина нѣсколько ранѣе и безпокоясь за туркестанскій отрядъ, командующій войсками посылалъ въ пески охотничьи команды, но поиски послѣднихъ не увѣнчались успѣхомъ.

Въ концѣ октября, хорунжій Таманскаго полка, Стеценко, вызвался, по предложенію генерала, розыскать въ степи отрядъ Куропаткина, передать-ему нѣкоторыя бумаги и направить его на Кизиль-Арватъ.

Въ день отъѣзда, Скобелевъ передалъ Стеценко письмо къ Куропаткину и, взявъ съ него честное слово, что онъ его уничтожить, въ случаѣ несчастной встрѣчи съ текинцами, и живымъ въ плѣнъ не сдастся, обнялъ и пожелалъ успѣха. Стеценко выѣхалъ, переодѣтый въ туркменскій халатъ, въ сопровожденіи четырехъ джигитовъ и съ десятью заводными лошадьми. Всѣ эти джигиты были надежные и храбрые люди; одинъ изъ нихъ былъ извѣстенъ прежде за отчаяннаго степного разбойника, перешедшаго на службу нашему правительству. Имъ были обѣщаны солдатскіе кресты и денежныя награды.

Генераль Скобелевъ не зналъ, гдѣ находится Куропаткинъ, и потому совѣтовалъ Стеценкѣ ѣхать на Игды и далѣе на сѣверо-востокъ. Стеценко и отправился въ этомъ направленіи, выѣхавъ изъ Дузь-Олума 31-го октября.

По дорогѣ къ Игдамъ онъ встрѣчалъ неоднократно небольшія партіи конныхъ текинцевъ, которые, впрочемъ, не обращали особеннаго вниманія ни на него, ни на его спутниковъ.

Въ Игдахъ оказался только одинъ не засыпанный колодезь, съ соленой водой, которую съ отвращеніемъ пили лошади. Здѣсь же одинъ изъ проводниковъ подалъ Стеценкѣ письмо, которымъ начальникъ джигитовъ его уведомлялъ, что проводники дальше дороги не знаютъ. На вопросъ Стеценки—правда ли это, джигиты подтверди-

ли, что они дѣйствительно дороги не знаютъ, но что будуть сопровождать его, куда онъ пожелаетъ ѣхать.

Тогда Стеценко, переночевавъ въ Игдахъ, двинулся далѣе на сѣверовостокъ. Вода, взятая на заводныхъ лошадахъ, была скоро выпита, и послѣдніе три дня Стеценко и его джигиты странствовали безъ воды, а хлѣба не имѣли почти цѣлую недѣлю.

Блуждая подъ вечеръ близъ Ортакую, Стеценко потерялъ двухъ джигитовъ,—а его лошадь, по чутью, сама повернула на колодцы.

Здѣсь оставшіеся при немъ джигиты развели огонь. На огонь пришли остальные. Лошади всѣ пали. Джигиты зажарили конину и всѣ ѣли, кромѣ Стеценко, который отъ утомленія, жажды и теряя надежду выбраться изъ пустыни, озлобился и писалъ на плитахъ колодцевъ разныя ругательства.

Наконецъ, счастье ему улыбнулось. Свернувъ съ Ортакую на сѣверъ, вдоль песчанаго хребта Куле-Кира, онъ столкнулся на колодцахъ Чарышлы съ русскимъ отрядомъ. Этотъ былъ отрядъ генерала Глуховскаго, численностью доходившій до 800 человѣкъ, и предназначался для прикрытія ученой экспедиціи по изслѣдованію Узбоя.

Здѣсь Стеценко отдохнулъ, поправился и, получивъ свѣжихъ лошадей и проводниковъ, проѣхалъ черезъ хивинское ханство въ Петро-Александровскъ. Узнавъ, въ Петро-Александровскѣ, что Куропаткинъ недавно выступилъ въ походъ, онъ тотчасъ же отправился вслѣдъ, скоро его догналъ и вмѣстѣ съ нимъ 3-го декабря прибылъ въ Бами.

IV.

Текинскій оазисъ, составляющій зимнія поселенія текинцевъ, тянется узкою полосой вдоль горнаго хребта. Сѣвернѣе, въ пескахъ, противъ селеній, текинцы кочуютъ лѣтомъ и пасутъ тамъ свою скотину. Почва нодъ горами состоитъ изъ глины съ наносной землей и отличается плодородіемъ; впрочемъ, вслѣдствіе трудности орошенія и недостатка рабочихъ рукъ, текинцы очень часто прикупаютъ хлѣбъ въ Хивѣ.

Орошеніе производится изъ узкихъ ручьевъ, сбѣгающихъ съ горъ и пропадающихъ въ пескахъ, и изъ карызовъ. Карызъ—изобрѣтеніе персидское и представляетъ изъ себя искусственную подземную рѣку. По направленію скатовъ прорывается нѣсколько десятковъ, близко расположенныхъ другъ отъ друга, колодцевъ, которые внутри соединаются между собою общимъ подземнымъ каналомъ. Такимъ образомъ, въ карызѣ постоянно сохраняется вода, не высыхающая и во время сильныхъ жаровъ, какъ это случается съ ручьями. Устройство карыза требуетъ большого труда и денегъ;—за то владѣльцы такихъ карызовъ взимаютъ за право пользованія водой извѣстную плату и имѣютъ на этомъ значительный доходъ...

Кромѣ кала, т. е. дворовъ, у текинцевъ нѣтъ ни домовъ, ни мечетей. Даже въ своихъ зимнихъ поселеніяхъ они не оставляютъ привычекъ кочевого народа и живутъ въ войлочныхъ кибиткахъ. Только въ Дурунѣ и Аннау сохранились старинныя и полуразвалившіяся мечети и зданія изящной арабской архитектуры.

Текинскія поселенія между Бами и Геокъ-тепе прошлое лѣто имѣли весьма живописный видъ. Глиняныя стѣны маленькихъ укрѣпленій были окружены цвѣтущими лугами голубой юнжи (родъ клевера) и поля желтѣли пшеницей и джугуррой. Сѣрыя стѣны и кибитки прятались въ яркой зелени фруктовыхъ садовъ и виноградниковъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ все это было уничтожено частью самими текинцами, отступившими въ Геокъ-тепе, частью же войсками, которыя, послѣ рекогносцировки 6-го іюля, на обратномъ пути въ Бами, жгли овины и все, что можно было сжечь, и уничтожали посѣвы и огороды.

Я проѣзжалъ передовую линію въ концѣ декабря, когда зимнее время дѣлало еще печальнѣе картину общаго раззоренія.

Деревья стояли съ опавшими листьями, окружая осиротѣлыя селенія... Многія изъ нихъ были порублены проходящими войсками и уже въ послѣдствіи было приказано сохранять сады и за топливомъ отправлять команды въ горы. Отъ полей остались только одни слѣды. Печальный, совершенно мертвый видъ представляли брошенныя калы, пустые, полуразрушенныя загоны для скота и развалившіяся, недѣйствующія водяныя мельницы... Ни одного жителя не осталось. Текинцы все бросили и ушли частью въ крѣпость, частью въ пески. Только глубокіе и свѣжіе слѣды артиллерійскихъ колесъ свидѣтельствовали, что по дорогѣ непрерывно двигаются войска.

Взамѣнъ мирныхъ жителей, появились солдаты, а вмѣсто селеній, въ сторонѣ отъ нихъ, выросли опорные пункты, въ видѣ земляныхъ редутовъ съ небольшими

гарнизонами для охраны двигающихся караванов от набегов текинской кавалерии.

Только Арчманъ несколько оживлялся небольшимъ базаромъ, на которомъ нухурцы торговали яйцами, гранатами и кишмишомъ. Нухуръ—небольшой горный аулъ, верстахъ въ пятнадцать отъ Арчмана. Нухурцы — персидскаго происхожденія, народъ торговый, весьма не воинственный и хитрый; смотря по обстоятельствамъ, они служили и намъ, и текинцамъ. Кромѣ нухурцевъ съ персидской границы, изъ-за горъ, явились торговать и персидскіе курды. Они привозили на катерахъ и ослахъ, въ плетеныхъ корзинахъ, чуреки, масло, яйца и фрукты, т. е. такія вещи, которыхъ у маркитантовъ достать было трудно. Генералъ Скобелевъ покровительствовалъ этой торговлѣ и даже приказывалъ высылать караванамъ прикрытіе. Кромѣ того, нухурцы и персы пользовались случаями, когда проходили колонны, и прицѣплялись къ нимъ съ своими ишаками. Только жадность,—чисто восточная жадность,—къ наживѣ заставляла ихъ до извѣстной степени рисковать и являться даже въ осадный отрядъ, гдѣ они получали за свой товаръ такіе деньги, какихъ и во снѣ не видывали.

Такимъ образомъ, жадность дѣлала ихъ въ этомъ случаѣ храбрыми, потому что пограничные персы народъ трусливый и забитый, и одно имя текинца уже способно разстроить персу пищевареніе.

На сколько сильно обаяніе, которымъ пользуются текинцы въ Персіи, существуетъ слѣдующій персидскій анекдотъ. Одинъ изъ принцевъ, которыхъ въ Персіи очень много, ѣхалъ со своей свитой и конвоемъ черезъ Буджнуртъ. Подъ вечеръ, на него внезапно напали разбойники и

обратили конвой въ бѣгство. Принцъ пользовался славой храбрѣйшаго человѣка; кромѣ того, онъ былъ очень силенъ и, бросившись на предводителя разбойничьей шайки, повалилъ его на землю. Потомъ онъ сѣлъ ему на грудь и вынулъ длинный кинжалъ, чтобы перерѣзать ему горло. Разбойникъ однако не потерялся и закричалъ:

„Какъ ты смѣешь, шіитская собака, заносить на меня твой поганый кинжалъ! развѣ ты не знаешь, что я текинецъ?!“

При словѣ „текинецъ“, храбрый принцъ выронилъ кинжалъ и лишился чувствъ. Текинецъ же, въ свою очередь, вскарабкался на него, ограбилъ его, раздѣлъ и потомъ зарѣзалъ. Сопровождавшіе же принца сановники въ это время успѣли умереть отъ страху...

Въ этомъ анекдотѣ очень мало преувеличенія, если только познакомиться съ отношеніями, которыя существовали между этими добрыми сосѣдями. Первая причина ненависти и вражды состоитъ въ томъ, что персы—шіиты, а текинцы сунниты; вслѣдствіе этого, текинцы даже съ религіозной точки зрѣнія вмѣняють себѣ въ обязанность причинять первымъ всевозможныя непріятности. До послѣдней экспедиціи торговля рабами, т. е. плѣнными курдами и персами, все еще процвѣтала въ Ахаль и Мервѣ-теке. Въ особенности безпощадны были въ этомъ отношеніи ахаль-текинцы. Сѣверныя части Буджнурта, Кучана и даже Хорасана временами подвергались страшному опустошенію и рѣзнь причемъ цѣлыя селенія иногда уводились въ неволю.

Храбрость и отвага текинскихъ алламанджи до такой степени убила въ трусливыхъ персахъ идею самозащиты, что въ послѣднее время достаточно было

появленія въ богатомъ селеніи трехъ или четырехъ текинцевъ, чтобы породить общую панику. Такимъ образомъ, текинцы смотрѣли на свои набѣги, какъ на легкую, увеселительную прогулку. Соберутся небольшой компаніей и ѣдутъ въ какую нибудь персидскую деревню. Тамъ они дерутъ всѣхъ, кто ни попадется, нагайками, отрѣжутъ кому нибудь за грубость голову и начинаютъ требовать себѣ столько-то головъ скота, столько-то денегъ и т. д. Если при этомъ попадется на глаза хорошенькая персіянка, то и ее забираютъ въ томъ же числѣ. Горе персамъ, если они, разсердившись на текинцевъ, не исполняютъ ихъ требованія и вздумаютъ ихъ перебить или передать властямъ. Тогда, черезъ нѣсколько времени, является уже настоящая, большая шайка, которая уничтожаетъ все до основанія и всѣхъ уводитъ въ неволю.

Персидскія войска никогда не осмѣливались вступить въ серьезную войну съ текинцами, и пограничные правители бывали очень рады, когда, въ столкновеніи съ шайкой въ десятеро меньшей, имъ удавалось побѣдить и съ торжествомъ послать нѣсколькихъ плѣнныхъ въ Тегеранъ. Тамъ на текинцевъ смотрѣли, какъ на рѣдкихъ звѣрей, и предавали самымъ безчеловѣчнымъ казнямъ.

Незадолго до послѣдней экспедиціи, въ Тегеранѣ было разстрѣляно нѣсколько текинцевъ. При этомъ, разстрѣляніе было произведено особеннымъ образомъ, по персидски. Солдаты, назначенные производить казнь, стрѣляли по одиночкѣ, на разстояніи двѣсти шаговъ, и мученія продолжались бы, вѣроятно, долго, еслибъ въ это дѣло не вмѣшались члены европейскихъ посольствъ.

V.

На опорныхъ пунктахъ страшная скука. Если сравнить передовой лагерь съ большимъ городомъ, то опорный пунктъ хуже всякаго провинціального захолустья. Офицеры, попавшіе на послѣдней, всегда недовольны и, при случаѣ, непременно на кого нибудь рошцуть...

„Да-съ, батенька! ходили, ходили по степи.... Не мнѣ другихъ ходили... верблюдовъ нанюхались: а вотъ теперь—впереди дерутся, награды получаютъ, а ты тутъ сиди“...

Въ особенности недовольны сотенные командиры, которыхъ оставили на опорныхъ пунктахъ. „Мнѣ еще въ Красноводскѣ самъ Скобелевъ обѣщалъ взять впередъ сотню.. а вышло-то впередъ, да не совсѣмъ... эхъ!“ Затѣмъ начинаются заочные укоры полковому командиру... „Когда назначались впередъ, командиръ потребовалъ свѣдѣнія о побитыхъ лошадяхъ... Я показалъ добросовѣстно, а такой-то только четыре; его и взяли... а у него тридцать лошадей побито... подъ сѣдло страшно взглянуть: срамъ! Вотъ его и взяли, чертъ побери! Шарлатаны да фокусники всегда себѣ дорогу пробьютъ. Тамъ вотъ дерутся, награды получаютъ, а ты тутъ сиди“!..

Газеты попадаютъ рѣдко и то случайно, потому что почта проходить черезъ опорные пункты запечатанная. Офицеры бродятъ меланхоликами изъ кибитки въ кибитку, иногда поигрываютъ въ карты, а любители до охоты, когда въ горы собирается окаязія за дровами, идутъ стрѣлять кабановъ или джейрановъ. Всякаго проѣзжающаго комендантъ, онъ же командиръ роты, за-

нимающей гарнизономъ укрѣпленіе, встрѣчаетъ очень радушно и гостепріимно, предлагаетъ ему переночевать въ кибиткѣ, угощаетъ чаемъ, водкой и жаренымъ кабаномъ и заводитъ бесѣду. Если проѣзжающій ѣдетъ изъ передового отряда, то онъ спрашиваетъ его о дѣлахъ, потеряхъ и генералахъ, а, затѣмъ, ѣдущему въ передовой отрядъ все это самъ рассказываетъ, иллюстрируя по своему положенію дѣлъ, насколько ему позволяетъ разыгравшаяся въ уединеніи фантазія.

У всякаго коменданта таится въ сердцѣ надежда, что текинцы догадаются и произведутъ на него нечаянное нападеніе, а онъ ихъ, подлецовъ, раскатаетъ, отобьетъ нападеніе и получить за это награду.

Бдительность и порядокъ на передовыхъ опорныхъ пунктахъ удивительные; да иначе и нельзя, потому что текинцы на своихъ легкихъ коняхъ разѣзжаютъ постоянно въ пескахъ, на разстояніи немного болѣе пушечнаго выстрѣла, и только выжидаютъ случая броситься на какую-нибудь оказію, а, при возможности, не прочь напасть и на укрѣпленіе. Одинъ изъ комендантовъ однажды замѣтилъ въ сторонѣ довольно большую кучу всадниковъ. Такъ какъ они ѣхали не по дорогѣ, а прямо по полю, на сторонѣ, противоположной укрѣпленію, то явилось предположеніе, что это текинцы, а одинъ изъ присутствующихъ даже предложилъ пустить въ нихъ пару гранатъ. Комендантъ, однако, сначала захотѣлъ убѣдиться, точно ли это текинцы, и послалъ полусотеннаго командира на встрѣчу, условившись, чтобы онъ далъ извѣстнымъ образомъ знать, текинцы это или нѣтъ. Не доѣхавъ нѣсколькихъ сотъ шаговъ до мнимаго не-пріятеля, посланный офицеръ поскакалъ назадъ, что, по

условію, означало, что это дѣйствительно непріятель. Командантъ приказалъ открыть огонь, и одна граната разорвалась въ самой серединѣ всадниковъ. По счастью, никого не убило и не ранило, такъ какъ это ѣхалъ начальникъ штаба, генералъ Гродековъ, съ небольшимъ конвоемъ.

На дорогѣ, не далеко отъ Егіанъ-Батыръ-кала, я встрѣтился съ транспортомъ раненыхъ, который эвакуировали въ Бами. Тутъ были и драгуны, и казаки, раненые въ дѣлѣ Петрусевича, а также пѣхотинцы, пострадавшіе при заложеніи первой параллели.

По ходившимъ тогда слухамъ на линіи, 23-е декабря, когда случились оба дѣла, было не удачнымъ. Уже на предыдущихъ рекогносцировкахъ текинцы выказали особенное упорство, а серьезныя потери 23-го въ дальнѣйшей борьбѣ предвѣщали отчаянное сопротивленіе. Преувеличенные слухи о послѣднемъ разносились по опорнымъ пунктамъ, и у всѣхъ невольно возникали въ воспоминаніи неудачныя военныя дѣйствія прошлой экспедиціи. Еще болѣе тревожное настроеніе духа было въ Егіанъ-Батыръ-кала, куда я пріѣхалъ 29 декабря. Только-что наканунѣ текинцы произвели отчаянную вылазку большими массами, прорвали вторую и первую параллель, смяли апшеронскій батальонъ, завладѣли знаменемъ и горной пушкой.

Въ ночь на 29-ое ждали нападенія, до разсвѣта, на Самурское; треть гарнизона лежала въ секретахъ, остальные части были расположены въ полной боевой готовности, за стѣнками укрѣпленія, чтобы по первому выстрѣлу или крику броситься въ ружье; лошади въ кавалеріи были осѣдланы... Ночь была тревожная...

VI.

Изъ Егіанъ-Батырь-кала, переименованнаго въ Самурское, видны и Геокъ-тепе и Янги-кала: Янги-кала — вправо, на югъ, по легкому склону, подходящему къ Копетъ-дагу; налѣво, верстахъ въ четырехъ на сѣверъ длинной темной линіей вырисовываются, при ясномъ, безоблачномъ небѣ, стѣны Денгиль-тепе, съ острымъ холмомъ въ сѣверномъ углу и рѣдкими деревьями впереди. Въ промежуткѣ, по долинѣ, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, взлетаютъ бѣлые клубы дыма и раздаются удары пушекъ. Въ три часа пополудни къ артиллерійской пальбѣ присоединилась ружейная трескотня.

На одной изъ батарей Самурскаго стоитъ гелиографъ и, пользуясь ясной погодой, поспѣшно переговаривается съ Янги-кала, въ которомъ другое гелиографное зеркало быстро и красиво мигаетъ, точно яркая звѣздочка. Безпрерывно передаются предписанія и сообщенія о ходѣ дѣлъ, а также донесенія генерала Скобелева Великому князю.

Какъ бы въ отвѣтъ непріятелю за его дерзкое нападеніе, произведенное наканунѣ вечеромъ, начальникъ отряда штурмовалъ Великокняжескую позицію. Сначала ее сильно обстрѣляли изъ осадныхъ батарей и потомъ Куропаткинъ бросился съ пѣхотой на приступъ. Великокняжеская позиція состоитъ изъ группы калъ, расположенныхъ саженьхъ въ сорока отъ юго-восточнаго фронта крѣпости. Занятіе ея очень важно: оно приближаетъ осаду къ ея послѣднему періоду, отнимаетъ у непріятеля постройки, изъ которыхъ онъ могъ обстрѣливать

справа наши работы, и даетъ намъ возможность бомбардировать внутренность укрѣпленія съ близкаго разстоянія.

Атака Великокняжеской, подготовленная артиллеріей, произведена была вполнѣ удачно. Не такъ легко было приспособить немедленно къ оборонѣ самые дворы, низенькія стѣнки впереди большой калы и соединить все это ходами сообщенія. Когда стрѣлковыя прикрытія и саперы, выбѣгая черезъ пробитыя ломами отверстія впередъ, начинали окапываться, то текинцы открыли по нимъ жестокой огонь со стѣнъ. Ширванцы, засѣвъ за каменными барьерами, отвѣчали бѣглымъ огнемъ. Всю позицію заволокло дымомъ. Сквозь трескотню ружей раздавались команды и стоны раненыхъ. Убитые и раненые падали десятками; санитары съ самоотверженіемъ выносили ихъ на перевязочный пунктъ и подъ огнемъ бѣгали за водой къ ручью, причемъ текинскія пули били и ихъ и разбивали бутылки въ ихъ рукахъ.

Съ наступленіемъ темноты, по приказанію командующаго войсками, начали поспѣшно соединять вновь занятую позицію ходами сообщенія со второй и первой паралелю. Несмотря на энергичную работу, къ утру 30-го вновь открытые ходы были еще мелки и не вездѣ прикрывали отъ взоровъ, а слѣдовательно и отъ продольныхъ выстрѣловъ непріятеля. Въ траншеяхъ были убитые и раненые. Ходъ сообщенія между Большой калой и Охотничьей болѣе чѣмъ на половину обстрѣливался со стѣны, и многіе солдаты, проходившіе по немъ за водой, заплатились своей кровью за желаніе напиться.

Въ числѣ прочихъ, въ этомъ ходѣ палъ жертвой своей смѣлости инженеръ-капитанъ Яблочковъ, завѣдывавшій осадными работами праваго фланга, въ то время какъ онъ перебѣгалъ изъ Охотничьей въ Великокняжескую, интересуясь, что дѣлается въ послѣдней. Соединительный ходъ состоялъ изъ двухъ колѣнъ, составляющихъ между собою тупой уголъ; оба колѣна обстрѣливались. Яблочковъ пробѣжалъ первое и, при поворотѣ, присѣлъ вздохнуть за стѣнкой, за которой лежали наши стрѣлки; потомъ всталъ и пробѣжалъ ко входу въ Великокняжескую. Но текинцы, замѣтивъ его, держали ружья на сошкахъ и, шагахъ въ трехъ отъ входа, всадили ему въ бокъ пулю. Яблочковъ вскочилъ въ калу какъ ужаленный, схватился за грудь, повторяя нѣсколько разъ: „Ага! есть! есть!.. смертельно раненъ!..“ и потомъ судорожно началъ разстегивать сюртукъ, изъ подъ котораго уже лилась кровь... Тутъ его подхватили и унесли на перевязочный пунктъ.

Въ ночь въ обоихъ колѣнахъ было сдѣлано изъ туровъ два траверса и тогда уже по нимъ можно было ходить съ приблизительной безопасностью.

ПОДЪ СТѢНАМИ ДЕНГИЛЬ-ТЕПЕ.

Перемѣщеніе лагеря въ первую параллель.—Непріятельская стрѣльба.— Видъ лагеря.—Кибитка Скобелева.—Убитые.—Осадныя работы.—Видъ Геокъ-тепе и траншей вечеромъ.—Смѣна траншейнаго караула.—Настроеніе духа отряда послѣ первыхъ нападеній.—Скобелевъ, какъ начальникъ.

...31-го декабря, утромъ, осадный отрядъ третій разъ мѣнялъ лагерное расположеніе. Сначала онъ стоялъ въ Янги-кала, на разстояніи около двухъ верстъ отъ крѣпостной стѣны, потомъ двинулся на полверсты впередъ и, наконецъ, очутился за параллелью, въ сферѣ ружейнаго огня.

Когда я подъѣзжалъ, то часть кибитокъ уже стояла на новомъ мѣстѣ, другія еще разбивались. По направленію къ первой параллели отъ стараго лагеря тащились фургоны и верблюды, нагруженные на скорую руку кошмами, рѣшетками отъ кибитокъ, офицерскими вещами и сухарями, повозки съ ротными котлами и кое-какимъ солдатскимъ скарбомъ; шли въ разбродъ солдаты, переваливаясь въ своихъ неуклюжихъ поршняхъ, съ ружьемъ на плечѣ и съ мѣшкомъ изъ грубаго хол-

ста за спиною... пѣшіе казаки съ исхудалыми лошадьми въ поводу, навьюченными остатками фуража; черкески разноцвѣтныя, засаленныя, вымазанныя въ дегтѣ и изорванныя до того, что полы кажутся отдѣланными фесто-нами; за спиною винтовки въ чехлахъ изъ мохнатого бурочнаго сукна, а черезъ плечо шашки въ потрескавшихся ножнахъ... Проскрипѣли своими немазаными колесами татарскія арбы, на которыхъ маркитанты, бра-вируя опасность, устремлялись въ атаки на офицерскіе и солдатскіе карманы. Тутъ же, похлебавъ на скорую руку воды изъ какой-то подозрительной лужи (гдѣ ужъ тутъ бѣгать къ ручью!), бѣгутъ двѣ откормленныя ар-тельныя собаки, неизмѣнно пробѣжавшія пески впереди своихъ частей, какъ тамбуръ-мажоры французской ар-міи. Эти умныя и храбрыя животныя, такъ же, какъ и лошади, идутъ спокойно впередъ, не обращая вниманія на то, что текинскія пули свистятъ въ воздухѣ или впадаютъ подъ самымъ носомъ въ землю.

Между тѣмъ, непріятельскій огонь замѣтно уси-ляется, по мѣрѣ того какъ лагерь съ чисто русскою смѣ-лостью нарастаетъ подъ глазами у текинцевъ въ какихъ нибудь 800—900 шагахъ отъ крѣпости. Большіе бѣлые шатры „Краснаго Креста“ уже разбиты и уже во мно-гихъ мѣстахъ пробиты пулями. Видъ солдатъ довольно утомленный. Лица усталыя отъ траншейной службы, земляныхъ работъ, частаго неспанья по ночамъ, тре-вогъ и нападеній. Къ непріятельской стрѣльбѣ по ла-герю, гдѣ полагается отдыхъ, а не служба, они отно-сятся сначала съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но и безъ страху, равнодушно, съ тѣмъ чисто животнымъ убѣж-деніемъ, что здѣсь пули летаютъ такъ, „зрящія“, кото-

рыя и убивать не могутъ, потому это будетъ не „по положенію“; въ лагерѣ солдатъ отдыхаетъ, обѣдаетъ и „вечеряетъ“... А между тѣмъ пули, пролетая черезъ тѣсно поставленный лагерь, бьютъ и лошадей, и людей...

А вотъ идетъ деньщикъ въ старомъ офицерскомъ сюртукѣ безъ погонъ и въ шубнякѣ на распашку и кэпи канареечнаго цвѣта; подъ мышкой у него складной самоваръ; съ боку, въ грязной салфеткѣ, связанной узломъ, и на веревочкѣ черезъ плечо болтаются и звенятъ немые стаканы и блюдечки; рядомъ съ нимъ ротный писарь. Они видимо находятся между собой въ пріятельскихъ отношеніяхъ, но иногда говорятъ другъ другу „вы“...

— Что это вы самоваръ-то на повозку не положили?

— Нельзя-съ. Неравно крантъ отломается или тамъ что... Тутъ не починешь... а здѣсь самоваровъ-то во всемъ отрядѣ два, три и обчелся: все чайники... Слава Богу, послѣднее несу... Съ утра таскаю со стараго-то мѣста.

— Ужо чаемъ-то попойте... Тоже вотъ измучился, канцелярію-то таща...

Заходите вечеромъ: баринъ дежурить ночью... И какъ эти текинцы палить зачали,—не равно въ ногу попадетъ, прости Господи!..

— Сейчасъ фельверкеръ сказывалъ: батарейнаго командира корову большущей пулей вбили... Вѣдь какъ пущаетъ!..

— Ничего: это „онъ“ спервоначала, по лагерю-то... Попривыкнетъ, приглядится, значить, и перестанетъ...

Генераль Скобелевъ велѣлъ разбить свою кибитку въ первой параллели за батареей № 4; здѣсь же проходилъ центральный ходъ отъ стараго лагеря, который, пересѣкая первую параллель, идетъ дальше ко второй. У генерала большая кибитка ¹⁾), обтянутая бѣлымъ войлокомъ или, какъ тутъ говорятъ, „кошмой“. Когда для нея отрыли въ параллели помѣщеніе и стали устанавливать, то текинцы, угадавъ вѣроятно, по размѣрамъ и по воткнутому около значку, что это кибитка старшаго начальника, долго по ней стрѣляли, пока ее не окопали какъ слѣдуетъ. Когда я подъѣхалъ къ лагерю, то артиллерія уже была разстановлена по наружному обводу. Въ лагерѣ было очень тѣсно, и покуда все еще не устроилось и не осмотрѣлось, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трудно было пробраться. Юломейки стояли почти безъ промежутковъ, а свободныя мѣста были загромождены зарядными и патронными ящиками, повозками, мѣшками и всякимъ военнымъ добромъ. Тутъ же, кромѣ тѣсно стоящихъ въ рядъ на коновязяхъ кавалерійскихъ лошадей, стояли верховыя лошади офицеровъ и обозныя. Офицеры и солдаты, свободные отъ службы, располагались по домашнему на новомъ мѣстѣ и, начиная привыкать къ тому, что въ воздухѣ что-то жужжало и пощелкивало

¹⁾ Кибитка отличается отъ юломейки своими размѣрами и верхомъ; у кибитки верхъ имѣетъ видъ куполообразный отъ деревяннаго круга, въ который вставляютъ прутья отъ рѣшетокъ, изъ которыхъ составляются стѣны; юломейка островоконечная. Какъ та, такъ и другая дѣлаются изъ раздвижныхъ рѣшетокъ, состоящихъ изъ тонкихъ палокъ, связанныхъ веревками. Установленный изъ такихъ рѣшетокъ остовъ обтягивается снаружы войлокомъ и обвязывается веревками.

о дерево кибитокъ и повозокъ. По временамъ раздавался громкій возгласъ: „фельдшера!“ или: „ай, братцы, ранили!“, и бѣднягу тащили на полотняныхъ носилкахъ въ бѣлые шатры госпиталя, гдѣ тоже убивали и ранили.

Пробираясь между ящиками, лошадьми и кучами хвороста и шанцевого инструмента, сваленнаго за саперной ротой, я, наконецъ, добрался до первой параллели.

Параллель такъ же, какъ и траншея и ходъ сообщенія, состоитъ изъ рва, изъ котораго земля выбрасывается къ сторонѣ непріятеля; образующійся такимъ образомъ валикъ называется брустверомъ. Параллель употребляется при осадѣ;—это длинная траншея, огибающая концентрически крѣпость, съ той стороны, съ которой ведется осада. Параллели занимаютъ пѣхотой, составляющей траншейный караулъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ровъ уширяется до трехъ сажень и здѣсь ставится артиллерія для стрѣльбы по крѣпости. Для охраненія параллели отъ вылазокъ на ея флангахъ устраиваются четырехъ-угольные редуты, въ которыхъ помѣщается гарнизонъ изъ одной или двухъ ротъ при нѣсколькихъ легкихъ орудіяхъ. Ходы сообщенія, соединяя переднія параллели съ задними, идутъ не по прямой линіи на крѣпость, а наискось, зигзагами; иначе они легко бы обстрѣливались продольно. Какъ въ траншеяхъ, такъ и въ параллеляхъ отрываются отдѣльные небольшія колѣна и завороты въ стороны, въ которыхъ устраиваютъ пороховые погребки, передовые перевозочные пункты и т. п.

Правильная осада крѣпости приведена въ систему и

введена въ Европѣ въ XVII столѣтіи знаменитымъ французскимъ инженеромъ Вобаномъ, но параллели изобрѣтены еще до того турками.

II.

Въ первой параллели шла такая же суета, какъ и въ серединѣ лагеря. По внутреннему ея краю кое-гдѣ еще устанавливались кибитки. Солдатики вкапывали ихъ слегка въ землю и, кромѣ того, обсыпали снаружи фута на полтора землей, такъ какъ Скобелевъ приказалъ окопаться, чтобы людей не били во время сна и отдыха. Но солдатики приходили настолько усталые въ лагерь, что кибитки такъ и остались до конца осады окопанными только отчасти и далеко не всѣ; да и, наконецъ, это была бы такая большая работа, что на нее не хватило бы рукъ.

По траншеѣ непрерывно проходили команды солдатъ, бѣгали писаря съ бумагами, спѣшили адъютанты и ординарцы...

Ротные кашевары и артельщики въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже приладили къ брустверу большіе котлы, въ которыхъ бурлила мутная вода съ капустой, и рѣзали мясо; другіе, вырывъ въ банкетѣ небольшую нишу, грѣли чайники... Правѣе, около батареи № 3, музыканты, усѣвшись на землѣ, репетировали какой-то маршъ.

— Пусти, дай дорогу-то! говорили санитары зѣвакамъ и любителямъ чая, увлеченнымъ черезчуръ раздуваньемъ огонька подъ чайникомъ...

— Что это: раненый?

— Убить, ваше высокоблрдіе...

— Въ глазъ ранили почтеннаго... замѣтилъ кто-то, и въ голосѣ слышится и шутка, и состраданіе...

— Да... уже больше любопытствовать не будетъ!.. съ этого не выживешь...

Это былъ первый убитый, котораго я увидѣлъ въ траншеяхъ, какой-то нахмуренный, съ наморщеннымъ, блѣднымъ лицомъ; маленькая борода сбилась въ комокъ. Пуля попала прямо въ глазъ, превратившійся въ одну большую темную рану, и кровь, оросившая часть лба, волосы и носилки, уже успѣла наполовину застыть и потемнѣть.

Жалко было какъ-то смотрѣть на этотъ старый, запыленный мундиръ, изодравшійся подъ мышками и на обшлагахъ, порывѣлые штаны и выпачканные въ грязи поршни и тряпки.

Окружающіе, впрочемъ, отнеслись къ нему, если не равнодушно, то спокойно: привычка брала свое, и чайники продолжали грѣться, а музыканты попрежнему фальшиво репетировали маршъ.

На лѣвомъ флангѣ, близъ штаба, на разложенныхъ по землѣ буркахъ нѣсколько офицеровъ, полулежа, ѣли супъ изъ закоптѣлой кострюльки; другіе тутъ же курили и о чемъ-то болтали и смѣялись...

Надъ всей картиной этого военнаго табора стояла густая пыль отъ солдатскихъ сапоговъ, окапываемыхъ кибитокъ и легкихъ дуновеній вѣтра...

Весь лагерь тѣсно расположился, имѣя съ сѣверной стороны первую параллель, слѣва центральный ходъ, а справа ручей, названный „Туркестанской водой“. Всѣхъ ручьевъ здѣсь четыре. Они текутъ изъ Копетъ-дага

прямо на сѣверъ, параллельно другъ другу. Западный, называемый по тюркски Сакизь-ябъ, переименованъ въ Опорный. Онъ идетъ мимо Опорной калы и проходитъ въ пески съ лѣвой стороны Денгиль-тепе, черезъ Мельничную калу. Остальные три ручья—Великокняжеская, Туркестанская и Ольгинская воды—протекають съ правой стороны крѣпости. Вода въ этихъ ручьяхъ, несмотря на суглинистую почву, благодаря умѣнью средне-азіатцевъ поддерживать канавы и ручьи отъ засоренія, до прихода нашихъ войскъ была чиста и прозрачна; теперь она замутилась, за отсутствіемъ надзора и вслѣдствіе, съ одной стороны, привычки нашихъ солдатъ выбрасывать въ воду всякую дрянь, а съ другой—отъ странной манеры верблюдовъ и другихъ крупныхъ животныхъ передъ смертью залѣзать въ воду.

То, что стало полемъ брани, прежде служило для воздѣлыванія пшеницы и джугурры, но ни отъ той, ни отъ другого не осталось даже слѣдовъ. Вся мѣстность, занятая осадными работами, представляла ровную площадь темносѣраго цвѣта, на которой мѣстами, какъ морщины, попадались мелкіе овражки и обсыпавшіяся оросительныя канавки.

Солнце уже близилось къ закату и бѣлый туманъ быстро опускался по чернымъ нагорнымъ балкамъ Копеть-дага, самъ принимая сѣрый, неясный цвѣтъ... Сѣверо-восточный вѣтеръ быстро гналъ и разрывалъ розовыя облака... Становилось холодно. Отъ заходящаго солнца черныя траншеи рѣзко выдѣлялись на полѣ. Западная стѣна Денгиль-тепе приняла блестящій свѣтлосѣрый оттѣнокъ, а восточная стала исчезать въ вечерней мглѣ, но за то бойницы и зазубрины парашета,

трещины, траверсы и большая Великокняжеская капа приняли оригинальный рельефъ, вслѣдствіе большихъ падающихъ тѣней.— Нѣсколько менѣе ясно, вдали, направо, виднѣлася правофланговая капа, а еще далѣе сады Петрусевича, въ которыхъ погибъ этотъ храбрый генераль.

До заката солнца обыкновенно происходитъ смѣна траншейнаго караула. Батальоны, назначенные въ смѣну, уже выстроились развернутымъ фронтомъ въ первой параллели и частью уже двигались справа рядами по центральному ходу, расходясь вправо и влево по позиціи, на назначенные пункты. Въ траншеяхъ слышался мѣрный топотъ шаговъ, побрякиваніе манерокъ и мѣдныхъ чайниковъ и глухое лязганье отъ удара штыка объ штыкъ. Концы этихъ штыковъ змѣиной чешуей вились по апропамъ надъ двигающейся лентой черныхъ солдатскихъ фуражекъ.

По траншеямъ солдаты шли, слегка наклонившись; онѣ еще недостаточно глубоки и не прикрываютъ высокихъ людей; разговоры слышались только глухіе, потому что въ траншеяхъ соблюдается тишина. Проходы узкіе и при встрѣчѣ съ ротой приходится или присѣсть на банкетъ или пробираться бокомъ. По временамъ головные ряды сталкиваются съ санитарными носилками или съ начальствомъ и останавливаются; рота топчется на мѣстѣ...

— Прими въ сторону-то!.. слышится рѣзкое приказаніе въ полголоса унтеръ-офицера.— „Ты, ротозѣй!.. чего смотришь!“

— Рота, прямо! раздается впереди приказаніе ротнаго командира...— „Прямо, прямо“... повторяется въ полго-

лоса по рядамъ... — Прямо! слышь! ишь ты, ротозѣй, право! и опять мѣрный топотъ и двигающаяся чешуя отпущенныхъ штыковъ.

Въ это время старый караулъ, утомленный тревожной ночью и непрерывной пальбой, стоитъ, выстроенный вдоль банкета; солдатики, испачканные въ грязи и пыли, съ глазами, воспаленными отъ порохового дыма, бестрастно и какъ-то безучастно ожидаютъ команды: „направо!“ или „налѣво!“ „шагомъ-маршъ!“ Офицеры, такіе же запыленные какъ и солдаты, въ полушубкахъ съ погонами или кутаясь въ бурки, идутъ впереди... Такимъ образомъ, гарнизонъ траншей вечеромъ удваивается и сплошныя массы солдатъ двигаются взадъ и впередъ. Въ это время все, чаще и чаще вспыхиваютъ дымки надъ непріятельскимъ парашетомъ и, поднимаясь вверхъ, разносятся вѣтромъ на розоватомъ фонѣ темнѣющаго неба. Текинцы участили огонь и пули разныхъ калибровъ, начиная съ берданки и кончая фальконетной, разсѣкаютъ воздухъ, напѣвая, какъ стая пчелъ, и прорѣзая по временамъ гребень бруствера. Пуля изъ нарѣзного фальконета пронзительно воетъ на полетѣ и звонко щелкаетъ о твердую землю или камень, невольно возбуждая удовольствіе, что это не въ лобъ и не въ ногу.

Чѣмъ ближе я подходилъ къ передовымъ траншеямъ, тѣмъ болѣе попадались на пути солдаты и носилки... Вотъ небольшая углубленная площадка съ двумя кибитками; къ внутренней отлогости рва приставлено стоймя нѣсколько носилокъ съ холстомъ, испещреннымъ черными пятнами крови. Нѣсколько санитаровъ, съ бѣлыми повязками на рукавахъ, сидятъ кружкомъ на землѣ и покуриваютъ бумажныя трубочки... Это перевязочный

пунктъ... Вотъ и молодой докторъ, перевязывающій прострѣленную руку молодцу-унтеръ офицеру, поблѣднѣвшему отъ потери крови. Тутъ же, въ уголку, фельдшеръ приготовляетъ чай.

Чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ становились слышнѣе выстрѣлы. Саперы и рабочіе пѣхотинцы тащили куда-то къ лѣвому флагу нѣсколько фашинъ, мѣшки и лопаты... Подъ ноги стали чаще попадаться патронныя гильзы и рваныя ракетныя трубки. Пахнуло пороховымъ дымомъ...

Въ передней параллели лица казались серьезнѣе и сосредоточеннѣе, и во взглядѣ что то острое, какъ у хищной птицы; утомленіе заглушалось напряженіемъ нервовъ. Солдаты, кто въ полушубкахъ, кто въ мундирахъ, съ фуражками, слегка вздернутыми на затылокъ, занимали густою цѣпью банкетъ. Одни полулежа, другіе на колѣняхъ наблюдаютъ черезъ бойницы за неприятельской стѣной.

Бойницы сложены по верху бруствера изъ двухъ мѣшковъ, наполненныхъ землей и положенныхъ съ промежуткомъ, который перекрытъ третьимъ мѣшкомъ. Солдаты, просунувъ ружья въ бойницы, пострѣливаютъ по временамъ и вновь заряжаютъ; одни стрѣляютъ на дымокъ или подъ большимъ угломъ возвышенія по внутренности крѣпости, рассчитывая, что „она виноватаго найдетъ“; другіе терпѣливо выжидаютъ, не покажется ли остроконечная папаха. Стрѣльба временами будто утихаетъ. Нѣсколько солдатиковъ, не смотря на приказаніе унтеръ-офицера „не выглядывать зря“, смѣло высовываются изъ-за бруствера, стоворившись прицѣлкнуть какого-нибудь надоѣдливаго знаконца. На стѣнѣ какъ

бы въ отвѣтъ вспыхиваютъ отблески ружейныхъ стволовъ и показываются бараньи шапки... „Пали!“ и съ обѣихъ сторонъ вылетаетъ полоса дыма и раздается сухой трескъ перекатнаго залпа... Кто-нибудь падаетъ, пораженный въ голову, или, схватившись за разбитое плечо, бредетъ на перевязочный пунктъ, облокотясь на товарища и приговаривая: „вотъ и выпалилъ, їдятъ его мухи! Спервоначалу я его убилъ, а потомъ онъ меня“...

А тамъ, за стѣной, быть можетъ, тоже какой-нибудь сѣдобородый текинецъ покатился съ разбитымъ черепомъ, и его молодой сынъ, потрясая шапкой въ сильной рукѣ, посылаетъ невѣрнымъ свое юношеское проклятіе.

Въ лагерѣ между тѣмъ полковые хоры играютъ марши. Начинаетъ совсѣмъ темнѣть. Барабаныщики и горнисты подаютъ повѣстку. Съ батареей даютъ залпъ по крѣпости; музыка играетъ зорю, „Боже, Царя храни“ и „Коль славенъ Богъ“—и въ лагерѣ притихаетъ.

Въ траншеяхъ же бодрствовали. На лѣвый флангъ ждали нападенія. Начальникъ лѣваго фланга, Козелковъ, плотный полковникъ лѣтъ пятидесяти, съ небритой въ хлопотахъ бородой, въ тепломъ пальто съ разстегнутымъ клапаномъ сзади, слегка прихрамывая, обходилъ позицію, отдавая приказанія на случай тревоги. Охотничьи секреты уже поползли впередъ и исчезли въ быстро наступающемъ мракѣ.

III.

Скобелевъ въ это время принималъ докладъ начальника инженеровъ, Рутковскаго, относительно дальнѣй-

шаго плана осады. Около кибитки генерала стояло нѣсколько конвойныхъ осетинъ и два-три офицера, вызванные почему-либо отъ своихъ частей; дежурные ординарцы ожидали приказаній... Почтенный сѣдой полковникъ (начальникъ артиллеріи) о чемъ-то разговаривалъ съ начальникомъ штаба. Въ сторонѣ, около узенькаго хода, на батарее, размѣстился караулъ, назначаемый для охраны ставки начальника отряда. Вокругъ кибитки говорили вполголоса, даже менѣе, чѣмъ вполголоса, какъ будто чего-то опасаясь... Правда, генераль въ этотъ день былъ очень сердитъ или, по крайней мѣрѣ, показывалъ видъ, что онъ очень сердитъ.

Наканунѣ на лѣвофланговомъ, или Ставропольскомъ, редутѣ стояла гарнизономъ рота закаспійскаго мѣстнаго батальона. Несмотря на кровавый урокъ, полученный нами 28-го декабря, текинцамъ удалось опять прокрасться незамѣченными по оврагу вдоль опорнаго ручья. Текинцы крадутся чрезвычайно быстро и тихо и затѣмъ сразу, какъ одинъ, бросаются въ шашки. Большинство изъ нихъ идетъ на вылазку босыми, съ засученными рукавами и подвернутымъ назадъ халатомъ. При этомъ, несмотря на отсутствіе строя, существуетъ извѣстная организація. Впереди идутъ собственно бойцы, отчаянный народъ, которые съ дикимъ крикомъ: Аллеманъ! Али! Магома! бросаются въ атаку. Огнестрѣльнаго оружія съ собой не берутъ. Большинство вооружено тяжелыми хороссанскими шашками; у кого же ихъ нѣтъ, тотъ идетъ съ плохо выкованнымъ копьемъ или штыкомъ отъ отнятаго у насъ ружья; подлѣ убитыхъ находили простыя овечьи ножницы, навязанныя на кривую палку... Затѣмъ слѣдуютъ санитары, которые быстро и съ самоотверженіемъ

выносить изъ свалки убитыхъ и раненыхъ, такъ какъ у мусульманъ, а особенно у текинцевъ, считается стыдомъ оставить товарища на полѣ брани безъ погребенія. Сзади всѣхъ идутъ аламанщики (грабители), на обязанности которыхъ лежитъ забирать оружіе и что попадется отъ убитаго непріятеля и скорѣе тащить въ крѣпость; это обыкновенно молодежь — мальчики 14 и 15 лѣтъ, которые, впрочемъ, иногда увлекаются и лѣзутъ впередъ, гдѣ и гибнуть такими же героями, какъ и старики. Аламантъ они съ необыкновенной быстротой и ловкостью, и въ нѣсколько минутъ успѣваютъ обо-брать все оружіе и патроны, оставленные въ траншеяхъ, и раздѣть почти до-гола убитыхъ.

Текинцы сложены атлетами и рубятъ сильно и ловко. Раненные шашками имѣютъ ужасный видъ. У нѣкоторыхъ убитыхъ отъ удара разлетались черепа, а у иныхъ лица были до того изполосованы и изуродованы, что покойника трудно было признать по лицу: 30 декабря, какъ я говорилъ, часовъ въ 9 вечера они бросились на нашъ лѣвый флангъ. Нестройныя массы непріятеля частью прорвались въ траншеи этого фланга; текинцы показались и въ тылу лагеря, гдѣ произошла тревога и, какъ всегда при ночныхъ нападеніяхъ, пальба въ темнотѣ часто по неизвѣстнымъ предметамъ и легкій переполохъ среди нестроевого населенія лагеря.... На Ставропольскомъ редутѣ находилось кромѣ роты, численностью имѣвшей немного болѣе ста человекъ, еще нѣсколько орудій на батарее № 2.

Почти $\frac{3}{4}$ роты было изрублено и раздѣто въ нѣсколько минутъ; другая рота того же батальона не поддержала во-время и оставшаяся горсть людей съ

прапорщикомъ Морицомъ во главѣ начала отходить, пока подошедшія изъ резерва части не принудили текинцевъ отступить окончательно.

Какъ разъ въ это время генераль Скобелевъ, услыхавъ сильную пальбу и крики непріятеля, выскочилъ изъ кибитки и явился на мѣстѣ битвы. Сначала онъ былъ очень доволенъ поведеніемъ роты, но вдругъ, узнавъ, что текинцы успѣли опять увести одно горное орудіе, вспылилъ, разбранилъ Морица и велѣлъ взять у него саблю. Впрочемъ, на слѣдующій день, когда обстоятельства дѣла болѣе выяснились, генераль, смягчившись, освободилъ молодого офицера и велѣлъ назначить его въ охотничью команду на великокняжескую позицію и оттуда безъ георгіевскаго креста не возвращаться.

Въ эту ночь у насъ было убито болѣе 50-ти чело-вѣкъ, и около ста раненныхъ отнесено на перевязочные пункты.

Эта потеря, столь чувствительная для пятитысячнаго отряда, и отчаянная храбрость текинцевъ предвѣщали въ будущемъ упорное сопротивленіе и еще большія потери.

Нѣтъ сомнѣнія, что потеря двухъ орудій и знамени, не нанеся серьезнаго матеріальнаго ущерба, сильно потрясла солдатъ нравственно, что было причиною возбужденнаго состоянія, въ которомъ находился начальникъ отряда, знавшій цѣну нравственнаго элемента.

Основываясь на такихъ соображеніяхъ, нужно признать, что дѣла 28-го и 30-го, подобно дѣлу Петрусовича, были для насъ неудачными, хотя текинцамъ и

не удалось утвердиться во временно занимаемыхъ нами траншеяхъ.

Когда начинается серьезная война, сопровождаемая частыми неудачами, то обыкновенно у большинства быстро составляется убѣжденіе въ необходимости отступленія, которое, впрочемъ, не всѣми высказывается, а только таится. Этимъ большинствомъ обыкновенно побужденія руководятъ разныя: одни хотятъ отступить просто отъ малодушія, другіе вовсе не рассчитывали на серьезную войну, думали только стрѣлять, а не быть разстрѣлянными, за что и получить орденъ; у третьихъ отступление связывается со стратегическими и тактическими соображеніями, потому что въ этихъ случаяхъ всякій, ставящій черезъ три слова запятую, уже стратегъ; наконецъ, четвертые—желаютъ отступленія просто изъ недоброжелательства; это такъ называемые — „сѣрые“ люди, какъ называлъ ихъ одинъ мой знакомый. Послѣднихъ ужасно много, потому что они не только въ отрядѣ, но и повсюду. Такое настроеніе, даже безъ словъ, сообщается и захватываетъ большинство... Сомнѣніе заразительно... Значеніе талантливаго и энергичнаго военачальника въ этихъ случаяхъ весьма важно: ему всегда яснѣе общее положеніе дѣла, и частная неудача не имѣетъ такого удручающаго значенія для подчиненныхъ; онъ быстро стремится возстановить колеблющееся довѣріе и упорно ведетъ армію впередъ и къ побѣдамъ...

Гуляя вечеромъ по траншеямъ, мнѣ пришлось познакомиться съ разными мнѣніями. Одни сомнѣвались въ успѣхѣ, но, изъ осторожности, этого ясно не высказывали, говоря: „вотъ увидите, что тутъ дѣлается“...

Другіе стояли за временную пріостановку военныхъ дѣйствій, съ тѣмъ, чтобы подтянуть резервы (которыхъ впрочемъ и не было), и при этомъ прибавляли:

— А, впрочемъ, наплевать: драться будемъ...

— Да это и самое лучшее, говорили тѣ, которые вѣрили въ генерала, въ русское оружіе и успѣхъ. Объ отступленіи нечего было и говорить: оно на этотъ разъ не обошлось бы такъ дешево, какъ въ 1879 г., а въ слѣдующій разъ пришлось бы посылать уже не дивизію, а корпусъ. Пріостановка тоже была не легка, потому что лошадямъ было нечего ѣсть, а съ такимъ трудомъ собранный впереди провіантъ приходилъ къ концу. Какъ резервъ, оставался провіантъ, заготовленный въ Персіи... Генералъ зналъ, или, вѣрнѣе, угадывалъ все, что думаютъ въ лагерѣ, и со свойственной ему проницательностью ясно себѣ представлялъ общее настроеніе духа; и тѣмъ болѣе онъ смѣло и рѣшительно двигался впередъ, желая серьезнымъ успѣхомъ уничтожить впечатлѣніе неудачи. Занятіе крѣпкой Великокняжеской позиціи вблизи непріятельской стѣны нужно причислить къ числу такихъ крупныхъ успѣховъ въ первую половину осады, но обаяніе этого дѣла ослабилось нападеніемъ 30-го декабря.

Осада все-таки продолжалась съ обычною настойчивостью. Несмотря на значительное число артиллеріи (74 орудія), осадный отрядъ былъ такъ малъ, что только часть ея было возможно поставить въ параллели, остальная оставалась въ вагенбургѣ; иначе весь отрядъ долженъ былъ бы безсмѣнно находиться въ траншеяхъ, въ прикрытіи артиллеріи. Между тѣмъ, протяженіе траншейныхъ работъ, несмотря на всѣ старанія довести ихъ

до необходимаго minimum'a, было такъ велико, что большіе промежутки ихъ оставались по ночамъ безъ всякаго прикрытія. Патроновъ было достаточно, но снаряды имѣлись въ ограниченномъ числѣ; ихъ нужно было побережъ для послѣднихъ дней осады. Вслѣдствіе этого, артиллерійская стрѣльба до января мѣсяца почти не производилась. Такимъ образомъ, первые періоды осады поддерживались ружейнымъ огнемъ.

Траншеи были довольно слабой профили, мелки и во многихъ мѣстахъ не имѣли ступеней: банкеты, на которыхъ размѣщаются стрѣлки, обсыпались. Успѣхъ непріятельскихъ нападеній приписывали отчасти тому обстоятельству, что караулы располагались въ самыхъ траншеяхъ. Вслѣдствіе этого, въ первый моментъ нападенія войска, въ торопяхъ, давали залпъ черезъ головы; текинцы бросались на брустверь и рубили нашихъ сверху въ траншеяхъ, откуда трудно было выскочить, какъ изъ мышеловки. Нѣкоторые начальники заявили, что слѣдуетъ приостановить на нѣсколько дней наступленіе, привести въ лучшій видъ траншеи и, кстати, дать отдыхъ войскамъ, утомленнымъ тяжелыми работами и службами. Но Скобелевъ и слышать не хотѣлъ о приостановкѣ. „Мы пришли сюда не ямы копать, а двигаться впередъ!“ говорилъ онъ;— „надо торопиться; пора кончать!“.

Между тѣмъ командирамъ ротъ было отдано приказаніе, чтобы части траншейнаго караула, составляющія резервъ, ночью не размѣщались въ траншеяхъ, а ложились на поверхности земли позади траншей, имѣя, слѣдовательно, впереди себя ровъ и валъ, то есть два препятствія для наступающаго непріятели; въ случаѣ нападенія, роты должны были вставать и стрѣлять съ

мѣста залпами, по командѣ своихъ начальниковъ, по верхъ бруствера, такъ какъ средняя высота его была около четырехъ футовъ.

...Такимъ образомъ, не обращая вниманія на сомнѣнія нѣкоторыхъ, Скобелевъ, сидя у себя въ кабинетѣ, хотя блѣдный и нервный, но поддерживаемый своею желѣзной энергіей, неустанно работалъ: то онъ принималъ доклады, то дѣлалъ распоряженія и составлялъ соображенія о дальнѣйшемъ ходѣ наступленія, писалъ иногда по ночамъ, или просматривалъ сочиненія съ описаніями прежнихъ осадъ, отыскивая въ исторіи подходящіе примѣры его теперешнему положенію; отдыхалъ и закусывалъ только урывками. Работая такимъ образомъ, онъ настойчиво требовалъ и заставлялъ всѣхъ строго относиться къ службѣ.

Несмотря на душевные потрясенія, которыя, конечно, онъ долженъ былъ переносить въ тягостныя минуты ночныхъ нападеній, которыя, какъ грозныя лавины, обрушивались на отрядъ одно за другимъ, онъ однако не палъ духомъ и выходилъ къ войскамъ такимъ же удалымъ молодцемъ, какимъ его знала 16-я дивизія подъ Плевной и Шейновымъ:—изящный, величественно-стройный, одѣтый съ иголки, раздушенный, съ ласковой, веселой улыбкой на блѣдномъ, утомленномъ лицѣ.

...Солдаты понимаютъ, что это идетъ ихъ истинный вождь. Бодрость и силы просыпаются въ траншеяхъ... Всякій чувствуетъ на себѣ пронизательный взглядъ генерала.

...„Скобелевъ идетъ!“ говорятъ солдаты.

— Здорово, молодцы!... раздается звучный, вызывающій голосъ и точно электрическій токъ пробѣ-

гаеть по измученнымъ и запыленнымъ рядамъ офицеровъ и солдатъ, и громкое и лихое „здравія желаемъ“ несется навстрѣчу настоящему генералу; онъ идетъ по рядамъ, высокій, молодой, въ бѣломъ романовскомъ полупубкѣ, съ генеральскими пагонами и бѣлымъ крестомъ на шеѣ, не сгибая головы подъ выстрѣлами... и по его приказанію, русскіе безотвѣтные воины опять готовы не спать, не отдыхать, копать безъ усталы и умирать безропотно...

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ ПОЗИЦІЯ.

Большая, Охотничья и Туркестанская калы. — Плотина и Охотничья башня. — Передовая стрѣлковая позиція. — Куропаткинъ и его штабъ. — Туркестанская пѣхота. — Уральцы, ширванцы и саперы. — Наблюдательныя станціи. — Охотники Воропанова. — Гардемаринъ Майеръ. — Перевязочный пунктъ. — Рубка сада и устройство плацдарма. — Занятіе Ширванскаго редута и плотины.

I.

Великокняжеская позиція состоитъ изъ трехъ калъ. Во избѣжаніе недоразумѣній въ распоряженіяхъ, Скобелевъ имѣлъ обыкновеніе всякому пункту, имѣвшему какое-либо значеніе, давать особое названіе. Такимъ образомъ, самая удаленная кала называлась Большою Великокняжеской; она отстояла на 240 шаговъ отъ непріятельской стѣны и по направленію, параллельному послѣдней, имѣла протяженіе около семидесяти шаговъ, а въ глубину отъ двадцати до тридцати, если не считать болѣе чѣмъ наполовину разрушеннаго дворика, расположеннаго сзади.

Большая кала раздѣлена поперечной стѣной на двѣ приблизительно равныя части; какъ въ той, такъ и въ

другой было по одной каменной загородкѣ, изъ которыхъ одна была назначена для перевязочнаго пункта. Въ лѣвой половинѣ помѣщалась часть 3-го батальона ширванскаго полка и комендантъ-маіоръ Савинисъ, а въ правой стояли кибитки Куропаткина и его штаба. Къ заднему двору въ ночь 1-го января былъ пристроенъ земляной редутъ, который вмѣстѣ съ заднимъ дворомъ служилъ плацдармомъ, т. е. помѣщеніемъ для войскъ, составлявшихъ резервъ. Здѣсь собственно отдыхали.

Изъ второй параллели въ Большую калу можно было попасть двоякимъ способомъ: или по подступамъ лѣваго фланга идти въ третью параллель, вторая половина которой, соединявшаяся съ заднимъ дворомъ Большой калы, называлась также центральнымъ ходомъ, вѣроятно потому, что Великокняжеская позиція, по приказу 2-го января, называлась центромъ осады; другой ходъ изъ второй параллели сначала поворачивалъ направо, къ батарее № 5, и оттуда, сперва по апрошамъ, а потомъ прямо, шелъ на задній дворъ, почти къ тому же мѣсту, куда выходилъ и центральный ходъ.

Центральный ходъ сначала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ очень мелокъ, и текинцы, завидѣвъ двигающуюся шапку, постоянно провожали ее выстрѣлами.

Второй, или правый ходъ, кромѣ боковыхъ выстрѣловъ, подвергался еще продольнымъ, отъ которыхъ передняя его часть была прикрыта плохо.

По этому ходу обыкновенно таскали изъ лагеря туры и фашины, приготовленіемъ которыхъ занималась железнодорожная рота. Вечеромъ въ немъ разъѣзжалъ „дилижансъ“, какъ кто-то называлъ ночной разъѣздъ. Дѣло въ томъ, что съ наступленіемъ ночи на лѣвомъ

и правомъ флангѣ, а также вокругъ лагеря, ѣздили постоянно кавалерійскія части для предупрежденія нападений. На правомъ флангѣ отъ правофланговой калы до Великокняжеской разѣзды держали драгуны. Съ наступленіемъ темноты, чтобы не быть принятыми за текинцевъ и не попасть подъ выстрѣлы своихъ, разѣзды сопровождаются трубачами, которые черезъ каждыя четверть часа играютъ одинъ и тотъ же протяжный сигналъ: „слушайте всѣ!“. Оттого ихъ и называли „делижансомъ“...

Во время штурма Великокняжеской позиціи Большая кала сильно пострадала отъ нашихъ гранатъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ задняя стѣна обрушилась, образовавъ проломы; большіе куски сухой глины провисали тамъ и сямъ, обваливаясь повременамъ отъ нашихъ выстрѣловъ изъ горныхъ орудій, стоящихъ на заднемъ дворѣ и звонко стрѣляющихъ вправо, по отдѣльнымъ кучкамъ текинцевъ.

Въ иныхъ мѣстахъ видно, что граната пробила обѣ стѣны, и переднюю, и заднюю, оставивъ послѣ себя безобразныя, большія отверстія и сквозныя, длинныя трещины, отъ которыхъ такъ и кажется, что тонкая и высокая ¹⁾ стѣна должна рухнуть.

Такимъ образомъ, выходя въ задней стѣнѣ двора, находившійся сначала посрединѣ, такъ обстрѣливался черезъ эти сквозныя дыры, что его принуждены были задрать и перенести въ правый уголъ. Отъ этой задней стѣны, и безъ того низкой, остались однѣ развалины.

¹⁾ Высота стѣнъ отъ 6 до 9 аршинъ, а башень около девяти; толщина отъ 1-го до 2-хъ аршинъ.

На самомъ дворѣ тѣснота стояла невообразимая. Направо, около картечницъ, толпились матросы: нѣсколько человѣкъ перетгирали саломъ казенную часть, двое или трое распивали чай изъ жестяныхъ кружекъ, а остальные спали вповалку около патронныхъ ящиковъ... Тутъ же, въ полуобрушившіяся амбразуры, сдѣланныя въ проломѣ изъ двухъ туровъ ¹⁾, перекрытыхъ фашинами, смотрѣли двѣ горныя пушки... Въ углу былъ прилаженъ верхъ отъ юломейки, въ которомъ жили морской и пѣшій артиллерійскіе офицеры...

Середина двора была занята длинными рядами составленныхъ ружей, за которыми тѣсно расположены прямо на землѣ ширванцы. Лѣвѣе, вдоль задней и лѣвой стѣнъ, канавы, въ которыя выбрасываютъ всякую дрянъ; тутъ же въ двухъ шагахъ и юломейки офицеровъ... Повсюду сложены частью пустые, частью полные деревянные ящики, выложенные внутри бѣлой жестью, съ патронами и боевыми ракетами.

Изъ Большой калы впередъ проломано въ стѣнѣ три отверстія, ведущія на передовую ²⁾ стрѣлковую позицію; прежде это былъ загонъ для скота, обнесенный стѣной, высотой въ полтора аршина. Теперь его обрыли изнутри вдоль стѣнокъ траншеями и сдѣлали еще два поперечныхъ рва для резервовъ.

¹⁾ Туръ—круглая корзинка безъ дна, цилиндрической формы, которую ставятъ на мѣсто и засыпаютъ землей; фашина — длинная связка хвороста, перевязанная въ нѣсколькихъ мѣстахъ размочаленными прутьями.

²⁾ Она такъ называлась до занятія, впереди Охотничьей, ширванскаго редута и плотины, послѣ чего обратилась въ помѣщеніе для ближайшихъ резервовъ.

Правая боковая траншея, двумя колѣнами и огибая зигзагами два высокихъ туровыхъ траверза, продолжается впередъ черезъ Великокняжескій ручей въ Охотничью калу.

Великокняжескій ручей течетъ сначала прямо на уголъ крѣпости и затѣмъ; не доходя его шаговъ на сорокъ, поворачиваетъ на востокъ, отходя отъ стѣны параллельно Великокняжеской позиціи. Сейчасъ же на томъ берегу, почти на одной высотѣ, находится Охотницкая и шагахъ въ 120 правѣ Туркестанская кала; обѣ онѣ вдвое менѣе Большой калы. Великокняжеская вода около Охотницкой раздваивается: впереди она бѣжитъ по довольно высокой плотинѣ; около Охотницкой башни она падала на мельничный жерновъ, отъ котораго, впрочемъ, не осталось и слѣдовъ.

Текинцы прокопали изъ своего наружнаго рва къ ручью нѣсколько глубокихъ канавокъ, по которымъ ходили за водой; послѣ взятія Великокняжеской позиціи эти канавки были ими оставлены, за исключеніемъ одной, которая шла отъ угла и прикрывалась впереди подковообразнымъ траверсомъ, который у насъ и называли подковкой...

За этой подковкой они держались первые числа января, стрѣляя во флангъ по позиціи и вдоль плотины. На эту плотину съ вечера высылались секреты.

Въ Туркестанской калѣ размѣщались три роты и два горныхъ орудія туркестанскаго отряда. Тамъ было такъ тѣсно, что, еслибы ротамъ поочередно не приходилось дежурить въ траншеяхъ, то врядъ ли бы онѣ всё тутъ помѣстились. Туркестанская кала, занимая фланговое положеніе, играла важную роль въ отбитіи ночныхъ напа

деній. Передняя стѣна, обращенная къ непріятелю, была въ самомъ плачевномъ положеніи: послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ амбразуры обваливались и саперы спѣшили ее чинить, потому что отрывалось такое большое отверстие, что трудно было къ нему подойти.

Охотничья кала самая веселая: тутъ ужъ положительно повернуться негдѣ. Вдоль стѣнъ, расположившись по банкетамъ у пробитыхъ пироксилиномъ бойницъ, охотники разныхъ полковъ ведутъ непрерывную перестрѣлку съ непріателемъ. По временамъ слышна позади картечница, которая, замѣтивъ гдѣ нибудь вышедшихъ текинцевъ, начинаетъ громко и правильно трещать, точно приговаривая: да, да, да, да! Текинцы называли ее машиной „дыръ-дыръ“ и не долюбивали. Въ калѣ явственно слышна пальба съ крѣпостной стѣны, пули непрерывно свистятъ, проскочивъ гдѣ нибудь сквозь проломъ или бойницу, и выстрѣлы звучно отдаются высокими стѣнами, съ которыхъ за каждымъ ружейнымъ ударомъ, точно штукатурка, сыпется мелкая сухая глина. Остальная часть охотничьей команды располагается на дворѣ, около своихъ ружей и мѣшечковъ. Одни, подотставъ кошму или полшубокъ, спятъ сномъ праведниковъ, другіе чистятъ ружья, а иные бѣгаютъ съ манерками за водой, которая бѣжитъ за задней стѣной. Тутъ и пѣхотинцы, и казаки. Правѣ помѣщается полурота саперъ. Тутъ же свалено нѣсколько туровъ, фашинь и кучи холщевыхъ мѣшковъ и шанцевого инструмента. Офицеры живутъ тутъ же. На передней боковой башнѣ устроено три низкихъ этажа, въ которые свѣтъ падаетъ только сквозь небольшія отверстія, продѣланныя въ стѣнѣ.

Сквозь эти отверстія наши стрѣлки и текинцы сторожатъ другъ друга и пострѣливаютъ.

Текинцы стрѣляютъ превосходно и нерѣдко пули попадаютъ въ маленькія бойницы.

Въ верхнемъ этажѣ производятся наблюденія за внутренностью крѣпости. На обязанности начальника наблюдательной станціи лежитъ считать и приводить въ извѣстность число кибитокъ, приблизительную численность населенія и слѣдить за тѣмъ, что дѣлается внутри и не намѣревается ли непріятель сдѣлать нападеніе; обо всемъ этомъ съ наблюдательнаго пункта постоянно доносится начальнику наблюдательныхъ станцій и въ штабъ отряда.

II.

(2 января). Надъ посаженными и осаждающими спускается вечеръ... Съ горъ нагнало туманъ, и облака, закрывая яркую луну, бросаютъ на Великокняжескую преждевременную тѣнь. Непріятельская стѣна потемнѣла и уже становится трудно на ней различить непріятели. Съ ихъ стороны огонь замѣтно ослабѣлъ, но съ нашей стороны пальба не умолкаетъ, потому что приказано и денно и ночью беспокоить текинцевъ. На лѣвомъ флангѣ дѣйствуетъ третья параллель, а здѣсь—стрѣлковая позиція.

Начальникъ праваго фланга, Куропаткинъ сидитъ въ кибиткѣ своего штаба и всѣ, сидя на разостланной кошмѣ, распиваютъ чай,—кто изъ стакановъ, кто изъ большихъ китайскихъ чашекъ безъ ручекъ, которыя такъ въ

модѣ въ Средней Азіи. Тутъ же лежитъ полуоткрытый мѣшокъ съ мелкимъ синимъ кишмишомъ.

Штабъ Куропаткина небольшой и состоитъ все изъ офицеровъ командуемой имъ стрѣлковой бригады: это все еще молодые, но отличные офицеры и неутомимые въ работѣ. Одѣты они съ своеобразнымъ туркестанскимъ шикомъ, въ пальто изъ солдатскаго сукна, съ офицерскими погонами, и въ красныхъ чамбарахъ ¹⁾. Нѣкоторые недурно говорятъ на сартскомъ языкѣ. Туркестанцы теперь въ модѣ, какъ былъ въ модѣ кавказскій магистлакскій отрядъ въ 1873 году. Тогда подъ Хивой стояли три отряда и туркестанцы ѣздили къ кавказцамъ купить, смотрѣть пляску лезгинъ и казаковъ и за дорого покупали у послѣднихъ сѣдла, нагайки, оружіе и разбитыхъ кабардинскихъ лошадей... Двое ординарцевъ играютъ въ шахматы. Куропаткинъ, въ теплое пальто въ накидку и поджавъ подъ себя ноги, то бесѣдуетъ и шутитъ съ офицерами, то отдаетъ приказанія.

Алексѣй Николаевичъ Куропаткинъ—молодой полковникъ, 32 лѣтъ, средняго роста, съ пріятнымъ лицомъ и живыми, блестящими глазами. Первые годы послѣ выпуска въ офицеры служилъ въ стрѣлкахъ въ Туркестанѣ, гдѣ и участвовалъ въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ. Тамъ же получилъ Георгія четвертой степени. Окончивъ первымъ курсъ въ академіи генеральнаго штаба, былъ посланъ, по собственному желанію, въ Алжиръ, гдѣ и принималъ участіе во французской экспедиціи противъ арабовъ. Въ 1875 году¹⁾ въ чинѣ капитана, исполнялъ обязанности начальника штаба при Скобелевѣ

¹⁾ Штаны изъ козловой кожи, употребляемые въ Туркестанѣ.

въ войнѣ съ коканцами, и въ походѣ въ Алайскія горы былъ тяжело раненъ. Въ прошлую кампанію онъ опять является начальникомъ штаба въ славномъ отрядѣ Скобелева. 30-го августа, во время занятія Зеленыхъ горъ, около него взорвало зарядный ящикъ, и сильно контуженный, онъ былъ безъ чувствъ вынесенъ на перевязочный пунктъ и затѣмъ отправленъ на излеченіе въ Бухарестъ. Пробывъ тамъ недѣли двѣ или три и не поправившись вполне, онъ снова поѣхалъ въ отрядъ и въ сраженіи подъ Иметли былъ опять тяжело раненъ въ плечо.

Вернувшись послѣ войны уже полковникомъ, онъ былъ около года начальникомъ азіатскаго отдѣленія главнаго штаба и затѣмъ назначенъ командиромъ туркестанской стрѣлковой бригады.

Несмотря на свою сравнительную молодость, это вполне сформированный начальникъ отряда. Онъ чрезвычайно распорядителенъ, разумѣнъ и спокоенъ. Ввѣренными ему войсками распоряжается съ выдержкой и боевымъ терпѣніемъ, какъ хорошій шахматный игрокъ. Несмотря на свои раны и головную контузію, благодаря своему крѣпкому сложенію, выносливъ и неутомимъ, можетъ не спать цѣлыя ночи, когда того требуетъ дѣло. Какъ въ бою, такъ и внѣ боя онъ одинаково спокоенъ и сохраняетъ наружное хладнокровіе; въ вещахъ, требующихъ серьезнаго и обстоятельнаго разсужденія, никогда не вспылитъ и не кипятится. Но кровь у него горячая и сердце пылкое, когда дѣло касается чести ввѣреннаго ему отряда, или когда требуется вырвать побѣду изъ рукъ непріятеля. Въ послѣднихъ случаяхъ является пламенная отвага, что, въ связи съ понима-

ніемъ дѣла, составляетъ качества военныхъ людей, общающихся много въ будущемъ.

Къ подчиненнымъ Алексѣй Николаевичъ всегда и во всякое время относится внимательно и, еслибы даже офицеръ, дѣлая ему докладъ или представляя свои соображенія, говорилъ бы сущій вздоръ, онъ тѣмъ не менѣе внимательно его выслушиваетъ, не показывая виду во время разговора, что послѣдній ему не по вкусу. Вслѣдствіе этого, Куропаткинъ пользовался особенною любовью и уваженіемъ не только офицеровъ и солдатъ своего фланга, но и всего отряда. Популярность военнаго человѣка отчасти выражается тѣмъ, что его знаютъ по имени: Куропаткина всѣ звали Алексѣемъ Николаевичемъ.

III.

Къ Алексѣю Николаевичу безпрестанно являются то ординарцы отъ командующаго войсками, то саперные офицеры; получаютъ маленькіе конвертики ¹⁾, напоминающіе дамскія любовныя записочки, въ которыхъ карандашемъ написано какое нибудь распоряженіе изъ штаба, или что-нибудь отъ начальника инженеровъ, или

¹⁾ Во время послѣдней экспедиціи и осады, вся официальная переписка по военнымъ дѣламъ производилась большею частью посредствомъ небольшихъ книжечекъ. Въ заголовкахъ листовъ было отпечатано: мѣсто отправленія, куда, кому и отъ кого и когда послана; посредствомъ синяго листка можно было оставлять у себя копію. Въ карманѣ книжки находились небольшіе конверты съ такими же заголовками, какъ и листки.

донесеніе съ наблюдательной станціи, что текинцы показались тамъ-то и въ такомъ-то числѣ.

Самъ куропаткинъ и его штабные — люди все гостеприимные. Приходитъ кто-нибудь съ донесеніемъ или по службѣ и, если время терпитъ, Куропаткинъ выслушаетъ и, если самъ что-нибудь ѣсть, то приглашаетъ и гостя.

— Гммъ... хорошо-съ... говоритъ онъ, садитесь: хотите чаю? или: вы обѣдали?—закусите, чѣмъ есть; подвинтесь, господа?

А кромѣ штаба, случайныхъ гостей и такъ уже много; офицеры и такъ сидятъ тѣсно кругомъ и ѣдятъ какъ-то бокомъ, но тѣснятся еще болѣе и даютъ мѣсто вновь прибывшему. Куропаткинъ вынимаетъ книжечку и пишетъ самъ или диктуетъ своему старшему адъютанту...

— Попросите ко мнѣ поручика Воропанова... Воропановъ — начальникъ охотничьей команды, молодой, но отличный офицеръ. Онъ исходилъ съ своей командой всю степь и во всѣхъ дѣлахъ былъ съ охотниками въ передовой линіи...

Воропановъ является въ чекменѣ изъ верблюжьяго сукна, съ газырями и въ чувякахъ ¹⁾).

— Вы потрудитесь, поручикъ Воропановъ, усилить сегодня прикрытіе на плотинѣ... Впереди стрѣлковой позиціи сегодня будутъ вырубать деревья, такъ надо прикрыть рабочихъ... А послали ли вы секретъ въ загонъ, впереди Охотничьей?..

— Такъ точно, г. полковникъ;—шесть человекъ послалъ...

— Ну, что, ничего не замѣтно во рву?

¹⁾ Газыри, мѣста для патроновъ, которыя кавказскіе горцы дѣлаютъ на груди.

— На стѣнѣ громко говорятъ: должно быть, много собралось, и на правомъ траверсѣ собираются люди.

— Гммъ... Такъ будьте внимательны...

Затѣмъ слѣдуетъ разговоръ съ завѣдующими артиллеріей и осадными работами праваго фланга...

— Вамъ сегодня потребовалось много рабочихъ, говоритъ онъ послѣднему:—такъ я вамъ назначилъ и казачковъ и музыкантовъ; пускай ужъ и они поработаютъ... А что, собраны ли рабочіе?..

Получивъ утвердительный отвѣтъ, Куропаткинъ выходитъ къ ширванцамъ, казакамъ и музыкантамъ, назначеннымъ на работу, и здоровается.

Казаки стоятъ въ лагерѣ, но для облегченія пѣхоты и отъ нихъ вызваны команды рабочихъ. Тутъ и оренбуржцы въ блузахъ изъ желтаго верблюжьяго сукна, и уральцы—здоровый и видный народъ. Музыканты, назначенные на работу первый разъ, нѣсколько удивленно вертятъ въ рукахъ лопаты...

— Ну, молодцы-музыканты, говоритъ Куропаткинъ, слегка улыбаясь оскорбленнымъ артистамъ:—вы до сихъ поръ играли на трубахъ, а теперь поиграйте на лопатахъ... Что дѣлать! всѣмъ тяжело... Надо работать, и хорошо работать... Надѣюсь, что вы будете копать какъ слѣдуетъ...

— Постараемся, ваше высокоблагородіе!

— Ну, то-то же... Начинайте скорѣе работы...

Въ тотъ же день, утромъ (2-го января), приходилъ Скобелевъ и говорилъ съ Куропаткинымъ и инженерами относительно дальнѣйшаго движенія впередъ.

Изъ перваго періода осады выяснилось, что веденіе впередъ подступовъ на лѣвомъ флангѣ съ каждымъ

днемъ будетъ становиться все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Такое положеніе дѣлъ обусловливалось двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, противъ юго-западной стѣны крѣпости, т. е. на правомъ флангѣ непріятеля, находилась Мельничная каля и плотина, въ которой постоянно держались текинцы, которые имѣли возможность обстрѣливать вдоль наши лѣво-фланговые траншеи и, кромѣ того, по мѣрѣ движенія впередъ, беспокоить ихъ нападеніями. Во-вторыхъ, движеніе подступами впередъ, удаляя передовой траншейный караулъ отъ резервовъ, требовало бы постройки на концахъ параллелей сильныхъ редутовъ, на что не было ни достаточно людей, ни времени. Пришлось бы овладѣть Мельничной калой, что повлекло бы за собой новыя потери и растянуло бы по ширинѣ и такъ значительную осадную линію... „Это вовлекло бы насъ въ сферу случайностей...“, какъ писалъ Скобелевъ въ своемъ предписаніи Рутевскому.

Вслѣдствіе этихъ соображеній онъ рѣшилъ остановиться на лѣвомъ флангѣ и заняться его укрѣпленіемъ, а на правомъ продолжать осаду съ прежней энергіей.

2-го января саперами начатъ былъ минный спускъ подъ передней стѣной Охотничьей калы и небольшой участокъ минной галлерей, но въ ней вскорѣ въ изобиліи показалась вода, и работу пришлось оставить *).

*) Впереди стѣны Охотничьей калы, какъ уже было сказано, по оврагу протекала вода съ плотины, которая, вѣроятно, и просачивалась въ галлерей. 3-го января вода съ плотины была отведена въ заднее русло и оврагъ высохъ, но минную галлерей все-таки не продолжали изъ Охотничьей, вслѣдствіе большого удаленія отъ крѣпости, а обратили начатый спускъ въ пороховой погребъ.

На этотъ разъ было рѣшено занять плотину и каменный загонъ, находившійся шагахъ въ пятидесяти впереди Охотничьей, и участокъ плотины влѣво отъ калы и окопаться; занятіе было назначено вечеромъ, 3-го января. Скобелевъ былъ недоволенъ неудачнымъ началомъ минныхъ работъ, находилъ, что осада подвигается медленно, и сказалъ, что если операція 3-го января не будетъ выполнена, то онъ тогда днемъ займетъ непріятельскій ровъ, несмотря на потери, и прикажетъ соединить его траншеями съ позиціей. Торопиться дѣйствительно было необходимо. Были получены извѣстія, что туркмены-атабаевцы только ждутъ штурма или крупной неудачи и что тогда весь Атрекъ поднимется противъ русскихъ.

IV.

Получивъ приказаніе, Воропановъ отправляется въ Охотничью калу и зоветъ своего фельдфебеля.

— Ну, что готовы эти, что пойдутъ на плотину?...

— Готовы, ваше благородіе... отвѣчаетъ изъ темноты небольшая кучка солдатъ, выстраиваясь кое-какъ передъ грудю туровъ и фашинъ... Въ своихъ рваныхъ костюмахъ, приспособленныхъ для легкости движеній, и въ кожаныхъ лаптяхъ они имѣютъ совершенно фантастическій видъ...

— Прибавь еще два звена... Вы, это, пойдете на плотину, объясняетъ Воропановъ, постоянно прибавляя къ фразамъ слово „это“, и залягьте тамъ полѣвѣе, около высокаго дерева... это, знаешь?...

— Знаемъ, ваше благородіе...

— И смотри, чтобы, это, спереди изъ рва никто не лѣзъ... А ты, въ случаѣ, что замѣтишь, донеси, потому деревья позади плотины ночью рубить будутъ...

— Слушаю-съ, ваше благородіе...

— И смотри также, чтобы изъ подковки слѣва кто нибудь не показался; внимательно наблюдай, чтобы сразу не бросились... Въ случаѣ, это, чего, отползай назадъ... Ну, ступай...

Затѣмъ, отдавъ подобныя же приказанія секрету, отправлявшемуся впередъ въ загонъ, Воропановъ влезъ въ юломейку и подсѣлъ къ товарищамъ.

Въ юломейкѣ, освѣщенной двумя свѣчами, сидятъ офицеры охотничьей команды. Тутъ есть и казаки, и пѣхотинцы, и гардемарины Майеръ, прикомандированный къ охотникамъ съ четырнадцатью матросами минерами.

— А все-жъ таки ты долженъ былъ сказать Скобелеву, что пушку взяли.

— Какъ я скажу, шутъ ты этакій, когда я и не видѣлъ, какъ ее утащили... Вѣдь она—пущенка маленькая; въ тамашѣ, гдѣ тутъ разберешь... Да, наконецъ, и не я былъ ротный командиръ...

— А все-жъ таки ты...

— Ну, да полно вамъ спорить, говорить Воропановъ; свѣжо что-то стало: нѣтъ ли у кого водки?..

Разговоръ мѣняется. Поговорили о Россіи и о любви. Кто-то рассказалъ интересный анекдотъ... Посмѣялись и опять перешли на военную тему.

— Сегодня юнкера-бѣднягу въ щѣку ранили на башнѣ, рассказываетъ Морицъ; хорошо, что еще рикошетомъ, а то бы конецъ...

— Да, тамъ очень опасно... Третьяго дня я прислонился къ бойницѣ, смотрю, а тамъ какой-то выстрѣлилъ... На счастье, пуля въ мѣшокъ ударила; да и сквозь мѣшокъ, и то почувствовалъ... и то больно...

Подошелъ Абадзіевъ (ординарецъ Скобелева). Скобелевъ его призвалъ утромъ и сказалъ: „Абадзіевъ, надо смѣрить ровъ“... Абадзіевъ сказалъ: „слушаю-съ“, и пошелъ въ Охотничью... Кромѣ его еще вызвался Майеръ, этотъ молодой герой, съ чувствомъ любителя шедшій на всякое отважное предпріятіе, и одинъ осетинъ изъ конвоя Скобелева... И Майеръ, и Абадзіевъ — оба надѣли чухаки и ноговицы и кожаннныя шведскія куртки, крѣпко перетянулись ремнями, чтобы удобнѣе было ползти, и взяли съ собой только револьверы. Свое ринсе-пез Майеръ отдалъ одному изъ товарищей на сохраненіе, на случай, что еслибъ пуля попала въ глазъ, то чтобы не разбила стекла.

Куропаткинъ приказалъ безъ его распоряженія не лѣзть, самъ пришелъ въ Охотничью и, сѣвъ на банкетъ, около передней стѣны, поглядывалъ по временамъ въ бойницу.

— Поручикъ Воропановъ! гдѣ унтеръ-офицеръ изъ передоваго секрета?

— Вотъ онъ, полковникъ...

— Ну, что ты тамъ замѣтилъ?

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, на стѣнѣ шумѣть перестали, а съ траверса лѣзутъ въ ровъ... человекъ пятьдесятъ, пожалуй, будетъ.

Между тѣмъ небо все болѣе и болѣе прояснялось, и луна, выплывая изъ-за тучъ, яркимъ свѣтомъ облила всю площадь между Охотничьей и стѣной. Куропаткинъ

прождалъ еще съ полчаса и затѣмъ запретилъ офицерамъ измѣрять ровъ при такихъ обстоятельствахъ, а Скобелеву послалъ объ этомъ донесеніе.

V.

Шумъ въ крѣпости постепенно затихаетъ. И глиняныя стѣны, причудливо сѣрѣющія подъ лунными лучами, и темный ровъ, и темные траверсы погружены въ зловѣщее молчаніе. Изрѣдка доносится оттуда, изъ-за стѣнъ, отдаленный лай текинскихъ борзыхъ и съ Охотничьей башни, кое-гдѣ, на холмѣ и между кибитками, скорѣе мерещится, чѣмъ виднѣтся желтоватое мерцаніе огоньковъ... Великокняжеская позиція тяжело дремлетъ однимъ глазомъ... Спитъ только часть гарнизона, прямо на землѣ, кое-какъ завернувшись въ полушубокъ и положивъ что попало подъ голову...

Сонъ тревожный и тяжкій подъ далеко не убаюкивающимъ трескъ ружей, на жесткомъ, холодномъ ложѣ... То кто нибудь пройдетъ и зацѣпитъ въ темнотѣ за ногу или загремитъ ружьемъ и спящій вскакиваетъ и машинально хватается за патроны.. Дежурный полубатальонъ, тѣсно расположившись на передовой стрѣлковой линіи, дѣлится на части: часть сидитъ въ резервныхъ траншеяхъ, остальные густо разсыпаны на банкетѣ и, поглядывая черезъ бойницы, навѣсно стрѣляютъ по Дентиль-тепе..

По временамъ изъ Охотничьей раздается громкое щелканіе ракеты и, осыпая землю крупными искрами, широкая огненная струя несется въ непріятельскій ровъ и за стѣну. Изъ батарей № 5 и № 7 изрѣдка слышны

глухіе выстрѣлы мортирь, и круглыя полупудовыя бомбы летятъ сзади, черезъ головы; трубка шипитъ и мелькаетъ въ воздухѣ, какъ падучая звѣзда, все скорѣе и скорѣе, опускаясь на текинскія кибитки, и, наконецъ, до слуха доносится рѣзкій грохотъ ломающагося чугуна.

Ружейная пальба, какъ морской прибой, то затихаетъ, то усиливается, и что-то монотонное и мрачное чудится въ этой безконечной вереницѣ выстрѣловъ...

Выстрѣливъ, солдаты машинально лѣзутъ въ самодѣльную мягкую сумочку за патронами... Пошелкиваютъ затворы, слышится тихій говоръ, а на задней ступенькѣ или гдѣ нибудь за траверсомъ вспыхиваютъ трубочки и папиросы, озаряя загорѣлыя лица...

По траншеямъ по временамъ тихо и торопливо проходятъ ординарцы, конвойные осетины съ записочками; саперные и инженерные офицеры...

Саперы не спятъ... На всѣ осадныя работы имѣлось два инженерныхъ и шесть саперныхъ офицеровъ и имъ приходилось работать почти безсмѣнно по ночамъ; днемъ же спать на позиціи трудно, да кромѣ того съ открытіемъ минныхъ работъ и тихой сапы приходилось работать и днемъ, а спать только урывками...

Съ наступленіемъ темноты, рабочіе уже разведены по мѣстамъ и работа идетъ повсюду... Позади Большой калы слышны глухіе удары кирока о твердую землю и тяжелые вздохи, какъ бы всхлипыванія работающихъ солдатъ;—это роютъ углубленный редутъ для помѣщенія резервовъ и улучшаютъ центральный ходъ...

Въ передовыхъ траншеяхъ также исправляютъ и уширяютъ, а на лѣвомъ переднемъ углу устраиваютъ барбетъ (возвышенную площадку) для горнаго орудія. Ко-

манда уральцевъ пошла ломать каменные стѣнки, мѣшавшія обстрѣлу, а оренбургскіе казаки рубятъ топорами съ тою же цѣлью деревья впереди стрѣлковой позиціи... Лунный свѣтъ и удары топоровъ ихъ выдають... Текинскіе стрѣлки начинаютъ стрѣлять изъ Подковки. Одного раненаго уже вывели подъ руки въ траншеи... Это, однако, не мѣшаетъ молодцамъ - казакамъ тащить себѣ на растопку такія большія вѣтви, что нѣкоторые не пролѣзають въ траншеяхъ... Опять набѣжали тучи и опять стемнѣло... Секреты и стрѣлки насторожились... Пальба становится порывистѣе, говоръ совѣмъ стихаетъ... Но вотъ какой-то унтеръ-офицеръ кричитъ благимъ матомъ во снѣ: „непріятель!“ и то тамъ, то здѣсь въ темнотѣ ночи повторяется крикъ „нападеніе!.. нападеніе!.. нападеніе!“ и стрѣльба обращается въ перекатные залпы, прислуга бросается къ орудіямъ, офицеры на свои мѣста... „Встать! встать!“ раздаются команды дежурныхъ, и повсюду съ земли быстро встають сияющія шеренги, разбирають ружья и строятся. Блѣдные, нахмуренныя лица офицеровъ, спѣшавшихъ на свои мѣста...

Проходитъ нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія...

— Отставить!.. Отведите роты на мѣста... Тревога оказалась ложною.

VI.

Еще днемъ, 3-го января, былъ произведенъ инженерами ближайшій осмотръ загона впереди Охотничьей и плотины. Загонъ рѣшено обратить въ редутъ, долженствовавшій служить новой опорной точкой для движенія впередъ, и соединить его ходомъ сообщенія съ ов-

рагомъ передъ калой; плотину же занять не всю, а только на протяженіи восьмидесяти шаговъ отъ Охотничьей башни, устроить за ней помѣщеніе и бойницы изъ мѣшковъ на одну роту.

Въ виду крайней близости новаго редута, отъ крѣпостнаго рва, надо было ожидать, что непріятель замѣтитъ наши работы и будетъ серьезно имъ мѣшать. Поэтому гарнизонъ Великокняжеской былъ на эту ночь усиленъ сотней пѣшихъ казаковъ и двумя ротами 3-го апшеронскаго батальона, изъ коихъ одна предназначалась на работу.

Для того, чтобы имѣть возможность быстро устроить закрытія для стрѣлковъ и рабочихъ, потребовалось много туровъ и фашинь. Хворостъ для того и другого сначала возился изъ Янги-кала, а потомъ за нимъ стали ѣздить фургоны въ болѣе отдаленныя мѣста подъ прикрытіемъ небольшихъ конныхъ отрядовъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ хворосту доставлялось недостаточно; плетеніе же туровъ производилось медленно, потому что этимъ занимались охотники желѣзнодорожнаго баталіона, которые сверхъ того назначались на рытье батарей на лѣвомъ флангѣ.

Вслѣдствіе этого, въ дополненіе къ турамъ и фашинамъ, изъ лагеря тащили въ Большую калу всевозможныхъ размѣровъ деревянные ящики, взятые частью у маркитантовъ и въ Красномъ крестѣ, а частью оставшіеся въ полкахъ и батареяхъ отъ разстрѣлянныхъ патроновъ и ракетъ; ихъ набралось нѣсколько сотъ штукъ.

Разсчетъ рабочимъ былъ сдѣланъ еще днемъ. Пло-

тину долженъ былъ укрѣпить поручикъ Чернякъ, а редутъ—подпоручикъ Гриневъ ¹⁾). На случай нападенія были сдѣланы распоряженія; резервы были готовы отразить непріятеля. Въ прикрытіе рабочимъ назначалась одна ширванская рота и охотники.

Съ наступленіемъ темноты, два охотника и четверо тушинъ съ Капанадзе прокрались по переднему оврагу въ загонъ, который оказался пустымъ, и залегли за стѣнкой. Саперы начали ломами и мотыгами пробивать въ стѣнѣ, по сторонать башни, выходы на плотину и въ оврагъ.

Тѣмъ временемъ вдоль праваго фаса калы, съ наружной стороны, команда саперъ уже выкапывала ходъ въ передній оврагъ. Куропаткинъ въ нѣсколько тревожномъ состояніи духа ожидалъ занятія редута, торопя саперъ кончать скорѣе подготовительныя работы. Когда выходы были проломаны, то другая команда саперъ съ Чернякомъ отправилась на плотину, гдѣ сдѣлала запруду и стала отводить воду въ русло, проходящее сзади Охотничьей. Куропаткинъ приказалъ бросить начатый ходъ и довольствоваться тѣмъ, который открылся черезъ другой проломъ въ передней стѣнѣ, прямо въ оврагъ. Тогда саперы перешли въ текинскую траншею, шедшую изъ крѣпостного рва въ оврагъ, и на высотѣ новаго редута задѣлали ее траверсомъ. Наступилъ рѣшительный моментъ занятія редута.

Охотники и ширванцы стали перебѣгать вразсыпную черезъ оврагъ впередъ и залегать за стѣнками за-

¹⁾ Оба второго сапернаго баталіона.

гона... За ними вслѣдъ двигались рабочіе съ лопатами и турами...

Шумъ, мельканіе тѣней и блескъ оружія въ ясную лунную ночь выдали нашихъ. Текинцы подняли крикъ; массы ихъ усыпали стѣну и траверсъ, часть заняла ровъ, другіе вылѣзли впередъ, порываясь ударить въ пашки. Непріятельская позиція засвѣтилась огоньками и затрепала выстрѣлами. Первые минуты на маленькомъ загопѣ, наполненномъ прикрытіемъ и протискивавшимися между ними рабочими, произошла толкотня, но Воропановъ и храбрый Абадзіевъ быстро водворили порядокъ въ прикрытіи. Это былъ моментъ, когда партія текинцевъ хотѣла броситься въ пашки; ширванцы и охотники встрѣтили ее жестокимъ огнемъ и текинцы, тщетно побуждая криками своихъ къ вылазкѣ, ограничились тѣмъ же, т. е. стрѣльбою.

Учащенная пальба продолжалась съ обѣихъ сторонъ. Плотина тоже была занята, и рой пуль уже летѣлъ оттуда навстрѣчу непріятелю. На редутѣ слышались порывистыя команды, саперы поспѣшно устанавливали туры, другіе быстро выкапывали траншеи, которыя, какъ всегда, подъ огнемъ растутъ очень быстро.

Санитары, тискаясь между солдатами, выносили раненыхъ.

Приходъ Скобелева окончательно подбодрилъ солдатъ. Онъ явился въ самый разгаръ перестрѣлки, въ сопровожденіи генерала Гродекова, и два раза прошелся, совершенно открытый, впереди всѣхъ работъ...—„Здорово молодцы! Непріятель — дрянъ!“ говорилъ онъ, нарочно останавливаясь въ томъ мѣстѣ, гдѣ особенно ложились пули и откуда только-что увели подъ руки тяжело ра-

ненаго Абадзіева, одного изъ любимыхъ ординарцевъ генерала.. Солдаты отвѣчали ему громкимъ „ура“ и въ нѣсколько часовъ въ облакахъ порохового дыма слабая ограда обратилась въ редутъ...

Этотъ новый редутъ былъ названъ Ширванскимъ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ОСАДЫ.

Нападеніе 4-го января.—Овальная траншея.—Значеніе новой позиціи.— Тихая сапа и минная галлерей.—Буря 6-го января.—Сотникъ Кушаковскій.—Перемиріе и переговоры съ текинцами.—Уборка труповъ. — Новая мортирная батарея. — Усиленная бомбардировка.

I.

4-го января, въ 7 часовъ вечера, когда саперы только что начали собираться на работу, чтобы соединить траншеей плотину съ Ширванскимъ редутомъ, со стороны непріятеля внезапно раздались оглушительные и неистовые крики и темныя массы хлынули на нашу позицію. Нападеніе, несмотря на бдительность и постоянное ожиданіе, было такъ стремительно, что не всѣ секреты успѣли отползти назадъ и въ нѣсколько мгновеній были изрублены. Едва часовые успѣли крикнуть нападеніе, какъ оно уже началось.

Текинцы массами бросились на лѣвый флангъ, атаковали Ширванскій редутъ и какъ тигры прыгали на плотину, стараясь уже одной отчаянной стремительностью смять прикрытіе. Ширванскій редутъ, весь окруженный непріятельскими палахами и шашками, неистово

отстрѣливался. Тамъ была рота туркистанцевъ, казаки и охотники. Первые минуты трудно было узнать судьбу редута; онъ потонулъ въ тучѣ порохового дыма. Другая партія подѣ фронтальнымъ и боковымъ огнемъ кинулась на плотину и чуть не смяла стоявшую тамъ роту... Но немногіе храбрецы добѣжали до плотины. Куропаткинъ, бывшій въ это время у Скобелева, прибѣжалъ въ главную калу, выскочилъ черезъ передовую позицію на плотину и крикнулъ: „Впередъ, молодцы! впередъ, братцы!“ Текинцы, бывшіе на плотинѣ, были перебиты; двое было заколото при входѣ въ Охотничью. Нѣкоторые, съ разбѣга взлетая на высокую насыпь, въ какомъ-то опьяненіи лѣзли на вѣрную смерть, хватая и сгибая могучими руками солдатскіе штыки и нанося страшные удары ятаганами.

Трудно описать ночное нападеніе и послѣдовательный ходъ дѣйствій обѣихъ сторонъ, потому что въ темнотѣ плохо разбираешь не только чужихъ, но и своихъ.

Всѣ траншеи горятъ перекатнымъ ружейнымъ огнемъ; оглушительная пальба орудій, визгъ картечи и громкая дробь скорострѣльныхъ пушекъ. Сквозь тьму и пороховой дымъ доносятся нервныя и громкія возгласы командировъ: „Ро-та, пли! ро-та, пли!!“; остервенѣлый крикъ текинцевъ, напоминающій вой звѣрей, и торжественный маршъ ширванскаго полка, играющій гдѣ-то и какъ-то оригинально звучащій среди всей этой дьявольской кутерьмы.

Куропаткинъ сталъ на лѣвомъ концѣ плотины и, приказавъ ротѣ расположиться на банкетѣ, самъ управлять стрѣльбой; офицеры ходили около, повторяя: „слушай команды полковника! слушай команды!“ и правильные

залпы опрокинули текинцевъ. На лѣвомъ флангѣ нападеніе отбили ставропольцы; артиллеріи капитанъ Ростовцевъ, несмотря на то, что въ числѣ первыхъ былъ раненъ, когда часть текинцевъ ворвалась въ траншею, не оставилъ своей батареи и успѣлъ дать по насѣдавшему на нее непріятелю два выстрѣла...

Скобелевъ во время нападенія сначала былъ на лѣвомъ флангѣ, потомъ явился на плотину. На правомъ флангѣ въ это время масса текинцевъ уже отхлынула въ ровъ и съ нашей стороны посылались вслѣдъ послѣдніе залпы... Онъ поблагодарилъ солдатъ и приказалъ саперамъ немедленно начинать работы, по соединенію овальной траншеи Ширванскаго редута съ плотиной.

4-го января первый разъ работы стали производиться перекидной сапой ¹⁾, потому что до стѣны оставалось

¹⁾ Здѣсь кстати объяснить разницу между летучей и перекидной сапой.

Работа, производимая летучей сапой, состоитъ въ томъ, что рабочіе выходятъ открыто и располагаются сразу вдоль всей линіи, по которой предполагается строить траншею; они ставятъ передъ собой по этой линіи туры и, отчасти прикрываясь ими, начинаютъ отрывать за ними землю и бросать ее въ туры черезъ послѣдніе. Въ близкомъ разстояніи отъ крѣпости такая работа очень затруднительна, и движеніе впередъ подступовъ производится помощью тихой сапы.

Тихая сапа отрывается командами саперъ въ восемь человѣкъ.

Ее начинаютъ со дна уже существующей траншеи. Впереди кладутъ мантилетъ (большая цилиндрическая корзина, въ сажень длины, набитая хворостомъ), который и служитъ прикрытіемъ отъ выстрѣловъ. Саперы помогаютъ другъ другу. По мѣрѣ того какъ одни прорываютъ впереди небольшой участокъ рва и подвигаются впередъ, другіе ушпляютъ и углубляютъ этотъ участокъ. Мантилетъ

около ста шаговъ, ночи были лунныя и открыто выводить людей на работу не представлялось возможности.

Траншея была начата сразу двумя смѣнами саперъ, съ обоихъ концовъ, т. е. одна сапа пошла съ редута, а другая съ плотины — обѣ на встрѣчу другъ другу. Прорыться черезъ плотину было труднѣе, потому что пришлось прокопать высокую и толстую насыпь, прорубить здоровые древесные корни и постоянно прикрываться траверсами, потому что направленіе отсюда шло прямо на крѣпость. Проходъ черезъ плотину кромѣ того перекрыли сверху фашиннымъ потолкомъ.—Работа, какъ я упомянулъ, производилась перекидной сапой, потому что изготовленные на всякій случай мантилеты оказались очень тяжелы.

Когда до соединенія оставалось сажень семь, то, по приказанію Куропаткина, который беспокоился, что траншею не кончатъ къ разсвѣту, были выведены рабочіе, чтобы открыто замкнуть траншею; но двое изъ нихъ были тотчасъ же ранены.—Вслѣдствіе этого работу опять продолжали саперы.

II.

Съ разсвѣтомъ, когда новая сильная позиція выросла вблизи стѣны, текинцы открыли учащенный огонь по

же, помощью особенныхъ шестовъ, похожихъ на багры, катать впередъ. Передовая часть сапы называется—головою. Перекидная сапа отличается отъ тихой только тѣмъ, что, вмѣсто мантилета, голова сапы прикрывается землянымъ валикомъ, который постепенно перекидываютъ впередъ. Понятно, что описанныя работы производятся медленно.

траншеямъ, который однако впечатлѣнія не произвелъ... Вечеромъ, изъ овальной траншеи осада двинулась впередъ, прямо на крѣпость, двумя параллельными сапами, въ трехъ саженьяхъ одна отъ другой. Съ этого времени работа уже не прерывалась ни днемъ, ни ночью, подвигаясь впередъ со скоростью приблизительно 3-хъ футовъ въ часъ.

Занятіе и удержаніе за нами Ширванскаго редута имѣло большое значеніе для успѣха осады, такъ какъ давало намъ твердый опорный пунктъ для послѣдняго періода осады, т. е. сапныхъ и минныхъ работъ. Въ немъ всегда помѣщался резервъ, который могъ поддерживать рабочихъ, въ случаѣ нападенія, огнемъ и штыками. Близость новыхъ траншей отъ крѣпости крайне беспокоила текинцевъ, и нападеніе 4-го января было сдѣлано въ надеждѣ, если не отнять позицію, то уничтожить войска, занимавшія плотину и редутъ.

Несмотря однако на всю храбрость и энергію предводителей, текинцы на этотъ разъ тщетно рвались впередъ, призывая на помощь имена святыхъ и пророковъ.

Неудача сильно поколебала въ нихъ мужество и вѣру въ старшихъ начальниковъ. Въ совѣтѣ сардарей, собиравшихся на холмѣ, начали появляться несогласія во мнѣніяхъ. Тыкма-сардаръ — глава обороны, потерявшій старшаго сына и самъ раненный, а также Мурадъ-ханъ, предводительствовавшій защитниками юго-восточной стѣны, предлагали обороняться до крайности, тревожить русскихъ вылазками, рассчитывая на то, что у насъ не хватитъ боевыхъ припасовъ и продовольствія, и надѣясь на возстаніе атабаевцовъ. Къ партіи мира принадлежалъ Софи-ханъ и другіе...

Споры кончались ни чѣмъ, и война продолжалась.

Ночью 5-го января, Мурадъ-ханъ пробовалъ броситься на Ширванскій редутъ, но еще до заката солнца было замѣчено съ наблюдательныхъ станцій, что текинцы собираются во рву, и вылазка была встрѣчена на разстояніи ста шаговъ такимъ жестокимъ огнемъ, что какъ Мурадъ-ханъ ни подбадривалъ своихъ воиновъ, они все-таки удалились въ ровъ и на траверсъ и ограничились стрѣльбой.

6-го января, Куропаткинъ извѣстилъ начальника штаба, Гродекова, слѣдующей запиской:

„Съ наблюдательной станціи доносятъ, что непріятель небольшими партіями спускается въ ровъ и передвигается по направленію къ нашему лѣвому флангу.

Полковникъ Куропаткинъ“.

„Дополненіе:

„На лѣвомъ флангѣ слышны голоса, призывающіе людей; крики раздаются также изъ рва; въ крѣпости замѣтно движеніе одиночныхъ людей, направляющихся къ лѣвому флангу“.

На этотъ разъ, какъ видно изъ записки, нападеніе ожидалось на лѣвый флангъ, со стороны Ихти-сардаря.

6-го января, по случаю болѣзни Козелкова, обязанности начальника лѣваго фланга исполнялъ полковникъ Эристовъ.

Скобелевъ отправилъ къ нему записку Куропаткина съ слѣдующей надписью:

„Сообщаю полковнику князю Эристову; увѣренъ, что онъ засвѣтло примѣтъ всѣ мѣры и доблестно, какъ ему свойственно, отстоитъ позиціи. Цѣлить ниже.

Скобелевъ“.

Мѣры дѣйствительно были приняты засвѣтло и кромѣ того, съ закатомъ солнца, Эрстовъ выставилъ по направлению къ Сакизъ-Ябу и крѣпости конные пикеты, которые немедленно давали бы знать о вылазкѣ. Но вылазка и здѣсь не состоялась.

Увѣренность въ защитникахъ видимо падала.

Мервская кавалерія ушла въ степь еще ранѣе, говоря, что имъ пора начинать полевые работы и что, если текинцы хотятъ драться, то пускай приходятъ къ нимъ защищать Мервъ. 5-го или 6-го января ушли и жители Асхабата и Гяурса, также приглашая остающихся защищать ихъ города.

Тщетно бывшіе въ крѣпости іомуды распускали слухи, что хивинскій ханъ поможетъ текинцамъ въ борьбѣ съ невѣрными. Духъ этихъ разбойниковъ-рыцарей поколебался; въ это же время, какъ кажется, былъ раненъ Текма-сардаръ.

Такимъ образомъ, 3-е и 4-е января можно считать важнымъ переломомъ въ ходѣ дѣлъ; насколько занятіе Великокняжеской позиціи 29-го декабря важно было въ тактическомъ отношеніи и укрѣпило въ Скобелевѣ увѣренность въ правильномъ ходѣ дѣлъ, настолько занятіе Ширванскаго редута и блестящее отбитіе вылазки хорошо повліяли на нравственную сторону офицеровъ, а слѣдовательно и солдатъ.

Между тѣмъ, обѣ перекидные сапы продвинулись впередъ, шагахъ въ восьмидесяти отъ крѣпости, параллельно послѣдней, соединились траншеей и опять пошли дальше. Въ соединительной траншеѣ, на глубинѣ около сажени, начатъ былъ минный спускъ.

...Въ этотъ день съ утра небо было пасмурно, а къ

закату солнца его еще болѣе заволочло тучами. Съ 6-ти час. вечера поднялся такой ураганъ, какой бываетъ только на югѣ. Темнота полная, такъ что приходится ходить почти ощупью. Вѣтеръ крутилъ и разносилъ насыпанную землю брустверовъ и густою пылью колотилъ въ глаза. Работать не было никакой возможности. Настроеніе духа отряда было тревожное. Въ особенности безпокоился Скобелевъ: нѣсколько разъ онъ проходилъ по траншеямъ, хотя тамъ трудно было что либо разобратъ; потомъ ушелъ къ себѣ въ кибитку, которая тогда стояла уже во второй параллели, и началъ писать, тревожно прислушиваясь къ вою вѣтра.

Командиръ роты, стоявшей въ караулѣ у ставки командующаго войсками, проходя поздно ночью мимо освѣщенной внутри нѣсколькими свѣчами кибитки, видѣлъ, что Скобелевъ незамѣтно задремалъ въ креслѣ и сквозь сонъ бредилъ вполголоса: „Ура, ура“...

Солдаты, занимавшіе траншеи, все время стояли на банкетахъ, напряженно прислушиваясь и вглядываясь, стараясь разсмотрѣть что нибудь въ этой непроглядной тьмѣ и, принимая разные неясные образы, которые создаются въ темныя ночи при возбужденномъ воображеніи, за текинцевъ, открывали по временамъ беспорядочную стрѣльбу. Изъ крѣпости сквозь свистъ вѣтра доносились вой собакъ и громкіе крики тысячи голосовъ и тогда пальба съ нашей стороны обращалась въ сплошную дробь, перебиваемую залпами...

Чтобы хоть сколько нибудь обнаружить непріятеля, съ Охотничьей стали пускать ракету за ракетой въ крѣпостной ровъ и за стѣну, которыя, шипя и лопааясь, на нѣсколько мгновеній озаряли темную завѣсу ночи, осы-

пая ее блестящими искрами и полосами свѣта. Въ такую воровскую ночь управлять войсками было бы очень трудно и, еслибъ текинцы напали, то могли произвести у насъ большой безпорядокъ. Наконецъ, въ 10-мъ часу, вѣтеръ нѣсколько ослабѣлъ, пошелъ дождь и стало свѣтлѣе.

III.

Съ началомъ послѣдняго періода осады, передовыя работы пріобрѣли оригинальный видъ. Если пойти изъ Охотничьей по тому ходу, который ведетъ въ Ширванскій редуть, то вы попадаете сначала въ глубокій и узкій ровъ, по бокамъ котораго на земляныхъ насыпяхъ установлены безъ всякой симметріи гдѣ туръ, гдѣ рядами деревянные ящики и туго набитые землей холщевые мѣшки. Все это покосилось отъ выстрѣловъ и осыпавшейся земли и имѣетъ видъ какой-то запущенной кладовой; далѣе вы пересѣкаете оврагъ, идущій отъ плотины впереди Охотничьей; въ правой половинѣ, солдатики какъ дома грѣютъ чайники, котлы и котелки и варятъ себѣ кашу; по временамъ сюда залетають откуда-то пули. Топливо становится все рѣже и рѣже и солдатики такъ и норовятъ разломать на растопку ящичекъ; за плотиной еще есть нѣсколько деревьевъ и валяются сучья. Одного неосторожнаго солдата, который рубилъ вѣтви какъ разъ противъ выхода въ овальную траншею, текинцы застрѣлили.

Въ правой половинѣ оврага сначала была устроена резервная траншея, но потомъ ее обратили въ мортир-

ную батарею. По дну оврага высокіе и здоровые артиллеристы устанавливають 10 полупудовыхъ мортирокъ, а нѣсколько саперъ возвышаютъ ящиками лѣвый траверсъ, потому что двухъ или трехъ здѣсь тоже пришибли.

Ширванскій редутъ и плотина сплошь заняты солдатами: тутъ и ширванцы, и туркестанцы, и охотники, и казаки; одни сидя отдыхаютъ, другіе—стрѣляютъ.

Лѣвая половина Овальной вся пересѣчена траверсами. Изъ середины два глубокихъ хода ведутъ къ минному спуску и въ головы сашъ. Сюда лишнихъ людей не пускаютъ, потому что тѣсно: по банкетамъ сидятъ стрѣлки, а по траншеямъ то и дѣло снуютъ новыя смѣны рабочихъ и саперъ съ инструментами и мѣшками.

Минная галлерей, склоняясь, идетъ впередъ въ такомъ расчетѣ, чтобы пороховая камера пришлась подъ стѣной на глубинѣ двухъ сажень. Здѣсь тискотня: изъ галлерей постоянно передаютъ мѣшки съ землей; одни ихъ подхватываютъ, другіе относятъ назадъ, ссыпаютъ на бруствера и опять идутъ за мѣшкомъ. На площадкѣ длиною въ сажень, передъ входомъ въ мину, 7 января установленъ центробѣжный вентиляторъ Динендаля, который, посредствомъ широкаго кожанаго рукава, вгоняетъ чистый воздухъ въ голову мины. При вентиляторѣ особенныя рабочіе, которые безпрестанно вертятъ рукоятку по очереди и работаютъ съ жаромъ, потому что чувствуютъ, что скоро „конецъ“... Вентиляторъ гудитъ, и колеса, и желѣзныя части визжать подъ сильными руками солдатъ. Минная галлерей высотой около 4 футовъ и шириною до 3¹/₂, такъ что въ нее можно пролѣзть только на четверень-

ахъ. Въ галлерей темно, и только въ концѣ тускло свѣтятся постоянно горящіе свѣчи. Вдоль галлерей сидятъ, съ небольшими промежутками, рабочіе, которые передаютъ другъ другу мѣшки съ землей. Впереди раздаются глухіе удары мотыги и поскребываніе лопаты; здѣсь работаютъ собственно минеры. Жара и духота страшныя; на лицо садится паръ отъ дыханіи и подземная сырость; свѣчи оплываютъ и горятъ тускло, и совѣмъ бы потухли, если бы не притокъ свѣжаго воздуха изъ вентиляціоннаго рукава. Здѣсь главнымъ образомъ работаетъ, въ качествѣ присяжнаго минера, Чернякъ. Онъ слѣдитъ за правильностью и успѣхомъ работы и повѣряетъ по временамъ направленіе главной линіи особыми инструментами... Съ работающихъ потъ льетъ градомъ, но отдыхать некогда...

— Ну, нечего въ затылкѣ-то чесать; работай, да поковыривай... Послѣ будете отдыхать... Ваша смѣна самая лѣнивая, вы вонъ и 2¹/₂ футъ въ часъ не прошли...

— Ты чего тамъ съ мѣшкомъ застрялъ! давай сюда... Оттребай...

Въ самомъ началѣ мины въ направленіи произошла ошибка; она пошла черезчуръ влѣво, столкнулась съ лѣвой сапой, и стѣна галлерей, обвалившись, образовала окно. Потомъ направленіе исправили.

Чѣмъ ближе къ головамъ сапъ, тѣмъ меньше народу и какъ-то тише, да и говорятъ почему-то тише.

Въ сапахъ посмѣнно дежурятъ подпоручики Погоскій и Гриневъ. Здѣсь только небольшія смѣны саперъ. Передній саперъ, стоя на колѣняхъ, подрываетъ впереди себя нишу, которая постепенно обваливается; дру-

гіе отгребають землю, перебрасываютъ ее на бруствера, и сапа медленно, но безостановочно ползеть впередъ

Если изъ нея выглянуть, то убѣдишься, какъ уже мы близки отъ рва и стѣны. Когда стрѣльба нѣсколько умолкаетъ, то легко можно разобрать отдѣльныя фразы, которыми перекликаются текинцы, и ругательства, посылаемыя русскимъ. Прямо съ высокой стѣны имъ уже трудно стрѣлять по сапѣ: приходится слишкомъ высываться изъ-за парапета, а наши стрѣлки только этого и ждутъ. Огонь больше боковой и съ траверса. Отнятыя у насъ 28 и 30 декабря двѣ горныя пушки текинцы поставили на дальнемъ траверсѣ съ восточной стороны.

Во время нападенія они захватили три гранаты и по образцу ихъ отлили нѣсколько сплошныхъ продолговатыхъ ядеръ и даже обвернули цилиндрическую часть свинцомъ. Этими ядрами они разъ двадцать выстрѣлили по Великокняжеской, но крайне неудачно и, какъ оказалось потомъ, совсѣмъ испортили орудія.

По головамъ же сапъ съ 7 января они начали швырять изо рва и со стѣны камнями, и иногда попадали. Съ своей стороны, саперы отвѣчали фунтовыми патронами съ динамитомъ, которые громко лопались во рву и на стѣнѣ. Текинцы въ послѣдніе дни совсѣмъ очистили часть рва противъ Великокняжеской.

IV.

Въ Овальной траншеѣ, когда ее занимала уральская полусотня, я познакомился, между прочими, съ сотни-

комъ Кунаковскимъ.—Это былъ молодой человѣкъ средняго роста, плотный, съ окладистой бородой, всегда веселый и почти всегда слегка подшофе...

Какъ природный уралецъ, онъ имѣлъ тотъ оттѣнокъ казачьяго офицера, который приходится встрѣчать по станицамъ... Съ своими казаками онъ обращался то по начальнически, то какъ товарищъ, подсѣдая къ нимъ съ папирской и толкуя о рыбной ловлѣ, объ охотѣ, или рассказывая сказки о разбойникахъ и атаманахъ. Мы съ нимъ попотчивали другъ друга табакомъ и разговаривались.

Саперы въ это время беспокоились о направленіи минной галлерей и желали точно знать разстояніе до стѣны, чтобы не сдѣлать ошибки и не заложить пороховой камеры тамъ, гдѣ не слѣдуетъ. Плану, снятому топографомъ еще изъ первой параллели, не вполне довѣряли, да и, наконецъ, требовалась точность. Кунаковскій, узнавъ объ этомъ, взялся измѣрить разстояніе до рва и, получивъ на это согласіе Куропаткина, проползъ туда вечеромъ съ двумя казаками и веревкой, измѣрилъ разстояніе, сдѣлавъ на ней узломъ замѣтку. Во рву текинцевъ не оказалось, и только на обратномъ пути его замѣтили и сдѣлали по немъ нѣсколько выстрѣловъ. Вернувшись благополучно, Кунаковскій былъ очень доволенъ и слегка выпилъ.

— Вотъ-съ, говорилъ онъ, и смѣрилъ... Тамъ они, подлецы, какія-то ниши во рву подѣлали; чуть въ одну не провалился; ну, да ничего, съ моими молодцами выбрался...

— А съ кѣмъ вы ходили?

— Да съ моими же уральцами... А оренбуржцы не пошли... прибавилъ онъ таинственно.

— Почему такъ?

— Да потому, что они какіе-то некудашники, вотъ что.

Надо сказать, что оренбуржцы тоже хорошіе казаки и, вѣроятно, не были во рву только потому, что не получали приглашенія.

Уральцы—народъ гордый и только себя считаютъ настоящими казаками. Вслѣдствіе системы найма, въ рядахъ ихъ войска на половину служатъ старые казаки, увѣшанные крестами, хорошо снаряженные и на добрыхъ коняхъ; понятно, что къ оренбуржцамъ, гдѣ все народъ молодой, они относятся нѣсколько свысока.

Кунаковскій между тѣмъ такъ разохотился ходить къ текинцамъ, что цѣлый вечеръ приставалъ къ Куропаткину съ просьбою, чтобы тотъ ему разрѣшилъ перелѣзть черезъ стѣну и осмотрѣть внутренность укрѣпленія, на что впрочемъ согласія не получилъ. Къ его счастью, явился изъ Геокъ-тепе плѣнный персъ, перебѣжавшій къ намъ ночью въ траншеи. Онъ доставилъ много интересныхъ подробностей объ устройствѣ крѣпости и между прочимъ сказалъ, что внутри никакихъ искусственныхъ препятствій нѣтъ, что впослѣдствіи и оказалось справедливымъ.

Измѣренія Кунаковского хотя и дали до извѣстной степени возможность провѣрить разстояніе, но, такъ какъ онъ пошелъ безъ вѣдома саперъ и не въ желательномъ направленіи, то, когда минная галерея продвинулась впередъ, явилась необходимость еще разъ измѣрить разстояніе до рва. На этотъ разъ вызвался саперный капитанъ Гетшель, который два раза прошелъ съ

веревкой до края рва въ направленіи мины и, такимъ образомъ, можно было надѣяться, что серьезной ошибки не будетъ.

V.

Послѣ нападенія 4-го января, на полѣ, между крѣпостнымъ рвомъ и нашими передовыми траншеями, во многихъ мѣстахъ лежали непріятельскія тѣла, которыхъ текинцы, вслѣдствіе неудачи, не успѣли вынести и похоронить. Въ особенности много ихъ было противъ лѣваго фланга 3-ей параллели, на который текинцы въ первыя мгновенія атаки успѣли насѣсть и гдѣ ихъ разстрѣливали въ упоръ. Тѣ, которые, валяясь очень близко, вслѣдствіе быстрого разложенія на воздухъ, распространяли міазмы въ траншеяхъ, Скобелевъ велѣлъ вынести и зарыть.

Въ часъ пополудни на Ширванскій редутъ явился подполковникъ Юмудскій (родомъ туркменъ) съ перебѣжчикомъ, персомъ, и объявилъ, что онъ посланъ Скобелевымъ начать переговоры съ текинцами объ уборкѣ труповъ. На Туркестанской калѣ выкинули бѣлый флагъ и штабъ-трубачъ заигралъ „слушайте всѣ“ и „отбой“... Сигналъ этотъ подхватили всѣ гарнисты, но долго еще онъ протяжно разносился по позиціямъ, пока стрѣльба съ нашей стороны не стала утихать.

Въ это время Юмудскій приказалъ персу кричать текинцамъ, чтобы они прекратили стрѣльбу для переговоровъ. Сначала текинцы молчали, потомъ стали отвѣчать, и у Юмудскаго съ Мурадъ-ханомъ завязался разговоръ. Стрѣльба у текинцевъ и у насъ почти совсѣмъ

утихла и изрѣдка только прерывалась отдѣльными нетерпѣливыми выстрѣлами, за которыми труба опять играла отбой.

Для переговоровъ должны были выйти съ обѣихъ сторонъ на середину, противъ праваго угла редута, по три человѣка. Съ нашей стороны вышелъ Юмудскій съ двумя конвойными, а одновременно и текинскіе парламентареры.

Обѣ партіи вышли и сѣли шагахъ въ шести другъ противъ друга. Послѣ обычныхъ восточныхъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ и вопросовъ о здоровьи семействъ и родителей, Юмудскій объявилъ, что генераль Скобелевъ, изъ вниманія къ храбрымъ текинцамъ, приказалъ заключить съ ними перемиріе часа на два, пока они не успѣютъ убрать труповъ своихъ воиновъ.

Въ это время со стѣнъ кричали: „намъ не надо ихъ: и такъ довольно въ крѣпости валяется этихъ собакъ!“

Убитые передъ Великокняжеской были большей частью асхабатцы, покинувшіе Геокъ-тепе въ самую критическую минуту, и защитники были на нихъ озлоблены. На стѣнѣ между тѣмъ постепенно появлялись текинцы, и скоро вся ея видимая часть была покрыта этимъ крупнымъ, красивымъ народомъ въ высокихъ бараньихъ шапкахъ и разноцвѣтныхъ халатахъ. Между ними виднѣлась молодецкая фигура Мурадъ-хана. Въ красномъ халатѣ и съ копьемъ въ рукѣ, онъ ходилъ вдоль парапета и громко кричалъ своимъ: „не смѣть стрѣлять по русскимъ, пока не подадутъ знакъ: кто выстрѣлитъ—тому смертная казнь!“

Текинцевъ съ южной стороны высыпало до трехъ тысячъ и вся стѣна сверкала шашками, ружьями и фальконетами.

Съ нашей стороны бруствера тоже покрылись любопытными, выстрѣлы утихли, и первый разъ за все время осады, съ 23-го декабря, надъ позиціями Геокъ и Денгиль-тепе водворилась добродушная тишина, быть можетъ, смягчившая сердца противниковъ, третью недѣлю ведущихъ между собою ожесточенную борьбу...

Въ толпѣ офицеровъ и солдатъ слышались веселые разговоры, замѣчанія и смѣхъ. Кто говорилъ по-татарски, здоровался съ текинцами, приглашая ихъ въ траншеи. Нѣкоторые текинцы, улыбаясь, манили шапками къ себѣ нашихъ, внушительно потрясая въ другой рукѣ тяжелую пашку.

— Урусъ держитъ себя честно, говорилъ текинскій парламентаръ, — и мы не стрѣляемъ. Если намъ еще придется держать переговоры, то выставьте бѣлое знамя вотъ на эту калу (Туркестанскую). Если на другой, такъ не повѣрятъ; а мы будемъ выставлять вонъ на той насыпи...

— Вы бы лучше бросили воевать... Бѣлый Царь силенъ, и вамъ нельзя съ нимъ бороться... Лучше сдайтесь, и генераль васъ помилуетъ... Но на это парламентаръ отвѣчалъ уклончиво, не будучи, вѣроятно, уполномоченъ вести такіе переговоры.

Генераль, между тѣмъ, выѣстъ съ Куропаткинымъ, пошелъ въ голову сапы, откуда оставалось до рва какихъ-нибудь десять сажень, и оттуда внимательно осматривалъ стѣну и составлялъ предположеніе о численности гарнизона ¹⁾.

¹⁾ Къ этому времени съ наблюдательной станціи былъ составленъ рисунокъ крѣпости и показано приблизительное распредѣленіе кибитокъ, которыхъ насчитали 9,280. Наличное населеніе Геокъ-тепе было опредѣлено въ 15,000 чел.

Между тѣмъ, тѣла постепенно были убраны. Наши и текинцы начали исчезать въ траншеяхъ и за стѣною, а ружейные стволы опять легли въ бойницы, опять были намѣчены цѣли и только ожидали сигнала для возобновленія военныхъ дѣйствій. Наконецъ, текинцы, вышедшіе для переговоровъ, сказали Юмудскому:

— Ну, теперь ступай; да хранить тебя Аллахъ, стрѣлять будемъ.

Когда халаты парламентаровъ скрылись за парапетомъ, было сдѣлано три выстрѣла на воздухъ, и затѣмъ съ обѣихъ сторонъ, какъ горохъ, посыпались пули и до самаго заката солнца съ особеннымъ ожесточеніемъ велась перестрѣлка.

Насколько день сравнительно былъ пріятенъ для текинцевъ, настолько тягостна была ночь съ 7-го на 8-е января. Въ эту ночь внутренность крѣпости, въ особенности юго-восточный уголъ, была подвергнута жестокой бомбардировкѣ. Для этого, на лѣвомъ флангѣ батарея № 7 была вооружена шестью мортирами, а на правомъ, какъ я уже говорилъ, десять mortиръ было установлено въ оврагѣ, откуда можно было обстрѣливать крѣпость съ самаго близкаго разстоянія. Командиръ этой батареи самъ взобрался въ верхній этажъ Охотничьей башни, чтобы имѣть возможность наблюдать за паденіемъ бомбъ, и оттуда руководилъ стрѣльбой.

По распоряженію начальника артиллеріи, эти mortиры по временамъ стрѣляли залпами; при этомъ оврагъ такъ гремѣлъ, что стѣны Охотничьей башни дрожали и большіе куски глины падали на землю. Десять бомбъ сразу, точно снопъ падающихъ звѣздъ, шипя и свистя своими трубками, высоко перелетали стѣны и быстро лопались

одна за другой, такъ что звуки разрыва сливались въ одинъ общій раскатъ...

Нѣтъ сомнѣнія, что гарнизонъ страшно страдалъ, ничѣмъ не защищенный въ своихъ кибиткахъ отъ этой бомбардировки, и убитыя и изувѣченныя осколками женщины и дѣти должны были производить тягостное впечатлѣніе на мужественныя сердца отцевъ. Но они все-таки дрались съ тѣмъ же упорствомъ и беззавѣтною храбростью... И эта храбрость была тѣмъ болѣе достойна уваженія, что надежда на побѣду исчезла; непобѣдимая дотолѣ крѣпость должна была скоро пасть, а съ ней и независимость Ахаль-текинскаго племени.

VI.

Послѣдніе дни осады наши противники какъ-то притихли и, несмотря на близость нашихъ сапъ отъ стѣны, не беспокоили насъ даже маленькими вылазками. Они ограничивались только стрѣльбой и перебрасываніемъ камней по головамъ работающих саперъ. Даже лѣвый флангъ, наиболѣе страдавшій отъ вылазокъ, былъ ими оставленъ; впрочемъ, Ставропольскій редутъ былъ сильно укрѣпленъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ представлялъ 30 декабря, снабженъ впереди волчьими ямами и вооруженъ 16-ю орудіями; въ случаѣ новаго нападенія, онъ жестоко бы билъ во флангъ текинцамъ. Надъ крѣпостью видимо носилось уныніе:

По временамъ со стѣнъ раздавались крики: „смотрите внимательнѣе! видите, что урусь роется и туда и сюда, точно свинья... Это не къ добру, смотрите и слѣдите!“

Мурадъ-ханъ постоянно держалъ во внутреннемъ рву, противъ работъ, нѣсколько сотъ отборныхъ воиновъ.

Съ закатомъ солнца предводители и муллы, обходя ряды текинцевъ, поощряли ихъ и говорили: „не спите по ночамъ; не проводите время съ женами — теперь надо драться!.. Бросимся на гуяровъ, сомнемъ ихъ и отнимемъ у нихъ пушки, у этихъ собакъ... Великъ Аллахъ и Магометъ, пророкъ его... да благославить Господь оружіе наше... Пусть только пойдутъ на приступы!“

А въ это время наши офицеры и солдаты также точно желали успѣха своему оружію и ожидали, когда поведутъ ихъ на приступъ, по мѣрѣ того какъ правильное теченіе осады все болѣе и болѣе вселяло увѣренность въ побѣдѣ въ нашихъ труженикахъ.

Ожиданіе было даже не спокойное, а нетерпѣливое. Измученные солдаты ждали конца, какъ манны небесной, съ тѣмъ суровымъ молчаніемъ, которое обыкновенно переходитъ въ озлобленіе.

По ходу осадныхъ работъ, можно было уже предвидѣть близость штурма.

Минная галерея безпрепятственно двигалась впередъ; 10-го января минеры прокопались на 22 саж.; земля оказалась настолько удобной для подземныхъ работъ, что держалась въ галлерей, не обсыпаясь, безъ всякихъ деревянныхъ рамъ и подпорокъ, которыми обыкновенно одѣваютъ стѣны и потолокъ въ сыпучемъ грунтѣ. Тихая сапа продвинулась впередъ на столько, что къ 10-му января была уже отъ крѣпостнаго рва въ какихъ нибудь восьми саженьяхъ. Для прикрытія миннаго спуска, впереди его, обѣ головы сапы сомкнулись и образовали новый редутъ, названный Сапернымъ.

Брустверь Сапернаго редута былъ составленъ изъ ящичковъ и туровъ и былъ такъ малъ, что въ немъ помѣщалось человѣкъ двадцать стрѣлковъ. Изъ Сапернаго редута сапа, извиваясь змѣей, пошла дальше; отсюда можно было слышать даже простые разговоры на стѣнѣ.

VII.

Чѣмъ ближе дѣло клонилось къ развязкѣ и чѣмъ болѣе утверждалась увѣренность въ успѣхѣ въ офицерахъ, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ и строгостью къ дѣлу относился самъ генераль. Скептически относясь къ шансамъ, которые имѣлись въ пользу успѣха, онъ ставилъ на ряду съ ними возможность разныхъ случайностей, которыми такъ обильна война, и обдумывалъ, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ.

Хотя штурмъ былъ неизбеженъ, но для овладѣнія крѣпостью необходимо было сначала встрѣтиться на брешахъ съ многочисленнымъ и мужественнымъ противникомъ; текинцы уже показали пылкую храбрость въ рукопашномъ бою и умѣнье владѣть холоднымъ оружіемъ; кромѣ того они, что еще хуже, сами оцѣнили свои сильныя стороны, а между тѣмъ на штурмъ приходилось именно рассчитывать на ударъ въ штыки и на борьбу грудь съ грудью.

Слѣдовательно, необходимо было обезпечить успѣхъ приступа и облегчить его по возможности разными подготовительными дѣйствіями. Назначивъ для штурма южный уголъ крѣпости, Скобелевъ рѣшился устроить

въ немъ двѣ бреши. На лѣвый флангъ возложено было пробитіе артиллерійской бреши въ юго-западной стѣнѣ, а въ юго-восточной долженъ былъ быть произведенъ обвалъ миною. Сверхъ того, рѣшено было овладѣть Мельничной калой, которая въ рукахъ непріятеля представляла бы опасную фланговую позицію противъ лѣвой штурмующей колонны. Овладѣніе мельничной калой кромѣ того было хорошей демонстраціей, отвлекавшей текинцевъ отъ главныхъ пунктовъ наступленія.

Генералъ Скобелевъ въ особенности рассчитывалъ на впечатлѣніе, которое долженъ былъ произвести минный обвалъ. Вслѣдствіе этого онъ чрезвычайно интересовался ходомъ работъ перваго фланга и по нѣскольку разъ въ сутки обходилъ сапы и просиживалъ по часу у миннаго спуска, спрашивая постоянно, сколько пройдено впередъ галлерей. Утомленія онъ не признавалъ и требовалъ неустанной работы и безусловнаго исполненія задуманнаго плана. Предположено, положимъ, пройти впередъ столько-то сажень, и должно быть пройдено, во что бы то ни стало...

— Я утомленныхъ знать не желаю, рѣзко говорилъ онъ; я признаю только мертвыхъ...

Если предположенія выполнялись, и работа шла хорошо, то Михаилъ Дмитріевичъ, несмотря на скрытую душевную тревогу, шутилъ и смѣялся. Въ случаѣ же какой-нибудь неудачи, сердился и распекалъ инженеровъ и саперъ.

Но, такъ какъ лучше трудно было работать, и онъ сознавалъ, что эти неудачи и принадлежатъ именно къ числу тѣхъ случайностей, на которыя онъ рассчитывалъ, то онъ въ концѣ-концовъ опять смягчался, опять

дѣлался ласковъ съ земляными кротами и присылалъ имъ, въ знакъ своего вниманія, то нѣсколько бутылокъ вина, то консервы. Характеръ генерала былъ отлично изученъ, и мы сейчасъ же узнавали, въ какомъ онъ пришелъ настроеніи духа: — обыкновенно лучше было когда онъ являлся сердитымъ, потому что послѣ этого уходилъ веселый...

Въ распоряженіи инженеровъ, кромѣ разныхъ принадлежностей для веденія осады и минной войны, имѣлось еще около 150 пудовъ пороха и 17 ящиковъ съ динамитомъ. Начальникъ инженеровъ — Рутковский, предлагалъ сначала, для того чтобы взрывъ произвелъ большее дѣйствіе и впечатлѣніе на непріятеля, заложить и взорвать въ пороховыхъ каморахъ весь порохъ.

По этому поводу, начальникъ штаба, извѣщая Рутковского о разрѣшеніи употребить весь порохъ, требовалъ отъ него, по приказанію Скоболева, донесенія, что ошибки въ опредѣленіи разстоянія нѣтъ и что „мина дѣйствительно будетъ подведена подъ главный валъ“.

„Командующій войсками, писалъ далѣе генераль Гродековъ, по долгу службы, возлагаетъ на вашу отвѣтственность всецѣло результатъ взрыва мины, цѣлесообразно и своевременно. Вы имѣете донести: всѣ ли мѣры приняты вами для избѣжанія всякихъ случайностей и въ особенности ошибки въ опредѣленіи разстоянія до крѣпостного вала. Промахнуться было бы непоразимымъ несчастіемъ“...

Изъ этого документа, между прочимъ, видно, какое важное значеніе придавалъ Скобелевъ минному взрыву.

VIII.

8 января, Скобелевъ, довольный осадой, былъ въ очень хорошемъ настроеніи духа. По приблизительному расчету (впрочемъ, оказавшемуся ошибочнымъ), мина должна была быть готова къ 10-му января утромъ, и въ тотъ же день онъ рѣшилъ штурмовать крѣпость. Такимъ образомъ, черезъ два дня онъ долженъ былъ нанести рѣшительный ударъ текинцамъ. Какъ разъ въ этотъ же день съ нашимъ вентиляторомъ случилась маленькая непріятность.

Въ минныхъ галлереяхъ обыкновенно во время работы, кромѣ вентиляціи, употребляются еще разныя химическія средства для очищенія воздуха. Такихъ средствъ, впрочемъ, у насъ не было, и, несмотря на вентиляторъ, въ головѣ мины было очень душно. Для усиленія притока воздуха, въ двухъ мѣстахъ, по направленію галлерей, были прорыты небольшія окна съ поверхности земли въ галлерею, вродѣ небольшихъ колодцевъ. Кромѣ того, вентиляторъ работалъ безостановочно. Солдаты такъ старались вертѣть рукоятку, что старый вентиляторъ не выдержалъ и повредился. Работы пришлось пріостановить, что, въ связи съ несовсѣмъ вѣрнымъ расчетомъ времени, дѣлало невозможнымъ поспѣть съ миной къ 10 января.

Скобелевъ остался очень недоволенъ печальной исторіей съ бѣднымъ вентиляторомъ, и сердился на саперъ за то, что изъ-за нихъ приходится откладывать штурмъ, говорилъ, что это происходитъ отъ невниманія и непониманія дѣла и что онъ теперь въ мину не вѣрить.

Больше всего досталось Рутковскому. Инженеры ходили огорченные. Всѣ, а въ особенности пѣхота, ждали съ нетерпѣніемъ окончанія галереи, были увѣрены въ успѣхѣ, а теперь, не разобравъ въ чемъ дѣло, сразу заразились сомнѣніемъ и тоже начали роптать на саперъ и инженеровъ.

Между тѣмъ вентиляторъ былъ починенъ кое-какъ солдатскими руками: гдѣ связали веревкой, гдѣ подперли деревяшкой, и машина опять загудѣла.

Происшествіе съ вентиляторомъ показало, что въ осадѣ подобныя случайности не рѣдки и возможны.

Генералъ напомнилъ Рутковскому, что у Вобана, который въ своей жизни осаждалъ нѣсколько десятковъ крѣпостей, въ большинствѣ случаевъ только весьма немногіе мины удавались въполнѣ. Правда, что тамъ была контръ-минная война, т. е. осажденный самъ велъ галереи противъ галерей атакующаго и противодействовалъ взрывами, чего въ данномъ случаѣ не было.

Кромѣ того Скобелевъ не хотѣлъ откладывать штурма и приказалъ Рутковскому представить немедленно свои соображенія на случай, если придется штурмовать 10-го января безъ помощи миннаго взрыва.

„Для исполненія предположеній на завтрашній день, доноситъ Рутковскій, остается одно средство—пробитіе бреши артиллеріей, ибо для вѣнчанія рва летучей сапой, соединенія ходами сообщенія ея съ нашими ближайшими подступами, устройства эполимента во рву и блиндажей для минеровъ, одной ночи мало, а возможно-ли эти работы исполнить днемъ — не берусь судить... Для устройства подъ стѣнной камеръ для взрыва требуется не менѣе 4 часовъ времени; при этомъ наши

работы обнаружатся, пропадетъ ожидаемый эффектъ, и мы встѣтимъ изъ-за ограды усиленное сопротивление, не говоря уже о попыткахъ непріятеля спуститься въ ровъ и уничтожить наши работы.

„Вотъ какъ я понимаю положеніе дѣла, и съ своей стороны полагалъ бы невозможнымъ рисковать на неудачу нашихъ попытокъ... Если отложимъ штурмъ на 12-е число, то можно быть увѣреннымъ въ успѣхѣ нашего дѣла и разбивать артиллеріей обвалъ, хотя послѣдній надо будетъ разровнять, сдѣлавъ усиленную рекогносцировку обвала, подъ покровительствомъ артиллерійскаго огня.

9-го января.

Полковникъ Рутковскій“.

Нѣтъ сомнѣній, что генералъ Скобелевъ, выказавшій до сихъ поръ громадную энергію, выдержку и терпѣніе, достаточно оцѣнилъ тѣ средства, которыя могли повести къ успѣшному окончанію дѣла; онъ составилъ себѣ вѣрное представленіе о томъ впечатлѣніи, которое долженъ былъ произвести взрывъ на полудикихъ защитниковъ крѣпости, но, желая всесторонне выяснить вопросъ, онъ далъ возможность высказаться частнымъ начальникамъ; кромѣ того Скобелевъ былъ раздраженъ порчею вентилятора.

Такимъ образомъ, онъ согласился отложить штурмъ до 12-го, но еще болѣе торопилъ окончаніе работъ и требовалъ, чтобы мины были готовы 10-го, до наступленія ночи. Кромѣ того, надземныя работы должны были продолжаться сами по себѣ до рва и на случай, еслибъ мина не взорвалась, то рѣшено было, укрѣпившись во рву, подрывать стѣну динамитомъ. 9-го

января завѣдующій осадными работами праваго фланга получилъ слѣдующее предписаніе отъ Куропаткина:

„По приказанію командующаго войсками, вы имѣете безостановочно продвигаться тихою сапою къ непріятельскому рву, одновременно съ веденіемъ минной галлерей. Генераль Скобелевъ приказалъ мнѣ объявить, что, если мины будутъ заложены завтрашняго числа до наступленія ночи, то онъ жалуетъ на минеровъ и ведущихъ голову сапы 4 креста, а для минеровъ, кромѣ того, 3,000 рублей.

Полковникъ Куропаткинъ“.

Такъ какъ въ минахъ работало 30 человѣкъ, то на каждого приходилось по сту рублей. Солдатамъ было объявлено обѣщаніе Скобелева, но, какъ они ни старались и ни выбивались изъ силъ, они все-таки не могли выкопать всю галерею къ назначенному сроку. При этомъ надо сказать, что саперы работали въ данномъ случаѣ не изъ-за одной только обѣщанной награды, а изъ искренняго желанія принести пользу общему дѣлу. На войнѣ у хорошаго солдата,—а у насъ ихъ много,—просыпается чувство долга, заставляющее его не уклоняться отъ тяжелаго труда и опасностей.

IX.

По мѣрѣ приближенія къ концу осады, на лѣвомъ флангѣ также возобновились работы наступательнаго характера.

За третьею параллелью устроили рядъ ложементовъ для штурмовыхъ колоннъ и кромѣ того по пути пред-

полагаемаго движенія наступающихъ войскъ сдѣланы были широкіе переходы черезъ траншеи и фашинные мостики черезъ ручьи... Направленіе были обозначено вѣхами. На концѣ 2-й параллели устроена брешь-батарея па 6 орудій, которая съ 8-го января вмѣстѣ съ орудіями Ставропольскаго редута начала сбивать недалеко отъ угла въ юго-западной стѣнѣ сначала парашетъ, а потомъ самую стѣну.

Стѣна, какъ я уже говорилъ, имѣла въ основаніи около 5-ти сажень толщины и внутри была набита землей. Наружныя глиняныя части поддавались довольно легко дѣйствию снарядовъ и, обваливаясь большими кусками, произвели довольно скоро крутой обвалъ. Несмотря на жестокий огонь, текинцы и здѣсь выказали рѣдкое мужество, производя подъ гранатами исправленія бреши...

Не разъ приходилось видѣть, какъ, вслѣдъ за падающей гранатой, мелькала текинская лопата съ землею; другіе совершенно открыто бѣжали по парашету, спускались и задѣлывали пробоины хворостомъ, камнями и плетеными корзинами, наполненными землею. Нѣкоторые текинцы погибали на нашихъ глазахъ отъ удачно попадавшихъ гранатъ.

Вслѣдствіе того, что штурмъ былъ отложенъ на 12-е, дѣйствіе брешь-батареи было пріостановлено, изъ желанія сберечь снаряды, и текинцы ночью задѣлали поврежденія.

Впрочемъ, ночью на 10-е января, гардемарины Майеръ съ охотниками моряками пытался пробраться изъ 3-й параллели въ ровъ съ цѣлью сдѣлать подъ стѣною взрывъ динамита и этимъ увеличить разруше-

ніе, произведенное снарядами. Какъ разъ въ эту ночь текинцы работали надъ задѣлываніемъ бреши и нѣкоторые были даже во рву. Они замѣтили подкрадывавшихся охотниковъ и крикомъ предупредили своихъ. Такимъ образомъ, въ эту ночь взрывъ произвести не удалось.

Впрочемъ, Скобелевъ, разъ задумавъ послать охотниковъ на это важное предпріятіе, рѣшилъ его непременно выполнить. Повтореніе его было назначено на 11-е января, вечеромъ, наканунѣ штурма. На этотъ разъ вызвались поручикъ Остолоповъ ¹⁾ и тотъ же гардемаринъ Майеръ, который очень досадовалъ, что ему не удалось устроить взрывъ ранѣе. Хотя трудно было разсчитать на вполнѣ удачное дѣйствіе динамита на глиняную стѣну, внутренность которой была наполнена землей, а также при той исключительной обстановкѣ, при которой должны были устраиваться подрывныя мины, Скобелевъ тѣмъ не менѣе стоялъ за нихъ. Подобную настойчивость, мнѣ кажется, можно объяснить тѣмъ, что командующій войсками хотѣлъ главнымъ образомъ этимъ смѣлымъ предпріятіемъ еще болѣе утратить непріятеля, а вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть передъ штурмомъ наибольшаго подъема духа въ нашихъ войскахъ, развѣивая въ нихъ отвагу и боевое неуваженіе къ непріятелю. Послѣдніе дни осады онъ наиболѣе къ этому стремился, дѣйствуя также на самолюбіе офицеровъ и солдатъ. Такъ, напримѣръ, 3-го января онъ издалъ слѣдующій приказъ по отряду:

„4-й батальонъ славнаго ашшеронскаго полка имѣлъ

¹⁾ Желѣзнодорожнаго батальона.

несчастіе потерять свое знамя. Назначая 4-й батальонъ въ голову штурмовой колонны, идущей на артиллерійскую брешь, увѣренъ, что онъ глубоко проникнется святостью лежащей на немъ обязанности.

„Да поможетъ апшеронцамъ Господь Богъ въ предстоящемъ бою заслужить Царское прощенье, быть можетъ, спасибо обожаемаго Монарха, геройски пролитую кровью за Вѣру, Царя и Отечество“...

X.

Ночь съ 9-го на 10-е января была дождливая, и суглинистая почва такъ размокла, что по траншеямъ трудно было ходить: ноги при скорой ходьбѣ разбѣжались въ стороны, какъ на конькахъ, и къ сапогамъ приставали цѣлые пуды грязи. Въ такую ночь команда, предназначенная взрывать стѣну, собралась къ 9-ти часамъ вечера на лѣвомъ флангѣ въ 3-ю параллель. Тутъ было около пятнадцати охотниковъ отъ железнодорожнаго баталіона съ Остолоповымъ и столько же матросовъ съ Майеромъ. У каждого было по двѣ мины ¹⁾—у Остолопова—динамитныя, а у Майера—съ пироксилиномъ.

Передъ отправленіемъ на мѣсто охотники выстроились около кибитки Скобелева: каждого онъ вызывалъ поочередно, спрашивалъ фамилію, которая тутъ же записывалась... „Если вернешься живымъ, говорилъ гене-

¹⁾ Общій вѣсъ взрывчататаго вещества равнялся, если не ошибаюсь, 4 или 5 пудамъ.

ралъ, получишь крестъ и сто рублей денегъ, а убьютъ, то твоей семьѣ будетъ выслано вдвое.

Въ прикрытіе минерамъ были назначены апшеронцы 4-го баталіона, подъ общимъ начальствомъ графа Орлова-Денисова.—Охотники просидѣли въ траншеяхъ часа полтора, ожидая, что шумъ на стѣнѣ утихнетъ; къ тому же на бреши еще видны были люди. Когда наконецъ все затихло, то Майеръ съ двумя матросами и унтеръ-офицеромъ своей команды перебрался черезъ ручей въ подковку ¹⁾, въ которой текинцевъ не оказалось. Сюда же тотчасъ же перелѣзъ и Орловъ-Денисовъ. Затѣмъ всѣ минеры потихоньку поползли въ ровъ, останавливаясь по временамъ, когда на стѣнѣ слышались голоса. Остолоповъ выбралъ вдоль стѣны четыре мѣста для минныхъ камеръ; Майеръ между тѣмъ оставилъ одного унтеръ-офицера съ гальванической батареей, отъ которой были протянуты проволоки къ пироксилиновымъ минамъ, и приказалъ тотчасъ, по крику „готово“, соединять проводники.

Кромѣ гальваническихъ приводовъ къ минамъ, какъ къ динамитнымъ, такъ и къ пироксилиновымъ, были приращены фитили Бикфорда съ медленно горящимъ составомъ, рассчитанные на полминуты горѣнія.

Когда всѣ стали по мѣстамъ, и работа началась, то Орловъ-Денисовъ тоже спустился съ прикрытіемъ въ ровъ, положивъ стрѣлковъ поперегъ рва, по правую и лѣвую сторону работающихъ.

¹⁾ Это была, какъ я уже говорилъ, небольшая подковообразная насыпь, отъ которой шелъ углубленный ходъ въ непріятельскій ровъ, приблизительно противъ мѣста, гдѣ предполагался взрывъ.

Стѣны Денгиль-тепе начинаются не съ поверхности земли, а со дна рва; такимъ образомъ, камеры для минъ пробивались внизъ, у основанія стѣны. Благодаря дождю, глиняная поверхность послѣдней нѣсколько размокла и удары ломовъ и лопатъ были настолько тихи, что наверху, за парашетомъ, никто ихъ не слыжалъ, хотя отдѣльныя слова, раздававшіяся по временамъ отсюда, и свидѣтельствовали, что часовые не спали.

Минеры работали съ одушевленіемъ; между матросами даже поднялся споръ, кому будетъ принадлежать честь начинать мину, и Майеръ ихъ долженъ былъ унять, чтобы они не шумѣли.

Камеры выбивали около часу; наконецъ мины были готовы. Прикрытіе отползло назадъ; потомъ постепенно отошли почти все минеры, за исключеніемъ четырехъ солдатъ и офицеровъ. Затѣмъ Остолоповъ и Майеръ разомъ зажгли фитили, и ровъ засвѣтился. Къ этому времени какъ разъ дождикъ пересталъ и выглянула луна... Остолоповъ крикнулъ „готово“ и побѣжалъ назадъ. На стѣнѣ поднялась суматоха. Въ торопяхъ и въ темнотѣ близорукій Майеръ не сразу нашелъ ходъ на подковку и бѣгалъ во рву, ища гдѣ вылѣзть... На стѣнѣ крики и пальба по удаляющимся охотникамъ... Тутъ еще Майеръ вспомнилъ, что унтеръ-офицеръ на подковкѣ долженъ по крику „готово“ соединить проводники и взрывать... На счастье, унтеръ-офицеръ догадался и не исполнилъ приказанія. Наконецъ, онъ нашелъ выходъ и сдѣлалъ по немъ нѣсколько шаговъ, когда раздался оглушительный взрывъ первой мины... Майеръ, подброшенный газомъ на воздухъ, перевернулся и грянулся головой о землю. Бывшіе впереди

его два матроса подхватили его на руки и подъ жестокимъ ружейнымъ огнемъ со стѣны и дождемъ сухой глины, летѣвшей черезъ головы отъ взрывовъ, вынесли въ параллель, гдѣ онъ и пришелъ въ себя...

Скобелевъ, все время сидѣвшій подъ дождемъ въ третьей параллели и ждавшій съ нетерпѣніемъ, чѣмъ все это кончится, когда раздался взрывъ, громко закричалъ „ура“; солдаты подхватили, и въ нѣсколько минутъ это „ура“ разнеслось по всѣмъ траншеямъ, и на лѣвомъ флангѣ, и на правомъ, перебиваемое учащенной ружейной пальбой. Генеральъ благодарилъ и обнялъ Остолопова и Майера, а солдатамъ отдалъ обѣщанные кресты и деньги.

ШТУРМЪ ДЕНГИЛЬ-ТЕПЕ.

О военномъ суевѣрїи. — Диспозиція штурма. — Окончаніе мины. — Тушины. — Атака Гайдарова. — Взрывъ. — Занятіе миннаго обвала. — Возвращенное знамя. — Штурмъ артиллерійской бреші. — Бой между кибитками. — Отступленіе текинцевъ. — Преслѣдованіе ихъ нашей кавалеріей. — Занятіе холма.

I.

Какъ многіе выдающіеся историческіе люди, Скобелевъ немного суевѣренъ, а, можетъ быть, только кажется суевѣрнымъ. Откладывая штурмъ, назначенный 10 января, въ субботу, ему приходилось выбирать между двумя днями, понедѣльникомъ и вторникомъ. Далѣе онъ не ждалъ бы ни подъ какимъ видомъ, потому что погода портилась и въ отрядѣ не было мяса, вслѣдствіе чего уже два дня войска ѣли консервы. Вторникъ приходился на 13-е число, которое послѣ послѣдней турецкой кампанїи на Кавказѣ не пользуется хорошей репутаціей. Въ 1877 году, 13-го мая, было неудачное магараджихское дѣло близъ Карса, 13-го іюня была отбита атака на Зевинъ, а 13-го августа турки

заняли Кизиль-Тапа; вслѣдствіе этого 13 сентября въ главныхъ силахъ ночью были выставлены двойные аванпосты; 13 октября, когда покойный Гейманъ, уже послѣ побѣды подъ Авліаромъ, форсированнымъ маршемъ двинулся на Сагандугъ, то Зевинъ оказался занятымъ авангардомъ Мухтара-паши; Гейманъ не рѣшился атаковать его 13-го, а 14-го турки отступили сами.

Такимъ образомъ, Скобелевъ назначилъ штурмъ на 12-е, въ понедѣльникъ, но такъ какъ понедѣльникъ тяжелый день, то Скобелевъ приказалъ въ штабѣ не говорить и не вспоминать, что 12-е приходится въ понедѣльникъ.

Князь Шаховской, главноуполномоченный „Краснаго Креста“, узнавъ объ этомъ, сказалъ Скобелеву:

— Это ничего, Михаилъ Дмитриевичъ... Зато 12-е января—Татьянинъ день и день основанія московскаго университета...

Такимъ образомъ штурмъ былъ назначенъ въ Татьянинъ день и, какъ оказалось впоследствии, вся тяжесть понедѣльника легла на текинцевъ.

Суевѣріе въ нашей арміи существуетъ такъ же, какъ, я думаю, и въ другихъ арміяхъ. Оно частью имѣетъ народное происхожденіе, а частью носить на себѣ чисто военный характеръ... Такъ, напримѣръ, во время боя, кто ругается „дурными“ словами, того убьютъ; докторъ Студитскій подъ Бендесеномъ всячески ругалъ текинцевъ... „Не ругайтесь, ваше благородіе!“ говорили казаки... но онъ не послушался, и его убили.

Грабить на полѣ сраженія мертвыхъ также считается грѣхомъ, за который Господь посылаетъ смерть. Суевѣріе поддерживается и между офицерами, полшутя,

полусерьезно, но самый незначительный оттънокъ въ настроеніи духа, распространяясь по рядамъ, оказываетъ большое нравственное вліяніе на массу и часто вліяетъ на исходъ сраженія.

Поддержаніе хорошаго духа и увѣренности въ особенности важно среди офицеровъ, отъ которыхъ въ нынѣшнее время, можно сказать, зависитъ $\frac{9}{10}$ успѣха „атаки“; и это потому, что офицеры съ каждымъ днемъ становятся лучше...

II.

Общая диспозиція штурма, отлитографированная крупнымъ почеркомъ на полтора листахъ обыкновеннаго формата, была разослана главнымъ начальникомъ еще наканунѣ 11-го января *).

*) Вотъ существенная часть ея содержанія:

Завтра, 12-го января, имѣетъ быть взятъ штурмомъ главный валъ непріятельской крѣпости у юго-восточнаго угла ея.

Для штурма назначаются копаны:

1) Полковника Куропаткина ($11\frac{1}{2}$ ротъ, охотники, 6 орудій, ракеты) овладѣваетъ обваломъ, произведеннымъ взрывомъ великокняжеской мины; утверждается на немъ прочно, укрѣпляется въ юго-восточномъ углу крѣпости, входитъ въ связь со второю колонною полковника Козелкова.

Сборный пунктъ—Великокняжеская позиція въ 7 ч. утра.

2) Полковника Козелкова ($8\frac{1}{4}$ ротъ, охотники и саперы, 3 орудія, ракеты) овладѣваетъ артиллерійской брешью, входитъ въ связь съ первой колонной, прочно утверждается и укрѣпляется на бреши въ прочной обоюдной зависимости съ колонной полковника

Изъ этой диспозиціи штурма ясно видно, что предположенія Скобелева были сравнительно скромныя: хотя онъ и допускалъ возможность овладѣнія всей крѣпостью сразу, но не ставилъ это цѣлью колоннымъ начальникамъ; они должны были только овладѣть брешами — одинъ въ юго-западной сторонѣ угла, а другой — въ юго-восточной, выбивъ изъ этого угла непріятеля, со-

Куропаткина. Сборный пунктъ 3-я параллель къ 7 ч. утра въ передовомъ плацдармѣ.

3) Подполковника Гайдарова ($\frac{1}{4}$ роты, охотники, $1\frac{1}{2}$ сотни, 5 орудій, ракеты) овладѣваетъ Мельничной калой и ближайшими къ ней ретраншементами, съ цѣлью подготовленія и обезпеченія успѣха второй колонны; затѣмъ, усиленнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ дѣйствуетъ по внутренности крѣпости, обстрѣливая и продольно, и въ тылъ непріятелю, сосредоточенному противъ главной атаки, и наконецъ, только въ зависимости отъ успѣха главной атаки, наступаетъ на главный валъ.

Сборный пунктъ—опорная кала въ 3 часа утра.

Общій резервъ въ моемъ распоряженіи у ставропольскаго редута въ 7 ч. утра (примѣч. 12 января командовать резервомъ былъ назначенъ полковникъ Навроцкій) 18 рота, спѣшенные: дивизіонъ драгунъ и сотня, 24 орудія. При всѣхъ колоннахъ географічныя станки. Атаку начинаетъ подполковникъ Гайдаровъ въ 7 ч. утра. Одновременно вся артиллерія дѣйствуетъ по крѣпости.

Штурму обваловъ предшествуетъ усиленная бомбардировка крѣпости въ теченіи получаса.

Атака обояхъ обваловъ начинается тотчасъ послѣ взрыва минъ у великокняжеской позиціи. Я буду находиться въ началѣ боя въ Ставропольскомъ редутѣ.

... На основаніи диспозиціи гарнизонами, въ траншеяхъ, укрѣпленіяхъ и лагерѣ оставлено: 4 роты, $2\frac{1}{2}$ сотни, 26 орудій и 16 мортиръ; комендантомъ лагеря полковникъ Аршищевскій.

единить внутри крѣпости обѣ бреши общей траншеей. Затѣмъ предполагалось дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ.

Врядъ ли былъ ктонибудь, кто бы предполагалъ, что приступъ 12-го января кончится неудачей. Если и были такіе, то они, вѣроятно, таили въ себѣ свои сомнѣнія и военные расчеты. У всѣхъ такъ уже накипѣло на сердцахъ за все тяжелое время осады, что къ штурму готовились, какъ на праздникъ. Среди большинства явилось убѣжденіе, что крѣпость будетъ взята легко, вся сразу, и побѣда будетъ полная; это былъ уже хорошій признакъ.

Наканунѣ штурма всѣ почувствовали тотъ особенный приливъ силъ и энергіи, который испытываетъ, напримеръ, усталый человѣкъ, находясь въ виду цѣли своего странствованія... Конечно, этой энергіи хватаетъ только не надолго, и когда дѣло сдѣлано и все кончено, то рядъ утомительныхъ дней сразу даетъ себя чувствовать. Среди военныхъ штурмовъ пользуется особеннымъ уваженіемъ, и самое это слово въ ушахъ солдата звучитъ какъ-то особенно и грозно. Передъ генеральнымъ сраженіемъ, въ которомъ, быть можетъ, гораздо болѣе гибнетъ народу, чѣмъ на штурмѣ, нѣкоторые беззаботные и привыкшіе люди не думаютъ о смерти; наканунѣ же штурма мысль о смерти мелькнетъ у cadaго; одни ее отгоняютъ и стараются не думать объ этомъ, какъ о чемъ-то докучливомъ и неумѣстномъ; другіе пишутъ наканунѣ письма или говорятъ товарищу: „если меня убьютъ, то сдѣлай то-то и то-то“.

Иной—воинъ въ душѣ и самаго честолюбиваго отѣнка—ни о чемъ не думаетъ, какъ только о томъ, какъ

бросится завтра впередъ, перегонить солдатъ, какъ онъ полѣзетъ и получить Георгія.

У нѣкоторыхъ является особенно настойчивое предчувствіе смерти. Оно выражается въ томъ, что человѣкъ или прямо говоритъ, что вотъ „меня убьютъ въ этомъ дѣлѣ“, или у него вдругъ является сильное нежеланіе идти въ бой. Конечно, пуля многихъ убиваетъ такихъ, которые, кромѣ того, что не желаютъ и не думаютъ умирать, но еще увѣрены, что останутся цѣлы и невредимы. Въ такомъ дѣлѣ, какъ штурмъ, конечно, должно же когонибудь убить, но замѣчательно, что убиваютъ какъ разъ тѣхъ, о комъ вы и не думаете, чтобъ его задѣла пуля. Судьба, самая слѣпая судьба, играетъ жизнями людей на полѣ сраженія, по крайней мѣрѣ людей мелкихъ и не особенно выдающихся... Нѣсколько опредѣленнѣе и замѣчательнѣе она относится къ лицамъ выдающимся;— кому написано на роду прославиться на войнѣ, того не убьютъ, пока не придетъ его девятый валъ, если жизнь сравнить съ моремъ; когда полководецъ уже пріобрѣлъ общую извѣстность и выказалъ вполнѣ свой талантъ, когда онъ можетъ себѣ сказать: „сегодня я сдѣлалъ то, лучше чего уже не сдѣлаю“, тогда его будущее становится неопредѣленнѣе и непроницаемѣе, и онъ, какъ и другіе, долженъ всегда ожидать роковаго конца.

Въ данномъ случаѣ я это говорю по поводу Скобелева. Еслибъ предположить, что атака незначительныхъ по численности штурмовыхъ колоннъ была бы отбита, то Скобелевъ послалъ бы поддержку изъ резервовъ и такъ посылалъ бы ихъ до полного истощенія. Въ случаѣ неудачи и замѣшательства, онъ самъ

бы сталъ во главѣ какой нибудь роты и бросился бы съ нею на обвалъ, какъ это дѣлали въ свое время Суворовъ, Жуберъ при Требии и Наполеонъ на Аркольскомъ мосту. Но Жуберъ былъ убитъ, а Суворовъ и Наполеонъ остались живы и побѣдили. Конечно, при тѣхъ усиливяхъ, въ какихъ находился бы нашъ малочисленный отрядъ, Скобелевъ бы не вышелъ живымъ, но, такъ какъ девятый валъ Скобелева еще не пришелъ, то мы должны были побѣдить; такое убѣжденіе подсказывало военное суевѣріе, ни на чемъ быть можетъ не основанное.

Штурмъ, повторяемъ, есть торжественный военный актъ, еще болѣе торжественный, чѣмъ генеральное сраженіе; къ нему готовятся какъ-то особенно; о немъ иначе мыслятъ; ожиданіе его поднимаетъ нервы и приводитъ въ особенное состояніе душу и солдатское сердце. Но по моему, самое непріятное занятіе на войнѣ—это рекогносцировка. Казалось, по существу ни сраженіе, ни штурмъ, ни рекогносцировка не должны бы были отличаться другъ отъ друга. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ тѣ же люди ѣздятъ, ходятъ, гремятъ пушки и стрѣляютъ ружья, вездѣ одинаково убиваютъ и ранятъ людей и льется та же кровь. Но въ головѣ, противъ воли, составляется убѣжденіе, что рекогносцировка—вещь второстепенная, что она такъ себѣ, между прочимъ, и что въ большой войнѣ о ней не говорятъ и не пишутъ, да и къ наградамъ рѣдко представляютъ. Другое дѣло — сраженіе или штурмъ, гдѣ дерутся тысячи людей и гдѣ иногда рѣшается судьба всей войны.

III.

11 января небо было пасмурное и вечеромъ шелъ небольшой дождикъ, такъ что мы опасались, чтобы такая же погода не была и на утро. Здѣшняя же почва страшно размокаетъ отъ дождя и превращается въ такую вязкую грязь, что по ней трудно было бы бѣжать на обвалъ.

На великокняжеской позиціи, въ то время какъ Остолоповъ и Майеръ на лѣвомъ флангѣ ходили подрывать стѣну, другая мина и еще болѣе серьезная, подходила къ концу. Главная или магистральная линія, съ камерой для пороха на концѣ, уже была подъ стѣной, и саперы съ лихорадочной поспѣшностью начали выдѣлывать еще двѣ галлерейки (рукава) вправо и влѣво изъ главной, такъ какъ подъ стѣной должны были быть три пороховыхъ камеры, саженьхъ въ трехъ одна отъ другой, по линіи стѣнъ. Минеровъ торопили саперные офицеры, саперныхъ офицеровъ Куропаткинъ и Рутковскій, а этихъ Скобелевъ, каждый часъ присылавшій ординарцевъ и осетинъ съ записками: „готова ли мина?“ и „сколько еще осталось работы?“ Порохъ былъ уже поднесенъ въ Охотничью калу и подготовленъ для заряжанія. Зеряжаніе пороховыхъ камеръ производится въ темнотѣ, во избѣжаніе взрыва; рабочіе садятся вдоль галлерей и передаютъ другъ другу порохъ, мѣшокъ за мѣшкомъ...

Въ одинъ изъ мѣшковъ засовывается запаль, съ концами проводниковъ, состоящихъ изъ металлических проволокъ, которыя укладываютъ по краю галлерей и

прикрываютъ чѣмъ нибудь, чтобы не испортились при забивкѣ.

Забивка состоитъ изъ дерну, земляныхъ мѣшковъ и деревянныхъ щитовъ и дѣлается для того, чтобы дѣйствіе пороховыхъ газовъ обратилось въ сторону непріателя. Для этой забивки мѣшки уже были сложены на плотинѣ и команда рабочихъ постоянно ихъ насыпала землей и подносила къ минному спуску.

На той же плотинѣ были сложены туры, фашины и штурмовыя лѣстницы. Фашины и туры предназначались для устройства перваго закрытія на обвалѣ—для пѣхоты и горныхъ орудій или, какъ говорятъ саперы, для вѣнчанія обвала.

Штурмовыя лѣстницы были сколочены изъ лѣса, который былъ подъ рукой, и были кривыя.

Во всѣ колонны было роздано по нѣскольку штукъ. Такъ какъ наши стрѣлки должны были распространяться вправо и влѣво по стѣнѣ, то лѣстницы предназначались на случай, еслибы съ обваловъ было трудно взобраться на стѣны. Гайдарову же эти лѣстницы были болѣе необходимы, такъ какъ онъ долженъ былъ, въ случаѣ успѣха прочихъ колоннъ, лѣзть на цѣльныя, неразрушенныя стѣны.

Начальники фланговъ весь вечеръ были заняты отдачею приказаній и распредѣленіемъ войскъ, а въ особенности Куропаткинъ, которому надо было расположить свой отрядъ на изрѣзанной глубокими траншеями мѣстности такъ, чтобы они удобно сообщались между собою, чтобы всѣ роты были подъ его командирскимъ глазомъ и чтобы форсированіе ихъ въ моментъ атаки было незатруднительно. На лѣвомъ флангѣ для штур-

мового баталіона вырыть былъ плацдармъ, состоявшій изъ ряда параллельныхъ траншей. Такія же траншеи были устроены и за плотиной.

Ближайшіе резервы Куропаткинъ хотѣлъ оставить сначала въ Охотничьей и Туркестанской калѣ, но вслѣдствіе доклада инженеровъ, что слабыя и высокія стѣны калъ могутъ обрушиться, вслѣдствіе сотрясенія во время взрыва, Алексѣй Николаевичъ перемѣнилъ и рѣшился утромъ вовсе очистить калы. Предположеніе инженеровъ, впрочемъ, оказалось ошибочнымъ, и стѣны не развалились, вѣроятно потому, что впереди ихъ, кромѣ оврага, былъ цѣлый рядъ глубокихъ траншей, которые должны были пересѣчь земляную волну, которая идетъ по землѣ, когда „даютъ горнъ“, т. е. взрываютъ подземную мину.

Кромѣ сотрясенія, надо было навѣрно ожидать, что масса земли и обломковъ, взлетая букетомъ вверхъ, осыплетъ всѣ передовыя траншеи и можетъ перебить тамъ своихъ же. За то размѣщеніе штурмовыхъ войскъ въ ближайшихъ подступахъ и траншеяхъ представляло ту выгоду, что вслѣдъ за взрывомъ наши солдаты въ минуту могли занять обвалъ, пока текинцы еще не успѣли оправиться отъ неожиданности послѣдняго. Последнее обстоятельство было такъ важно, что Куропаткинъ не рѣшился совсѣмъ очистить передовыя траншеи и Ширванскій редутъ. Тамъ были оставлены охотники Воропанова, которые должны были занимать стѣну вправо, и полусотня спѣшенныхъ уральцевъ съ Кунаковскимъ, для поддержки, въ случаѣ нужды, боя на бреши. Головная колонна (3 бат. ширванскаго полка, подъ начальствомъ майора Савиниса) и полуроты саперъ

должны были стать на плотинѣ, а другая колонна туркестанцевъ, подѣ начальствомъ капитана Фока, въ соединительной траншеѣ между калами. Перевязочный пунктъ „Краснаго Креста“ сначала долженъ былъ оставаться близъ Охотничьей, а потомъ переходить къ бреши. Въ такомъ же родѣ и сообразно назначенію сдѣланы были распоряженія и въ прочихъ штурмовыхъ колоннахъ. Количество орудій на брешь-батареѣ и на Ставропольскомъ редутѣ было увеличено до тридцати,— всѣ для разбиванія бреши.

IV.

...Въ одной изъ предыдущихъ главъ я говорилъ, что въ передовой отрядѣ между прочимъ пріѣхало нѣсколько тушинъ подѣ предводительствомъ тифлискаго ремесленнаго головы, Андрея Капанадзе. Прибывъ въ лагерь, они разсѣдлали своихъ лошадей и разлеглись около первой параллели, совершенно довольные предстоящей забавой и безопасно ожидая, куда поведетъ ихъ „Андрія“. Кто-то, кажется, князь Эристовъ ¹⁾, сказалъ Скобелеву, что пріѣхали тушины драться на собственный счетъ. Михаилу Дмитріевичу это очень понравилось; проходя по параллели, онъ ихъ замѣтилъ и поздоровался. Старшій изъ нихъ, Давидъ, уже съ георгіемъ за одну изъ горскихъ экспедицій, всталъ и отвѣчалъ за всѣхъ: „Гамаръ-джоба“, обыкновенное грузинское привѣтствіе, вродѣ „здравствуйте“, но которое собственно значить — „побѣда тебѣ!“...

¹⁾ Командиръ полтавскаго казачьяго полка.

— Ступайте ко мнѣ въ конвой! сказалъ генераль, обращаясь къ Давиду, на что тотъ отвѣчалъ:

„Карги, карго сардало!“ (хорошо генераль), хотя ничего не понялъ и въ конвой не явился.

Въ тотъ же вечеръ Капанадзе отправился съ ними на Великокняжескую, и они всю ночь прострѣляли. Утромъ, когда Скобелевъ обходилъ траншеи и замѣтилъ тушинъ, Капанадзе воспользовался случаемъ и ему представился. Скобелевъ обошелся съ нимъ ласково и сказалъ:

— Очень радъ каждой лишней винтовкѣ... Радъ храбрцамъ тушинамъ...

По приказанію генерала, они были зачислены въ Охотничью команду.

Съ этого дня для тушинъ началась ихъ любимая полувѣриная жизнь. Пострѣляетъ нѣсколько часовъ, потомъ сбѣгаетъ, поѣстъ чурека или спитъ на банкетѣ, завернувшись въ бурку, потомъ опять пострѣляетъ и такъ до дня штурма.

На Великокняжеской позиціи между туркестанскими офицерами они почему-то были извѣстны подъ названіемъ „бычковъ“... Главнѣйшею ихъ отличительною чертою была невозмутимость...

Во время нападенія 4-го января, они спали въ большой калѣ; прибѣгаетъ Капанадзе и будить ихъ за шиворотъ. Впереди пальба и шумъ...

— Андрія—ра-амбавія? (что такое?) спрашиваютъ они, лѣниво протирая глаза...

— Теке мовида (пришли)—Бичебо-топеби! (ребята—въ ружье!) и, разбирая неторопливо ружья, сѣдовласые ребята идутъ отбивать текинцевъ...

Наканунѣ штурма мнѣ случилось наблюдать за приготовлениями тушинѣ. Во-первыхъ, они всѣ перемѣнили бѣлье и придали своей наружности нѣкоторый галантный видъ, смазали карабины, закопѣлые отъ порохового дыма, и потомъ стали усиленно и необыкновенно старательно точить свои громадные кинжалы. Забавно, а вмѣстѣ и жутко было смотрѣть на двухъ самыхъ старыхъ, которые, увлекаясь этой работой, вѣроятно уже воображая себѣ распоротые текинскіе животы, съ звѣриной улыбкой на загорѣлыхъ, испытыхъ лицахъ, махали повременамъ кинжалами въ воздухъ, какъ будто уже закалывая незримаго непріятеля.

Окончивъ всѣ эти занятія, они усѣлись кружкомъ, поѣли мучного супа своего приготовленія и начали пить изъ большой бутылки водку, которую притащилъ изъ лагеря Давидъ. Самый молодой и красивый изъ нихъ былъ въ меланхолическомъ настроеніи духа и не хотѣлъ пить, но Давидъ его пристыдилъ:

— Э, полно, братъ, пей: сѣно корову не убьетъ!

Въ это время Капацадзе, который былъ въ философскомъ настроеніи духа и тоже слегка дернулъ, сталъ убѣждать ихъ не пить:

— Не годится, „бичебо“, много пить и ѣсть передъ боемъ: вредно; всѣ раны тяжелы будутъ. Въ отвѣтъ на это, Давидъ махнулъ рукой и возразилъ словами народной пѣсни: „до сраженія вино обратится въ кровь, а въ сраженіи мы ее все равно прольемъ!“...

V.

...Ночной вѣтеръ очистилъ пасмурное небо и почва нѣсколько подсохла къ утру... Самурцы и спѣшенные таманскіе казаки еще до разсвѣта собрались подъ начальствомъ Гайдарова въ Опорной калѣ и вскорѣ послѣ восхода солнца двинулись къ Мельничной... Колонная артиллерія, подъ начальствомъ капитана Волчасскаго, открыла огонь по калѣ и траншеямъ, за которыми засѣли текинцы... По мѣрѣ приближенія колонны, число послѣднихъ увеличилось. Удары пушекъ лѣвой колонны, относимые утреннимъ вѣтромъ, глухо доносились на Великокняжескую. Надъ позиціями стояла какая-то необычная тишина, изрѣдка прерываемая рѣдкими выстрѣлами текинцевъ и охотниковъ. Минутами, надъ воюющими сторонами, казалось, наступало полное молчаніе. Войска уже размѣстились по мѣстамъ. Большой бѣлый штандартъ съ императорскимъ гербомъ послѣдній разъ развѣвался надъ Главной калой. Въ 10¹/₂ часовъ Рутковский донесъ командующему войсками, что мина готова. Изъ Охотничьей калы были всѣ выведены, и при гальванической батарее остались только инженеръ, поручикъ Чернякъ и унтеръ-офицеръ Шульга (гальванеръ).

Куропаткинъ со своимъ штабомъ отправился на плотину. Здѣсь уже былъ въ сборѣ штурмовой батальонъ, и горныя орудія стояли на барбатахъ. Незадолго до взрыва, командиръ этой батареи, капитанъ Грекъ, былъ убитъ. Расхаживая вдоль внутренней крутости бруствера, онъ подошелъ къ одной изъ амбразуръ, сталъ на

банкетъ и, поднявъ одинъ мѣшокъ, началъ разсматривать крѣпостную стѣну.

— Константинъ Константиновичъ, осторожнѣе! Не высовывайтесь очень, сказалъ ему Калитинъ, ординарецъ Куропаткина, сейчасъ пуля ударила въ фашину!.. Грекъ повернулся, чтобы сойти и, сказавъ что-то вроде „э-хе-хе-хе...“ покатился, обливаясь кровью, съ высокаго барбата въ ровикъ. Пуля попала ему въ затылокъ и вышла около глаза.

На лѣвомъ флангѣ въ третьей параллели и въ плацдармѣ стоялъ 4-й батальонъ апшеронскаго полка, назначенный, подъ начальствомъ графа Орлова-Денисова, въ голову штурмующей колонны; здѣсь же была охотничья команда, саперы и матросы съ Майеромъ. Въ третьей параллели, въ ожиданіи штурма, сидѣли Козелковъ, графъ Орловъ-Денисовъ, инженеръ-капитанъ Васильевъ и другіе. Графъ Орловъ, по кавказскому обычаю, нарядился въ парадную форму—въ новый казачій мундиръ, съ флигель-адъютантскими вензелями и эксельбантомъ, и въ орденахъ и имѣлъ совсѣмъ видъ блестящаго офицера, пріѣхавшаго на балъ. Влѣво отъ апшеронцевъ и нѣсколько позади гремѣла большая брешь-батарея, посылая снарядъ за снарядомъ въ непріятельскую стѣну, на которой уже замѣтно обозначился обвалъ. Вскорѣ въ кононадѣ приняли участіе и всѣ остальные орудія, назначенныя въ бой, и за крѣпостной стѣной непрерывно хлопали гранаты.

Скобелевъ, нѣсколько блѣдный, но наружно спокойный, пріѣхалъ на Ставропольскій редутъ съ своимъ штабомъ, гдѣ резервъ уже былъ собранъ.

Здѣсь онъ весело разговаривалъ съ офицерами, пилъ

чай и потомъ проѣхался съ генераломъ Гродековымъ къ Гайдарову, у котораго уже шла горячая ружейная перестрѣлка.

— Не пора ли занимать калу? спросилъ онъ Гайдарова... Нѣтъ, еще рано, ваше превосходительство... отвѣчалъ Гайдаровъ, и Скобелевъ, не желая стѣснять въ распоряженіяхъ этого славнаго штабъ-офицера и видя, что все идетъ хорошо, вернулся къ резерву.

На случай, еслибъ полковникъ Козелковъ „выбылъ“ изъ строя, его долженъ былъ замѣнить полковникъ Навроцкій.

Орлова замѣнялъ—маіоръ ханъ Нахичеванскій.

Получивъ донесеніе, что мина готова, командуящій войсками приказалъ взрывать ее въ 11 час. 20 минутъ; взрывъ же служилъ сигналомъ для штурма. Часы были вывѣрены. Въ это время капитанъ Волчасскій¹⁾, обстрѣливавшій съ своей батареей съ близкаго разстоянія Мельничную калу, былъ тяжело раненъ фальконетной пулей въ ногу, отчего послѣ и скончался.

Гайдаровъ выбилъ текинцевъ изъ калы, но, такъ какъ стѣна, обращенная къ непріятелю, была нарочно разрушена текинцами, то здѣсь онъ остановился, пока саперы укрѣплялись и окапывались.

Тѣмъ временемъ Чернякъ, стоя въ Охотничьей калѣ у гальванической батареи, взволнованный, нѣсколько разъ пробовалъ, есть ли токъ въ проводникѣ; все оказывалось въ порядкѣ; на всякій случай, въ минѣ было заложено двѣ пары запаловъ—пробковый и дрейеров-

¹⁾ Капитанъ Волчасскій участвовалъ въ качествѣ добровольца въ сербской войнѣ и за осаду Карса былъ награжденъ Георгіемъ.

скій. Въ 11 часовъ въ калу пришелъ съ плотины ординарецъ Куропаткина—поручикъ Ягодкинъ, и передалъ приказаніе взрывать черезъ 20 минутъ. Чернякъ, блѣдный отъ волненія, держалъ въ рукахъ концы проводниковъ, а завѣдующій работами слѣдилъ по часамъ.

— Поручикъ Чернякъ, приготовьтесь! тридцать секундъ осталось...

На стѣнѣ было тихо, и текинцы видимо ничего не ждали.

— Взрывайте!

Какая-то черная, густая масса камней, земли и пыли съ легкимъ шумомъ высоко поднялась надъ текинской стѣной; раздался глухой подземный гулъ и большія глыбы съ грохотомъ, какъ каменный фонтанъ, посыпались на землю... Нервное „ура“, нарастая все громче и громче, понеслось по траншеямъ, и штурмовой батальонъ въ какую-нибудь минуту пробѣжалъ разстояніе отъ плотины до стѣны и, скрывшись на мгновеніе въ обмелѣвшемъ отъ обвала рву, бойко лѣзъ на вершину обвала, надъ которымъ еще носилось облако пыли. Туда же бѣжали саперы и охотники, въ разсыпанную, вылѣзая изъ передовыхъ траншей... По пути валялись оброненныя штурмовыя лѣстницы, туры и окровавленные тѣла охотниковъ и казаковъ, которыхъ зашибло болѣе сорока человекъ падающей глиной. Многие, впрочемъ, очнулись впоследствии. Плотину тоже осыпало, но тамъ падали болѣе мелкіе куски; Калитина сильно ударило въ спину и его безъ чувствъ вынесли на перевязочный пунктъ.

Апшеронцы, на лѣвомъ флангѣ, какъ только увидѣли взрывъ, выскочили изъ траншей и, перебѣгая

мостикъ черезъ Великокняжескій ручей, направлялись къ артиллерійской бреші... батальону приходилось здѣсь пройти подъ огнемъ около ста сажень... Пылкій Орловъ, желая возстановить порядокъ, который нарушился при переходѣ ручья, остановилъ батальонъ и началъ его устраивать; уже въ это время нѣсколько десятковъ людей было убитыми и ранеными, и самъ графъ Орловъ, у котораго первой пулей оторвало на рукѣ палець, рѣзко выдѣляясь своимъ мундиромъ, былъ подстрѣленъ въ бедро и упалъ, не доведя батальона до бреші...

Ханъ Нахичеванскій повелъ апшеронцевъ далѣе...

Оправившись отъ перваго нравственнаго потрясенія, произведеннаго невиданной дотолѣ миной, отъ которой погибло не мало лучшихъ защитниковъ крѣпости, текинцы собрались съ духомъ и открыли огонь по штурмующимъ съ боковыхъ парашетовъ... Несмотря на короткое разстояніе и быстроту, нѣсколько десятковъ ширванцовъ легли какъ подкошенные, не добѣжавъ до обвала. Бывшіе при охотникахъ прапорщикъ Морицъ и поручикъ Кунаковскій (тотъ самый, что мѣрилъ ровъ) оба были убиты наповалъ на краю рва, заработавъ, вмѣсто бѣлыхъ крестовъ, деревянные...

Кучка удалцовъ, текинцевъ, тѣсняясь во внутреннемъ рву, бросилась, очертя голову, отбивать обвалъ, и между обѣими сторонами завязалась горячая перестрѣлка въ упоръ и рубка шашками... Въ это время охотники Воропанова уже взобрались за правый парашетъ и, то перестрѣливаясь, то схватываясь холоднымъ оружіемъ, наступали по стѣнѣ. На позиціи музыка играла маршъ и стройно, съ барабаннымъ боемъ, подступали резервы... Въ толпѣ сол-

дать и офицеровъ, тѣснившихся на вершинѣ и по скату обвала, раздавалось громкое, бѣшеное ура; сверкали штыки и сабли и развѣвалось ширванское знамя. Раздавались крики: „туровъ сюда подавай! орудіе, орудіе сюда!“—и саперы съ лихорадочной быстротой, бросая въ толпу земель, расчищали лопатами въѣздъ и площадку для орудія. Поднесли туры и мѣшки. Артиллеристы, перетаскивъ на рукахъ горныя пушки черезъ высокую плотину, тянули ихъ къ обвалу... Во рву располагался перевязочный пунктъ. Наконецъ - то войска увидели внутренность Денгиль-тепе!

За стѣной тянулся мелкій и неровный внутренній ровъ, и за нимъ, начиная отъ самаго края, цѣлое море кибитокъ и врытыхъ землянокъ, тѣсно стоявшихъ одна къ другой, съ широкой кривой улицей, шедшей по направленію къ холму. Все это было занято разноцвѣтной толпой непріятеля, среди которыхъ мѣстами вспыхивали густые бѣлые дымки лопающихся гранатъ. Засѣвъ въ ближайшихъ къ обвалу кибиткахъ, текинцы часто стрѣляли по обвалу. Кто-то крикнулъ: „Казаки, сюда!“... и уральцы Кунаковского, бывшіе позади, бросились впередъ и, очистивъ пашками переднія кибитки, завязали перестрѣлку. Изъ уваженія къ своему убитому командиру, они перенесли съ собою тѣло Кунаковского черезъ брешь... Куропаткинъ съ своимъ штабомъ уже былъ на бреші. Въ это время со стѣны подошло нѣсколько охотниковъ, неся какое-то знамя... Это было знамя 4-го апшеронскаго баталіона, которое хранилось у кибитки Мурадъ-хана, такъ какъ текинцы считаютъ знамя тоже за святыню. Знамя было отнято охотникомъ апшеронцемъ. Туркестанцы и шир-

ванцы радостнымъ ура привѣтствовали этотъ дорогой трофей.

Вторая штурмовая колонна наступала подъ жестокимъ огнемъ...

Нѣкоторые солдаты открыли было ружейную пальбу, но офицеры быстро ее прекратили, такъ какъ при атакѣ на короткихъ разстояніяхъ она приносить только нравственный вредъ... При влеченные рѣшительнымъ и бодрымъ наступленіемъ апшеронцевъ, текинцы сгустились на бреши, а съ парпетовъ продолжали косыми выстрѣлами поражать нашихъ, пока штурмовая колонна не спустилась въ ровъ. При этомъ подпоручикъ Цоповъ, одинъ изъ первыхъ бросившійся на крутую брешь, покатился назадъ, раненный... Текинцы громко кричали „Алла“ и „Магома“, поощряя этими возгласами другъ друга, грозили изъ-за гребня бреши шашками и гибкими пиками и швыряли камнями по головамъ наступающихъ. Почти ни одного офицера не осталось въ 4-мъ баталіонѣ, которому не окровавили бы головы или лица камнями... Нѣсколько времени наши солдаты, занимая внѣшній скатъ бреши, въ то время какъ за внутренними сидѣли текинцы, перебрасывались камнями; по три, по четыре человѣка бросались впередъ, падали отъ шашечныхъ ударовъ и лѣзли опять. Наконецъ наши сломили и, поддерживаемые резервами, заняли гребень; а инженеръ-капитанъ Васильевъ устраивалъ въѣздъ для орудій.

Генералъ Скобелевъ, зорко и пламенно наблюдавшій за дѣломъ, велѣлъ двинуться туда-же 3-му баталіону апшеронскаго полка и самъ бросился впередъ, желая самъ его вести въ атаку... Но бывшіе тутъ полковникъ Козелковъ и капитанъ Баронакъ его удержали... Съ

апшеронцами двинулись еще и ставропольцы. Подполковникъ Поповъ, сѣдой кавказецъ, много разъ нюхавшій порохъ, бодро велъ 3-й баталіонъ на поддержку товарищей... Одинъ его сынъ уже скончался отъ раны, полученной на рекогносцировкѣ; другаго, тоже раненаго, провели только что мимо его подъ руки... Старикъ его обнялъ и пошелъ дальше. На бреши его ранили въ голову и въ руку...

Въ штурмовой колоннѣ, кромѣ охотниковъ, была и небольшая морская команда; но командиръ ихъ, молодой Майеръ, упалъ, не дойдя до рва. Онъ видѣлъ, какъ текинецъ въ него цѣлилъ, но не хотѣлъ согнуться передъ матросами. Пуля попала ему въ правую щеку, выбила десять зубовъ, пробила шею и вышла подъ мышкой. Кромѣ того, вмѣстѣ съ пулей, въ рану вошла грязная тряпка, замѣнявшая пыжъ.

Тѣмъ временемъ первая колонна уже заняла минный обвалъ; ближайшіе защитники были или переколоты, или отступили за ровъ, и по внутреннему скату валялись только убитые и крѣпились въ предсмертныхъ судорогахъ текинцы... Обвалъ и внутренній ровъ были усыяны тѣлами, страшно изуродованными взрывомъ. Одну старуху засыпало такъ, что изъ кучи сухой глины и земли торчали только руки и блѣдное, искаженное неожиданностью и страданіями лицо; она еще была жива, что-то бормотала и шевелила пальцами.

По мѣрѣ того, какъ рѣшительный бой разгорался, неожиданно для непріятеля, на южномъ углу крѣпости, на западномъ фасѣ число защитниковъ рѣдѣло и огонь затихалъ. Большую часть ихъ Ихти-сардаръ направилъ къ Мурадъ-хану... Текинцы еще держались въ траншеѣ и

небольшомъ земляномъ редутѣ, противъ праваго фланга колоѣны. Большой земляной ретраншементъ, расположенный въ полуверстѣ на сѣверъ отъ Мельничной калы, они очистили послѣ взрыва и скрылись черезъ ворота въ крѣпость, осыпаемые шрапнелями. Гайдаровъ двинулся на штурмъ, поручивъ войсковому старшинѣ, Верещагину ¹⁾, прикрыть это движеніе артиллеріей. Не задолго передъ тѣмъ выбылъ изъ строя состоявшій въ его распоряженіи ординарецъ Скобелева, прапорщикъ Ушаковъ; пуля пробила теплое пальто и платье и ударила въ образъ, висѣвшій на груди, что только и спасло отъ смерти этого молодого и симпатичнаго офицера.

Колонна Гайдарова штурмовала по лѣстницамъ, не встрѣчая уже особаго сопротивленія. Такимъ образомъ русскіе наступали повсюду. На стѣнахъ мелькало русское оружіе, развивались знамена, и бреши непрерывно застилались густымъ дымомъ горныхъ пушекъ и картечницъ.

Подавленные наступленіемъ со всѣхъ сторонъ, не зная куда идти на помощь, текинцы наконецъ дрогнули, и массы ихъ бросились бѣжать, увлекая за собою храбрыхъ. Это было то безпорядочное отступленіе, которое встрѣчается только въ иррегулярныхъ войскахъ и рѣдко въ разстроенной, деморализированной арміи, послѣ упорнаго и „не въ мѣру“ продолжительнаго сраженія...

¹⁾ Верещагинъ во время осады исполнилъ трудную обязанность каменданта Самурскаго укрѣпленія и за три дня до штурма былъ вызванъ впередъ для участія въ этомъ дѣлѣ, что всякимъ хорошимъ офицеромъ считается за награду. Въ случаѣ выбытія изъ строя Гайдарова, онъ долженъ былъ его замѣнить.

Главное направленіе бѣгущаго непріятели было на сѣверъ, но многіе бросались и въ другія стороны, во всѣ выходы и куда попало... Видно было только, какъ всѣ эти могучія, широкоплечія фигуры повернулись почти разомъ, и по этимъ спинамъ въ разноцвѣтныхъ халатахъ съ самага близкаго разстоянія была открыта учащенная пальба на выбаръ, отъ которой текинцы цѣлыми кучами, какъ скошенные, падали между кибитками. Это была какая-то побѣдная, торжествующая пальба, и что-то сухое, недопускающее пощады слышалось въ этихъ перекатныхъ залпахъ.

VII.

Не всѣ текинцы предались малолушному страху и бѣжали опретью; храбрѣйшіе и наиболѣе мужественные, группируясь около своихъ батырей и байрактаровъ (знаменосцовъ), продолжали въ разбродъ медленно очищать экспланату, ближайшую къ стѣнѣ, стрѣляли и наносили тяжелые удары своими шапками... Съ героизмомъ отчаянія отступали шагъ за шагомъ эти „халатники“ передъ тѣснившею ихъ передовою цѣпью охотниковъ и казаковъ; нѣкоторые, уже раненые, продолжали отбиваться, блѣдные, съ пламеннымъ взглядомъ встрѣчая смерть...

Вмѣстѣ съ уральцами, спустившимися съ обвала, были и тушины: одинъ изъ нихъ, самый молодой, погибъ еще на верху, сраженный нѣсколькими пулями... Всѣ остальные болѣе или менѣе сильно были переранены сабельными ударами...

Одинъ высокій и здоровый текинецъ, съ растегнутымъ воротомъ и безъ халата, убилъ казака и размахнулся на Давида и, еслибъ Капанадзе не подставилъ въ это время шашку, то черепъ стараго тушина, при всей его крѣпости, разлетѣлся бы въ стороны... Текинецъ все-таки сдѣлалъ ему глубокую зарубку на лбу, отъ которой тотчасъ же лицо и усы покрылись кровью; перемѣшавшись съ пылью, эта кровь придала его звѣриному лицу совершенно невозможный видъ... Онъ, однако, успѣлъ сильно ударить текинца въ темя рукояткой шашки, а маленькій и ловкій Джихо подскочилъ къ послѣднему сбоку и изъ всей силы ударилъ его кинжаломъ въ животъ. Давидъ, хотя и ошеломленный, еще болѣе освирипѣлъ отъ раны и, наскоро перевязавъ лобъ грязной тряпкой, зарядилъ карабинъ и побѣжалъ далѣе...

Вслѣдъ за передовыми, разсыпанными частями, спустились во внутрь новыя, сомкнутыя... Выдвинувъ нѣсколько влѣво одну роту ширванцевъ, Куропаткинъ перешелъ внутренній ровъ и, постепенно развертываясь, двинулъ часть войскъ вдоль восточнаго фаса, а съ остальными подъ музыку направился къ холму, куда замѣтно подвигались и солдаты Козелкова.

Частый ружейный дымъ, быстро перекачиваясь по западной стѣнѣ на сѣверъ, свидѣтельствовалъ, что гайдаровская колонна направлялась туда же... Итакъ дѣло безъ сомнѣнія шло къ полному овладѣнію Денгиль-тепе...

VIII.

Кромѣ широкой-кривой улицы, или длинной площади, ведущей отъ южнаго угла къ холму между большими группами плотно стоявшихъ одна къ другой кибитокъ, были также извилистые проходы, пересекаемые землянками. Эти землянки были вырыты на скорую руку во время бомбардировки и походили скорѣе на глубокія звѣриныя норы или клоповники, чѣмъ на человѣческое жильё...

Сверху онѣ были перекрыты бывшимъ подъ рукой лѣсомъ, т. е. сравнительно тонкими дрючками, которые употребляютъ для носки кулей, соломой или хворостомъ, и засыпаны слоемъ земли, подъ которыми текинскія женщины и дѣти надѣялись найти спасеніе отъ „кошекъ“, какъ онѣ называли наши бомбы.

Наступающія въ сомкнутомъ строю роты, втягиваясь въ этотъ лабиринтъ, естественно, дробились на части, кромѣ конечно тѣхъ, которыя шли по улицѣ. Увлекаемая одиночнымъ боемъ, нѣкоторые солдаты отдѣлялись отъ ротъ, увеличивая собою стрѣлковую и охотничью цѣпи, и такимъ образомъ нашъ отрядъ двигался, окруженный густою толпою солдатъ, шедшихъ въ разбродъ, то быстро бѣжавшихъ впередъ, то останавливавшихся... Перекатная трескотня ружей, пушечная пальба, „ура“ и замирающіе текинскіе боевые возгласы, такъ побѣдоносно звучавшіе еще недавно,—все это, вмѣстѣ съ испуганными криками женщинъ, дѣтей и опалѣлыхъ животныхъ, сливалось въ одинъ общій хаосъ звуковъ, то звонко, то глухо отдававшихся о стѣны этого боль-

шого глинянаго котла.—Надо всѣмъ стояла пороховая мгла, раздражавшая обоняніе.

Кровавый слѣдъ оставляли за собою солдаты. И тамъ, и здѣсь валялись убитые и раненые текинцы, и быстро двигавшіяся войска наступали на нихъ, давили и прикалывали. По временамъ изъ кибитокъ выскакивали текинцы; одни, ища спасенія въ бѣгствѣ, другіе, желая дорого продать свою жизнь. Нѣкоторые были босы, безъ халатовъ, въ однихъ рубашкахъ изъ грубаго холста и короткихъ штанахъ... Солдаты бросались на нихъ и съ остервененіемъ, наперерывъ, кололи штыками въ ребра, кто въ животъ, стрѣляли въ упоръ или били прикладами такъ, что и голова и прикладъ одинаково трещали... Здѣсь уже было грубое торжество побѣдителей и мщеніе за убитыхъ товарищей и за всѣ тягости и муки осады... Но иногда и побѣдителямъ доставались богатырскіе удары шашки, отъ которыхъ рѣдко кто выживалъ. Нога поминутно спотыкалась о трупы, лежавшіе въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. Одинъ лежитъ какъ-то изогнутый и повернувшись грудью къ землѣ, уткнувъ блѣдное лицо въ свалившуюся папаху.—Другой упалъ совсѣмъ ничкомъ и голова у него разбита совершенно осколкомъ гранаты; собственно головы уже не видно, а такъ „что-то такое“... Одинъ молодецъ особенно меня поразилъ своимъ видомъ. Онъ лежалъ на спинѣ, въ удивительно красивой позѣ, широко разставивъ свои могучія руки и выпятивъ высокую грудь; сквозь рваную рубашку и растегнутый воротъ можно было видѣть его великолѣпное тѣло, какъ у атлета, и стальные мускулы такъ и застывшіе въ напряженномъ состояніи. Въ боку сочились двѣ большія раны, и кровь,

густымъ ключемъ пробиваясь черезъ рубашку, изливалась, образуя на землѣ черную лужу...

Быть можетъ, еще послѣдняя искра жизни держалась въ этомъ превосходномъ бойцѣ, до того было полно выраженія это нахмуренное, красивое лицо, и въ его тусклѣющихъ глазахъ можно было прочесть изступленную ненависть и восторгъ. Казалось, даже умирая, онъ какъ бы защищалъ своими распростертыми руками тотъ клочекъ родной земли, на которой лежалъ.

Ожесточенное преслѣдованіе продолжалось и между кибитками. Завидѣвъ гдѣ нибудь скрывающагося текинца, солдаты стрѣляли въ упоръ по кибиткамъ и землянкамъ. Тлѣющій отъ выстрѣловъ войлокъ распространялъ тяжелый запахъ. На многихъ убитыхъ горѣли и дымилась халаты. Изъ глубокихъ землянокъ раздавались иногда выстрѣлы.

— Чего въ яму-то стрѣляете? спрашиваетъ офицеръ кучку солдатъ, которые, нѣсколько сторонясь отъ выхода изъ землянки, упорно стрѣляютъ туда въ темноту, точно вылавливаютъ какую нибудь крысу...

— А онъ оттуда выстрѣлилъ, ваше благородіе, одного казака зашибъ... и теперь пускаетъ... Такъ мы его „выколачиваемъ“...

Только по поблѣднѣвшимъ губамъ и странно серьезному выраженію лицъ, можно замѣтить, что нашими солдатами овладѣло остервененіе.

IX.

Когда всѣ штурмовыя колонны ворвались въ крѣпость, вошли между собою въ связь и внутри завязался одиночный бой, Скобелевъ приказалъ сѣженнымъ драгунамъ и казакамъ, бывшимъ подъ начальствомъ князя Эристова, садиться на лошадей и преслѣдовать бѣгущаго непріятеля на сѣверъ, куда главнымъ образомъ направлялись текинцы.

Самъ Скобелевъ, въ сопровожденіи генерала Гродекова и части штаба верхомъ въѣхалъ черезъ обвалъ впереди кавалеріи и шагомъ направился вдоль улицы, по направленію къ холму. Въ глазахъ его можно было прочесть то торжество, которое является у человѣка, видящаго удачный конецъ своихъ усилій; побѣду надъ врагомъ и сомнѣніями въ успѣхѣ...

Вслѣдъ за кавалеріей по направленію къ пескамъ вышло также нѣсколько ротъ пѣхоты. Крѣпость была взята.

Большая часть текинской кавалеріи уже давно отступила къ Мерву, а оставшіеся всадники, узнавъ о паденіи крѣпости, ускакали въ пески, угоняя съ собою скотъ. Несмотря на то, что наши лошади были сильно измучены отъ недостатка корма въ послѣдніе дни осады, кавалерія настигла часть бѣгущихъ текинцевъ и рубила ихъ безъ всякой пощады. Песчаные бугры оросились кровью бѣглецовъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Кавалерія преслѣдовала 15 верстъ. На пути попадались женщины съ дѣтьми, которыя бросались на колѣни передъ побѣдителями. До заката солнца Скобелевъ вер-

нулся обратно и, пройдя крѣпость, вернулся къ себѣ въ кибитку во вторую параллель. Въ крѣпости былъ оставленъ гарнизонъ изъ восьми ротъ, полусотни казаковъ и нѣсколькихъ орудій и мортиръ. Комендантомъ всего Денгиль-Тепе назначенъ войсковой старшина Верецагинъ.

Предположенія, что внутренность Денгиль-Тепе пересѣчена арыками и земляными валами, что за главной стѣной есть еще ретраншаменты, что кибитки наполнены землей, оказались ошибочными. Кромѣ толстой наружной стѣны, которую текинцы значительно усилили въ теченіи одного года, внутри ничего не оказалось. Была еще небольшая кала, не доходя холма, которая, вслѣдствіе овладѣвшей всѣми паники, защищалась очень слабо. Все остальное представляло совершенно ровную площадь, въ родѣ плаца, лишенную признака всякой растительности, на которой было установлено около десяти тысячъ кибитокъ. И этотъ кусокъ голой земли, совершенно не закрытый отъ разрушительнаго дѣйствія на вѣснаго огня, текинцы геройски защищали въ теченіе двадцати трехъ дней!

Вѣря въ несокрушимость своей крѣпости, за стѣнами которой они уже отбились однажды отъ русскихъ, текинцы собрали здѣсь всѣ свои семьи, т. е. женъ и дѣтей и, за исключеніемъ части скота ¹⁾ и лошадей, весь свой домашній скарбъ и богатства.

За многіе годы, когда эти свободные сыны степей

¹⁾ Бараны, верблюды и быки паслись въ пескахъ подъ прикрытіемъ кавалеріи и только часть рогатаго скота держалась въ крѣпости для прокормленія гарнизона.

безнаказанно разбойничали и всю жизнь проводили въ лихихъ набѣгахъ на Персію и Бухару, не мало накопилось у нихъ денегъ, серебра и золота. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій и съ вторженіемъ русскихъ въ предѣлы оазиса, имъ, кромѣ Денгиль-тепе, некуда было скрыть все свое награбленное добро; къ тому же въ текинцахъ поддерживалась увѣренность, что русскимъ не удастся побѣдить и на этотъ разъ.

Какъ я уже говорилъ, въ Денгиль-тепе собрались жители всѣхъ поселеній, начиная отъ Кизиль-Арвата до Геокъ-тепе, и каждый привезъ съ собою на верблюдахъ семью и имущество; исключеніе, можетъ быть, составляли асхабатцы, жившіе за пятьдесятъ верстъ далѣе за Геокъ-тепе. Въ каждой кибиткѣ заключалось все имущество текинца: большіе чувалы (мѣшки) съ мукой, зерномъ, джуғуррой и саманомъ, женскія прялки и ткацкіе ручные станки, лопаты и другіе полевые инструменты, чугунные котлы и таганы; около, привязанные къ колу, блеяли бараны и телята, ничего не понимавшіе во всемъ этомъ сумбурѣ.

Кромѣ того, въ кибиткахъ лежали овчины, кожи и чудесные ковры, которыми, по справедливости, могутъ гордиться текинскія рукодѣльницы... Мужскіе и женскіе халаты изъ шелковыхъ тканей. Всевозможные женскіе уборы изъ серебра, бирюзы и монетъ, и мѣшки съ персидскими деньгами были тутъ же, но текинцы незадолго до штурма ихъ скрыли въ землѣ.

По мѣрѣ того, какъ наши войска стягивались между кибитками, солдатики, увлеченные всѣмъ этимъ брошеннымъ добромъ, начали „барантовать“, то есть попросту пошли въ добычу.

Кто тащилъ котелъ, кто навьючивался коврами и хурджунами (шитые мѣшки), кто велъ за рога теленка или тащилъ за ногу живого барана.

Х.

Помимо того, что многіе стороны войны въ самой войнѣ же нерѣдко находятъ свое оправданіе, надо сказать вообще, что войска, втянутыя, послѣ упорнаго сопротивленія, въ селеніе или городъ, начинаютъ грабить, и въ пересѣченной и запутанной домами мѣстности останавливать грабежъ дѣлается почти невозможнымъ. Вслѣдствіе этого, когда начальникъ желаетъ избавить городъ отъ погрома, то долженъ остерегаться проходить черезъ него тотчасъ же послѣ боя.

Въ 1873 году, во время хивинской экспедиціи, соединенные отряды мангишлякскій и оренбургскій атаквали юмудовъ близъ города Мангита. Бой кончился и отрядъ, подъ прикрытіемъ стрѣлковой цѣпи, подошелъ къ городскимъ воротамъ, которыя оказались открытыми. Нѣсколько „почетныхъ людей“, по взмыленнымъ лошадямъ которыхъ можно было убѣдиться, что они сами только что дрались противъ насъ, встрѣтили генерала Веревкина съ хлѣбомъ-солью; въ то же время изъ улицы раздалось нѣсколько выстрѣловъ и пуля просвистала мимо головы Веревкина. Верекинъ, всплывъ, приказалъ переколотъ почетныхъ людей, что было сигналомъ для оренбургскаго отряда. Солдаты и казаки бросились въ Мангитъ и грабили до поздняго вечера. Половина города сгорѣла. Мангишлякскій отрядъ, который про-

шелъ черезъ другія ворота по главной улицѣ, съ музыкой и въ рядахъ, и былъ поставленъ бивуакомъ внѣ города, не принималъ участія въ разрушеніи Мангита.

При штурмѣ крѣпости, гдѣ жители являются вмѣстѣ съ тѣмъ и защитниками, обстоятельства мѣняются. Здѣсь „хождение на добычу“ неизбежно, и исторія доказываетъ, какъ трудно бываетъ иногда отказать въ этомъ солдатамъ, своею грудью даровавшимъ побѣду своему отечеству. Стоитъ только вспомнить воззваніе консула Бонапарта передъ первой итальянской кампаніей къ ободраннымъ и изголодавшимся республиканскимъ солдатамъ.

Примѣръ Суворова подъ Измаиломъ—тоже положительный примѣръ, насколько Магдебургъ и незащищавшійся Лѣтній дворецъ китайскаго богдыхана—отрицательные.

Желая почувствительнѣе наказать текинцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вознаградить солдатъ за всѣ тяжести и лишенія, Скобелевъ приказалъ не препятствовать солдатамъ пользоваться непріятельскимъ имуществомъ, за исключеніемъ фуража и хлѣба, которые должны были поступить въ отрядный складъ, для увеличенія запасовъ. Исключеніе также составляло непріятельское оружіе, которое, какъ военный трофей, должно было быть сдаваемо коменданту.

Чѣмъ ближе приходилось подходить къ холму, тѣмъ гуще стояли кибитки... Повсюду шныряли солдаты съ окровавленными штыками, слышалась пальба и изъ кибитокъ вылетали разныя вещи, пухъ, распарывались мѣшки съ ячменемъ и сыпался саманъ... То звенѣлъ подъ ногами какой нибудь котелъ или брошенный же-

лѣзныи листъ, въ глазахъ мелькали разноцвѣтные ковры, тысячи ковровъ, связки сырого шелку и блѣдныя, плачущія лица женщинъ и дѣтей, незнавшихъ куда дѣваться и въ ужасѣ метавшихся изъ угла въ уголь... Большинство ихъ, впрочемъ, направлялось къ холму, вокругъ котораго была свободная полоса, не занятая кибитками.

Не только во внутреннемъ рву, но и посреди крѣпости попадалось не мало убитыхъ и раненныхъ дѣтей и женщинъ, пострадавшихъ отъ бомбардировки и попавшихъ подъ жестокий ружейный огонь во время наступленія съ брешей. Нѣкоторые изъ нихъ, задыхаясь отъ ужаса, бросались ко всякому встрѣчному офицеру съ грудными дѣтьми и съ истерзанными платьями, повторяя на разные лады „аманъ-ага!“, „аманъ-ага!“ и цѣловали руки. Не смотря на свое ожесточеніе, солдаты ихъ, конечно, не били.

Холмъ былъ тоже занятъ безъ всякаго сопротивленія. Это былъ крутой и довольно высокій курганъ и, какъ впоследствии оказалось, насыпной. Отлогости его были устланы текинскими могилами съ воткнутыми въ нихъ флагами изъ разныхъ цвѣтныхъ тряпокъ и четокъ.

Саперы быстро откопали вѣздъ на вершину, на которую уже втащили пару горныхъ орудій, а затѣмъ ввезли еще два легкихъ дальнобойныхъ орудій, которыя картечными гранатами провожали текинцевъ, отступавшихъ къ Куны Геокъ-тепе ¹⁾). Большой императорскій штандартъ былъ перенесенъ изъ Главной калы,

¹⁾ Куны Геокъ-Тепе—старая крѣпость въ нескахъ въ восьми или девяти верстахъ на сѣверъ отъ Денгиль-Тепе.

и въ три часа пополудни его подняли на углу небольшого редутика, вырытаго текинцами на вершинѣ холма. Здѣсь старшины и сардари собирались для военныхъ совѣщаній и здѣсь же была кузница для отливки снарядовъ.

На склонахъ холма собралась громадная разноцвѣтная толпа женщинъ и дѣтей, которыя усѣвшись на землѣ, тѣсно жались другъ къ другу и оглашали воздухъ безконечными воплями, плачемъ и криками.

Къ толпѣ присоединялись еще дѣти и женщины, выбѣгающія изъ побоища и такимъ образомъ число ихъ дошло до нѣсколькихъ тысячъ. Одинъ изъ штабныхъ переводчиковъ — ротмистръ Байтоковъ, по приказанію Скобелева, на первый разъ отвелъ ихъ всѣхъ въ небольшую калу, расположенную близъ холма, гдѣ онѣ и провели безсонную ночь...

ЛАГЕРЬ ПОСЛѢ ПОБѢДЫ.

Ночь въ крѣпости.—Баранта.—Импровизированныя кухни.—Ковры и серебро.—Маркитанты и курдскіе мародеры.—Текинскія дѣти.

I.

Утомленные ночными приготовленіями, дневнымъ боемъ и преслѣдованіемъ по пескамъ, войска къ вечеру вернулись на свои старыя мѣста, на тѣ самыя позиціи, гдѣ еще такъ недавно шла ожесточенная борьба. Скобелевъ также вернулся въ свою кибитку во второй параллели. Часть войскъ была оставлена гарнизономъ во вновь занятой крѣпости, комендантомъ которой былъ назначенъ войсковой старшина Верещагинъ. Возвращаясь изъ преслѣдованія, генераль Скобелевъ приказалъ обратить особенное вниманіе на холмъ Геокъ-тепе и немедленно же приступить къ укрѣпленію этого пункта, который въ связи съ сѣверо-западнымъ угломъ долженъ былъ составить цитадель для прочнаго удержанія за собой крѣпости.

Гарнизономъ на холмѣ и для прикрытія сѣвернаго

фаса крѣпости было оставлено шесть ротъ пѣхоты, двѣ мортиры, два четырехъ-фунтовыхъ и два горныхъ орудія.

...Странный видъ имѣеть крѣпость въ ночь послѣ штурма. Застывшее море кибитокъ и высокія, напоминающія что-то средневѣковое стѣны бросаютъ густую тѣнь на площадь и экспланаду... По небу ходятъ тучи. Извилистые проходы между кибитками, входы въ землянки, валы и рядъ ямъ, изъ которыхъ состоитъ внутренній ровъ, усеяны трупами и умирающими въ ночной тиши ранеными. Небольшая кала, расположенная саженьяхъ во ста отъ холма, биткомъ набита женщинами и дѣтьми, и изъ ихъ утомленной груди вырываются сильные вопли и стоны. И здѣсь кровь, и здѣсь есть раненыя осколками гранатъ и пулями, которыя не разбираютъ ни слабыхъ, ни сильныхъ. Въ маленькой калѣ уже нѣтъ мѣста; женщины съ ужасомъ мечутся между кибитками, сбѣгаются къ воротамъ калы и, какъ испуганныя овцы, тѣснятся другъ къ другу громаднымъ тысячнымъ стадомъ, дрожа отъ ночнаго холода и прижимая къ себѣ своихъ дѣтей. Но, какъ ни холодно, никто не осмѣливается отойти отъ толпы и принести себѣ что-нибудь теплое изъ кибитокъ, по которымъ шарятъ солдаты и казаки. Сквозь ночную тьму изрѣдка вспыхиваютъ огоньки и раздаются сухіе ружейные выстрѣлы то на аванпостахъ, то на стѣнѣ, то между кибитками, въ которыхъ кое-гдѣ еще скрываются текинцы, успѣвшіе какимъ-нибудь образомъ притаиться во время дневного боя. Нѣкоторые стараются пробраться въ пески черезъ выходы.

Еще въ первыя минуты занятія холма солдаты на-

чали забирать въ кибиткахъ разныя вещи, но настоящій „аламанъ“ или „баранта“ *) предстоялъ на утро. Въ данную же минуту вниманіе побѣдителей было обращено на съѣстное. Солдатики массами тащили муку, курдючье сало, масло и крупу; другіе гнали и тянули на веревкѣ телятъ и барановъ, несли куръ и все, что можно было жевать, и въ кибиткахъ уже можно было видѣть распоротые мѣшки, изъ которыхъ сыпалась крупа или мука, мѣшаясь съ грязью сапоговъ и съ кровью убитаго хозяина.

Несмотря на утомленіе, солдаты небольшими артелями толпились кругомъ костровъ, которыми былъ иллюминированъ весь лагерь и точно огненнымъ вѣнцомъ окруженъ холмъ.

„Послѣ штурма весь отрядъ обратился въ поваровъ и хлѣбопекровъ“... сказалъ одинъ полковникъ... Дѣйстви-тельно: солдаты натащили изъ кибитокъ сковородъ, желѣзныхъ листовъ, „кунгановъ“ и прочей утвари и все это пекло, жарило и варило... Тутъ приготавливались и лепешки, и галушки, и плоскіе хлѣбы; жаркое въ разномъ видѣ и изъ разнаго мяса; при этомъ вырѣзались отборнѣйшіе куски, а остальное бросалось въ сторону съ тѣмъ, чтобы затѣмъ гнить вмѣстѣ съ людскими трупами... И эти луженые желудки, способные пожирать при случаѣ конину и „констервы“, переваривать немолотое зерно и вонючую воду изъ козливой требухи, теперь привередничали, выбирали лучшіе куски... и кушали, кушали и кушали!

Надъ холмомъ и лагеремъ, гдѣ еще такъ недавно

*) Такъ называютъ въ Туркестанѣ военную добычу.

раздавались выстрѣлы и носились облака порохового дыма, теперь стоялъ дымъ отъ костровъ, чадъ кипящаго сала, скворчала на сковородахъ баранина и слышался веселый говоръ, прерываемый взрывомъ грубаго хохота. Причудливый видъ представлялъ въ особенности холмъ, озаряемый багровымъ пламенемъ костровъ... По стѣнамъ стояла рѣдкая цѣпь часовыхъ. У воротъ караулы... Повременамъ внутренность крѣпости разрѣзали по разнымъ направленіямъ казачьи разѣзды и пѣхотные патрули съ офицерами. Къ послѣднимъ бросались женщины въ изорванныхъ одеждахъ, съ обнаженною грудью, хватали за полы паты и просили пощады. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вспыхиваетъ большое пламя и снопъ искръ, какъ фейерверкъ, озаряетъ ночной мракъ; это пылаютъ кибитки, подожженные какимъ нибудь забулдой... На пожаръ ѣдетъ патрульный офицеръ, уже дорогой раздосадованный, что его лошадь то падаетъ, то спотыкается, путаясь въ темнотѣ въ ямахъ и въ выброшенныхъ вещахъ.

— Это, что это вы, подлецы, тутъ зажгли? Вы всѣ кибитки хотите спалить что ли? Мало вамъ, дуракамъ, что вамъ позволили все брать тутъ; нѣтъ — надо еще жечь! Потушить сейчасъ! Ну!... ты чего стоишь? бери лопату и засыпай"... Солдаты лѣнливо начинаютъ тушить пожаръ, потому что одинъ „не докушалъ“ еще своего ужина, а другой, напротивъ, наѣлся до „столбняка“, да кромѣ того въ темнотѣ и второпяхъ проглотилъ въ одной изъ кибитокъ что-то мягкое, отчего у него страшно рѣжетъ желудокъ.

Въ то же время въ лагерьъ идетъ кутежъ и играетъ музыка: побѣдители ликуютъ... Солдаты, сидя около ко-

стровъ, ведутъ разнообразную бесѣду о минувшемъ штурмѣ, объ убитыхъ, о добычѣ, о женщинахъ и о многомъ другомъ.

II.

Около одного изъ костровъ, на холмѣ, сидитъ человекъ пять солдатъ. Огонь горитъ въ ямкѣ; тутъ же приложено два тагана, и молодой солдатикъ въ текинскомъ халатѣ, который онъ неизвѣстно зачѣмъ надѣлъ, и съ лицомъ, выпачканнымъ жиромъ и глиной, хлопочетъ около большого чугуна котла и сковороды. Въ котлѣ кипятъ отборнѣйшія части молочнаго теленка и нѣжнѣйшія части куръ, а на сковородѣ поджариваются „самыя лучшія“ лепешки... Всѣ ѣдятъ уже не въ первый разъ и поэтому выраженіе лицъ нѣсколько серьезное и спокойное. Ёда сопровождается бесѣдою.

На вершинѣ холма въ небольшомъ текинскомъ редутѣ ужасно тѣсно и темно...

— Гдѣ вы поставили четырехъ-фунтовья?

— Вотъ, г-нъ капитанъ...

— А это что такое?

— Это... чьи-то вещи деньщикъ принесъ... Гавриловъ! чьи это вещи?

— Позвольте, да тутъ орудія не повернешь... развѣ можно за хоботомъ валить бурки и самовары? Уберите это!

— Да куда же убрать?

— Куда хотите... А это горныя? Къ чему тутъ столько пушекъ? Тутъ все снаряды... Ящики... Позвольте... да тутъ повернуться нельзя! Гелиографъ куда поставили?

— Вотъ гелиографъ...

— Зачѣмъ вы тутъ кибитки разбили... тутъ и такъ повернуться негдѣ, а вы кибитки разбиваете... Штаб-дартъ валится; поправьте штабдартъ... а караулъ при знамени гдѣ?

— Здѣсь, ваше вскородіе...

Въ темнотѣ за кучей ящиковъ, за текинской кузницей, толпится караулъ... Здѣсь же навалена груда текинскихъ пашекъ и ружей...

— Г-нъ капитанъ: мы пробовали рыть тамъ траншею, говорить ротный командиръ, да нельзя...

— Отчего нельзя?

— Должно быть кладбище здѣсь... На два фута вырыли и мертвыя ноги вылѣзаютъ...

— Ну оставьте такъ!

— И красивыя, братцы, бабы у текинцевъ, разговаривали у костра; только горя имъ теперь много...

— Пропади онѣ совсѣмъ—бабы! говорилъ унтеръ-офицеръ, баловство одно... Теперь, сказываютъ, опять въ степу пойдемъ...

— А много, братцы, сегодня накрошили текинцевъ?..

— Да,—отучили собакъ по чужое мясо ходить...

— Распростились это мы другъ съ другомъ, слышится въ другомъ мѣстѣ; „ночь была темная, наволоченная; перевезли орудію и ящикъ съ патронами въ траншею“... Разсказчикъ видимо повѣствовалъ о только-что свершившемся на глазахъ у всѣхъ слушателей штурмъ, но нѣкоторые солдатики любятъ разсказывать о томъ, что уже всѣмъ извѣстно,—благо есть охотники слушать.— А командиръ-то и говоритъ: смотри, братцы, когда

взрывъ будетъ, тогда мы съ третьей ротой бросимся... Вотъ „преслѣдовалъ“ взрывъ, тутъ закричали „ура“! Не утерпѣли сердца наши... бросились... Тутъ у насъ спервоначалу одного убили; ну, Богъ съ нимъ! впередъ, братцы! на стѣнку, скорѣе на стѣнку!

— Какъ заняли этотъ самый шиханъ (холмъ), прерываетъ артиллеристъ, а текинцы густо, густо побѣгли въ пески; а мы-то по пути изъ орудія-то имъ... жарили, жарили... вотъ такъ натѣшились... Постояли, посмотрѣли; въ скоромъ времени генераль Скобелевъ въ погоню за „имъ“;—охоту отбилъ шутить съ русскимъ... Возратился это онъ на шиханъ, заѣхалъ съ той стороны: „ну, братцы, говоритъ, спасибо вамъ, что не выдали!“...

— Яшинъ!

— Чаго?

— Что-то мнѣ неможется... Возьми тѣсто; да пожарь лепешки-то... Животъ болитъ...

— Жарь самъ: у меня у самого животъ болитъ.

III.

Съ разсвѣтомъ 13 января стрѣльба въ крѣпости еще разъ возобновилась на нѣсколько часовъ.¹ Это стрѣляли часовые на аванпостахъ и на стѣнахъ по тѣмъ текинцамъ, которые успѣли скрыться ночью въ песчаныхъ барханахъ и въ ямахъ крѣпости и пробовали бѣжать въ пески. Тутъ ихъ погибло еще человѣкъ двѣсти; нашихъ же было ранено только двое. Обширная внутренняя площадь, уставленная тысячами кибитокъ, была занята нашими солдатами и казаками, ходившими въ раз-

бродъ и бравшими все, что ни попадало подъ руки. Добыча состояла главнымъ образомъ изъ ковровыхъ издѣлій, серебряныхъ украшеній и денегъ.

Если только принять во вниманіе, какъ я уже говорилъ, что до послѣдней войны главное занятіе текинцевъ было „аламанъ“, т. е. разбойничьи наѣзды на Персію и Бухару и расхищеніе каравановъ, то будетъ понятно, какая масса серебра должна была находиться въ Геокъ-Тепе. Большая часть племени собрала здѣсь все свое богатство. Въ крѣпости было около десяти тысячъ большихъ кибитокъ, наполненныхъ всевозможнымъ скарбомъ, не считая землянокъ. Въ каждой кибиткѣ было по нѣскольку ковровъ, паласовъ (родъ ковра, только грубѣе), расшитыхъ хурджиновъ (мѣшковъ) и тому подобнаго, что замѣняетъ въ домѣ текинца и постель, и столъ, и стулъ, и кромѣ того, служить украшеніемъ. Туркменское племя такъ же, какъ и персы, занимается приготовленіемъ ковровыхъ издѣлій, и по добротѣ и оригинальности рисунка текинскіе ковры не уступаютъ персидскимъ, а въ яркости красокъ имъ можно даже отдать преимущество. Текинская дѣвушка, за которую при выходѣ замужъ женихъ платитъ выкупъ, съ своей стороны въ теченіе года, а то и двухъ лѣтъ, живетъ у родителей, пока не соткетъ и не вышьетъ нѣсколько ковровъ, длинныхъ „дорожекъ“ (въ нѣсколько сажень), которыми опоясывается кибитка, праздничныхъ одеждъ себѣ и мужу и тому подобнаго, и тогда только поселяется съ нимъ въ одной кибиткѣ.

Текинскія женщины, впрочемъ, какъ и всѣ женщины, очень любятъ разныя драгоценныя украшенія, а мало-мальски достаточные и дѣтей своихъ наряжаютъ въ халатики, отдѣланные серебромъ. Ихъ головные уборы

очень тяжелы, оригинальны и состоятъ изъ шапокъ, уни-
занныхъ серебряными и золотыми подвѣсками, пер-
сидскими, а иногда и русскими монетами, бирюзой, сер-
доликомъ и кораллами. Мнѣ не приходилось видѣть те-
кинскихъ шапекъ въ дорогихъ ножнахъ (всѣ онѣ просты
и на одинъ манеръ), но ножи ихъ часто попадались въ
превосходной отдѣлкѣ. Текинцы вмѣсто кинжаловъ но-
сятъ на поясѣ остроконечный ножъ въ круглыхъ нож-
нахъ и съ костяной ручкой, украшенной бирюзой. Какъ
рѣдкость, показывали ножъ въ ножнахъ изъ цѣльнаго
слоноваго клыка. За лошадьми текинцы ухаживаютъ бо-
лѣе, чѣмъ за собой и одѣваютъ ихъ въ великолѣпныя,
шитыя шелками попоны, въ видѣ амулетовъ отъ дур-
ного глаза, заплетаютъ въ хвостъ бирюзу, а сбрую укра-
шаютъ чистымъ серебрянымъ наборомъ и сердоликомъ.

Незадолго до паденія крѣпости, предчувствуя свою
гибель, текинцы старались укрыть свои деньги и нѣко-
торыя драгоценности подъ кучами всякаго тряпья и
хлама или зарывали кое-какъ въ землю; однако, часть
этихъ зарытыхъ сокровищъ была обнаружена нашими
солдатами и казаками. Если прибавить ко всему этому
массу шелка, посуду, ткацкіе ручные станки, полевые
инструменты и проч. домашнія вещи и до пятидесяти
тысячъ большихъ кулей съ зерномъ, то можно себѣ пред-
ставить, какое дорогое матеріальное наказаніе понесли
текинцы за свое продолжительное упорство.

Для сбора оружія и провіанта, которые предназна-
чались въ казну, посылались особыя команды, которые
стаскивали мѣшки въ общіе бунты, около которыхъ ста-
вились часовые. Все остальное съ утра до вечера раз-
биралось нашими солдатами, но богатство добычи было

до того значительно, что хотя только 17-го января былъ окончательно и строго воспрещенъ входъ въ крѣпость отдѣльнымъ людямъ, иначе какъ по запискѣ коменданта, тѣмъ не менѣе еще масса имущества, которое было постарѣе и похуже, осталась нетронутою. Лучшее же было, конечно, разобрано. Солдатской „аламантъ“ производился довольно спокойно и добродушно (можетъ и были кое-какія ссоры), потому что съ избыткомъ хватало на всѣхъ. И здѣсь, какъ и всегда, хотя и въ меньшей степени, наблюдалась разница между грабежемъ пѣхотинца и казака. Казакъ, обладая большимъ вкусомъ, выбиралъ вещи болѣе изящныя и умудрялся ихъ скорѣе разыскивать.

Въ хивинскую экспедицію, во время занятія Мангита, эта разница мнѣ казалась еще болѣе рѣзкой и забавной. Казаки брали лошадей, серебряные уборы, красивое оружіе и продавали довольно дешево, говоря, что возиться съ этимъ добромъ некогда, а придетъ время, достанутъ и еще. У утомленнаго же солдатики борются обыкновенно два ощущенія: желаніе хорошенько поѣсть и погрѣться, а также легко и скоро разбогатѣть.

При выходѣ на „аламантъ“ глаза у него разбѣгаются и онъ начинаетъ брать все, что ему ни попадется на глаза, навьючиваясь какъ верблюдъ. Выламываетъ, на примѣръ, тяжелую дубовую дверь, тащитъ мѣдную посуду и ведетъ, кромѣ того, на веревкѣ молодого бычка. Онъ пытитъ подъ тяжелою дверью, но все еще надеется ее донести до бивуака и для куражу закусываетъ масломъ и кишмишемъ, которымъ успѣлъ набить себѣ котелокъ и карманы; по пути видитъ, какъ казаки тащатъ на лошадяхъ нѣчто получше той ломаной двери,

которая давить ему спину, и съ досады бросаетъ ее на землю, не донеся шаговъ ста до лагеря; потомъ собираетъ для кухни хворостъ, закалываетъ быка, съѣдаетъ съ „товарищемъ“ или „землякомъ“ фунтовъ по десяти, и затѣмъ, совершенно усталый, ложится спать...

Тотчасъ послѣ штурма, въ отрядъ наѣхала масса маркитантовъ съ передовой линіи и изъ Бами. Другіе же, которые были дальше, тоже тянулись на своихъ арбахъ, и надежда на наживу заставляла ихъ дѣлать суворовскіе переходы.

Около лагеря въ нѣсколько дней выросла длинная базарная улица, по обѣимъ сторонамъ которой выстроились полотняные шатры и кибитки торгашей съ разною дрянью и преимущественно съ водкой и виномъ, на которые они обмѣнивали у добродушныхъ солдатъ дорогія вещи, купленные цѣною крови.

Кромѣ маркитантовъ нахлынули и курды съ персидской границы—оборванные, жадные и грязные... Въ это время, по приказанію генерала Скобелева, необходимо было какъ можно скорѣе очистить крѣпость отъ массы гнѹщихъ труповъ. Нѣсколько сотъ человѣкъ курдовъ были наняты съ этою цѣлью, и состоящему при отрядѣ поручику Зайналь-Беку (родомъ персу) было поручено наблюдать за этими работами; но мародеры, вмѣсто того, чтобы зарывать трупы, копались по кибиткамъ, разрывая ямы и ища сокровищъ. Только угрозами и строгостью послѣднее занятіе было прекращено, но тогда и рабочіе перемѣнились на тѣхъ, которые дѣйствительно хотѣли работать, а не грабить на чужой счетъ. Впрочемъ, курды успѣли все-таки порядочно увезти къ себѣ въ Персію.

При взятіи крѣпости было освобождено довольно много рабовъ-персовъ, которыхъ солдаты въ пылу боя узнавали по трусливому и униженному виду и оковамъ, которыя они волокли на ногахъ. Только-что ихъ освободили, недавніе рабы бросились... не драться, а грабить. Мнѣ пришлось видѣть слѣдующую забавную сцену.

Какой-то старый персъ съ двумя другими, помоложе, даже еще не снявъ какъ слѣдуетъ цѣпей съ своихъ ногъ, поймалъ поскорѣе двухъ ишаковъ и какого-то облѣзлаго верблюда и до того ихъ навьючилъ коврами и всякой всячиной, что подъ массою груза отъ верблюда были только видны ноги и голова, а отъ ишаковъ даже ничего не было видно. Въ такомъ только видѣ онъ рѣшился отступить изъ крѣпости, но у воротъ былъ задержанъ карауломъ.

— Ты это что? сказалъ ротный командиръ, мало тебѣ, подлецу, что тебѣ свободу дали, да и жизнь сохранили... Ибрагимовъ!

— Чего изволите?

— Переведи ему это... Мало тебѣ, подлецу? Дай ему въ шею! Свалить все это... Бери, братцы, кому требуется... Мало тебѣ? Дай, дай ему еще разъ! переведи ему это... А теперь—вонъ изъ крѣпости, поганый кизилбашъ.

Такъ и ушелъ бѣдный старецъ ни съ чѣмъ, сохраняя воспоминаніе о русскихъ подзатыльникахъ.

Всѣ награбленные предметы первые дни продавались чрезвычайно дешево, и коверъ, надъ которымъ какая нибудь текинка работала Богъ знаетъ сколько времени, продавался за какіе нибудь три или пять рублей. Часть этихъ ковровъ была куплена офицерами и отрядными чиновниками, но масса все-таки пошла къ мар-

битантамъ, которые болѣе покупали, чѣмъ продавали, да и покупали-то часто вещь, которая стоила сто рублей,—за рюмку водки. Выпивъ эту рюмку, солдатъ шелъ въ крѣпость и опять выволакивалъ оттуда на своихъ плечахъ какую нибудь вещь.

Когда пользованіе непріятельскимъ добромъ было за-прещено, а часть прежде взятаго увезена маркитантами, то цѣны на все сразу повысились. Единоновременно съ этимъ, многими лицами овладѣла какая-то ковроманія.

Чѣмъ далѣе въ тылъ и ближе къ Красноводску—эта ковроманія росла, и нѣкоторые платили за коверъ по пятидесяти и по сту рублей дороже, чѣмъ они стоили. Нѣкоторыя дамы въ Красноводскѣ и Баку, имѣвшія мужей въ отрядѣ, увидавъ у кого нибудь такой коверъ, писали: „привези мнѣ непременно побольше ковровъ; я умру отъ злости, если у меня не будетъ такихъ ковровъ, какъ у такой-то. Такъ слышишь же—непремѣнно“... Ковровъ, ковровъ, ковровъ!!

IV.

Не мало осталось въ крѣпости и въ ближайшихъ барханахъ маленькихъ дѣтей безъ всякаго призора. Нѣкоторыя были брошены, когда горячка бѣгства овладѣла мужественными сердцами ихъ отцевъ; другія остались круглыми сиротами.

Когда кавалерія преслѣдовала бѣгущихъ по дорогѣ на Кунягекъ-тепе, то около одного изъ кишлаковъ подъ ноги Скобелева бросилась маленькая дѣвочка лѣтъ семи; Скобелевъ осадилъ лошадь, велѣлъ ее

поднять и отвезти къ нему въ лагерь. По возвращеніи изъ преслѣдованія, онъ передалъ эту дѣвочку графинѣ Милютиной, прося взять ее на воспитаніе и прибавилъ, что онъ убѣжденъ, что она выйдетъ хорошенка. Дѣвочка, которую назвали Таней, такъ какъ штурмъ былъ въ Татьянинъ день, оказалась дѣйствительно славной дѣвочкой, когда ее приодѣли: веселая и красивая. Черезъ три мѣсяца она уже болтала по-русски не хуже русскаго ребенка, отличаясь только болѣе смуглымъ цвѣтомъ кожи и живостью въ движеніяхъ. Еще нѣсколько дѣтей, въ большинствѣ случаевъ мальчиковъ, разобрали наши офицеры и почти въ каждой ротѣ были дѣти, которыхъ солдаты баловали безъ конца. Начальникъ тушинскихъ охотниковъ Капанадзе также взялъ къ себѣ одного мальчика.

На другой день послѣ взятія Денгиль-тепе я къ нему зашелъ въ кибитку и увидѣлъ его въ новой обстановкѣ. Около кибитки, привязанныя снаружи веревками, были двѣ текинскихъ борзыхъ и жевали юнжу два ишака и одинъ теленокъ,—цѣлое стадо. Онъ самъ сидѣлъ на двухъ коврахъ, которые ему принесли тушины, и кипятилъ чай въ текинскомъ кунганѣ. Въ углу дремалъ мальчикъ лѣтъ десяти, закутанный въ текинскій бараній тулупъ, а на прилаженной жердочкѣ сидѣлъ охотничій соколъ.

— Вотъ, сказалъ онъ, привелъ мальчика,—должно быть сирота; говорить: не знаю, гдѣ родился... Мальчикъ славный; некрасивый, правда, но лицо пріятное... У поручика П. мальчикъ помоложе и смазливый, но, кажется, избалованный... Нарядили его въ шелковый халатикъ и кормятъ цѣлый день орѣхами, какъ ин-

дюшку... У меня не такъ: баловать дѣтей не слѣдуетъ...

Мальчикъ въ это время проснулся... Капанадзе погладилъ его по головѣ.

— Ну что, Абдуррахманъ? чаю хочешь?.. Баранины хочешь?.. Орѣховъ хочешь?..

Добродушный воинъ уже забылъ, что онъ говорилъ сейчасъ о баловствѣ. Абдуррахманъ слегка вздохнулъ и началъ глотать горячій чай, постоянно обжигаясь. Капанадзе зналъ по-турецки всего, я думаю, словъ сто и, переворачивая ихъ на разные лады, объяснялся съ мальчикомъ... Тѣмъ не менѣе, „агызы-биръ-олмакъ“, т. е. они понимали другъ друга.

Такимъ образомъ, мальчикъ жилъ у Капанадзе недѣли двѣ, очень къ нему привыкъ и старался всячески услуживать, хотя иногда и невпопадъ.

Однажды Капанадзе на дорогѣ къ базару встрѣтился съ плачущей текинкой среднихъ лѣтъ.

Выбравъ изъ извѣстныхъ ему ста словъ самыя ласковыя, онъ спросилъ ее—въ чемъ дѣло?

— Не встрѣчали ли вы, ага, мальчика вотъ такого роста?

— Не Абдуррахманомъ ли его зовутъ?

— А вы его, значить, знаете?! Ради Бога, это мой сынъ! Покажите мнѣ его скорѣе!..

Текинская мать схватила Андрея за руку и потащила его въ лагерь... Мальчикъ, дѣйствительно, оказался ея сыномъ и Капанадзе, угостивъ текинку чаемъ, подарилъ ей своихъ ишаковъ и отпустилъ. При разставаніи Абдуррахманъ плакалъ, успѣвъ уже привык-

нута къ Капанадзе. Послѣ этого онъ не разъ навѣщалъ своего хозяина, который его, конечно, не баловалъ и кормилъ только орѣхами, леденцами и снабжалъ на дорогу мелкой монетой.

ЗАНЯТІЕ И УМИРОТВОРЕНІЕ ТЕКИНСКАГО ОАЗИСА.

Дѣйствіе малыхъ отрядовъ и ихъ значеніе.—Текинскіе предводители изъясняютъ покорность.—Прокламація начальника отряда.—Высочайшія награды.—Смертность въ госпиталѣ.—Продовольственная база въ Персіи.—Красные крестъ.—Движеніе отряда въ пески.—Посольство отъ племенъ Солоръ и Сарыкъ.—Депутація текинскихъ старшинъ.—Текинскія вдовы.—Занятіе Люфшабата.—Пріѣздъ курдскихъ правителей.—О народномъ управленіи.

I.

Послѣ занятіи Денгиль-тепе и пораженія текинцевъ на ихъ главной позиціи, начинается дѣйствіе малыхъ отрядовъ. Генераль Скобелевъ, не желая дать опомниться непріятелю отъ впечатлѣнія, произведеннаго погромомъ 12-го января, немедленно, послѣ однодневнаго отдыха, приступилъ къ возобновленію военныхъ дѣйствій. 14-го января отрядъ Куропаткина былъ двинутъ на Асхабатъ. Хотя и не было сомнѣнія, что побѣда 12-го января имѣла громадное значеніе не только для текинцевъ, но и для сосѣднихъ племенъ, но до занятія Асхабата, который предполагался тоже крѣпостью, трудно было составить точное представленіе о времени и по-

выхъ усиляхъ, которыя бы потребовались для полного покоренія края. Тутъ нужна была быстрота и смѣлость, которыя въ Средней Азіи оказываютъ на войнѣ еще большее вліяніе, чѣмъ въ Европѣ. Неожиданное и быстрое появленіе отрядовъ, какъ бы они ни были малы, въ разныхъ мѣстахъ оазиса должно было поднять обаяніе русскаго оружія и породить нѣчто въ родѣ сверхъестественнаго страха, который вообще полудикіе азіаты склонны чувствовать къ европейскимъ войскамъ послѣ пораженія.

„Азію слѣдуетъ бить не только по имуществу и по задривку, но и по воображенію“... говорилъ генераль Скобелевъ.

Въ азіатскихъ ханствахъ, управляемыхъ по своему азіатскими деспотами, гдѣ кромѣ народа существуютъ еще ханскія войска, побѣда надъ послѣдними есть только самый легкій актъ въ войнѣ, такъ какъ вслѣдъ за нею поднимается народъ, всегда воинственный, прогоняетъ хана и начинается народная и самая трудная война ¹⁾).

Такъ было и въ Коканѣ и въ Афганистанѣ. Въ данномъ же случаѣ нашимъ войскамъ приходилось вступить сразу въ борьбу съ народной массой, одушевленной одной идеей независимости, любви къ родной землѣ и ненавистью къ русскимъ. Поэтому и значеніе побѣды было громадное.

¹⁾ Когда Наполеонъ I сказалъ испанскому послу, что ему достаточно послать тридцать тысячъ солдатъ для успѣха войны въ Испаніи, то тотъ ему отвѣчалъ на это: „Государы! если вы говорите о войнѣ съ нашимъ правительствомъ, то и тридцати тысячъ много, но для борьбы съ нашимъ народомъ будетъ мало и трехъ сотъ“...

Сверхъ того, въ продолжительномъ сопротивленіи текинцы истощили свои запасы и порохъ, потеряли массу храбрыхъ и сильныхъ людей и между ними многихъ своихъ любимыхъ предводителей, какъ напримѣръ ¹⁾), Уразъ-Магометъ-хана и Магометъ-Аталыкъ-хана. Масса семействъ, въ томъ числѣ мать Софи-хана и Худай-Верды-хана, и громадныя запасы всякаго имущества были въ нашихъ рукахъ. Наступило время постъвовъ, помощи ждать было не откуда, такъ какъ у текинцевъ, какъ вообще у побѣжденныхъ, оказалось гораздо болѣе враговъ, чѣмъ друзей.

Персидскіе курды, населяющіе пограничныя персидскія провинціи Буджнуртъ и Кучанъ, тѣ самыя, про которыя у текинцевъ составила поговорка, что „персъ не переходилъ границу иначе какъ на веревкѣ“, теперь обратились въ отчаянныхъ мародеровъ. Пользуясь деморализаціей текинцевъ, курды шайками переходили границу и грабили селенія, которыя не были заняты русскими войсками. Въ этихъ грабежахъ изподтишка принимали участіе въ первые дни послѣ погрома и ильханіи (правители областей). Кромѣ того, тысячи голодныхъ и ободранныхъ курдовъ привалили подъ Геокъ-тепе, какъ бы для работъ, а въ сущности занимались также мародерствомъ. Фанатиковъ, проповѣдующихъ хазаватъ (священную войну), было мало, да и были ли они, когда самъ Тыкма-сардаръ—душа войны—бѣжалъ съ частью кавалеріи въ Тедженъ... Духовенство, т. е. имамы и муллы, фанатизирующіе массу въ Средней Азіи, среди

¹⁾ Потерю свою за все время осады текинцы отъбиваютъ въ 20 тыс. человекъ.

свободныхъ и войнолюбивыхъ текинцевъ, хотя и не пользуется особенной силой, но все-таки оказываетъ нѣкоторое вліяніе. Это духовенство, вѣроятно, само сомнѣваясь въ возможности немедленнаго продолженія войны съ русскими, пустило въ народъ молву (хабарь), что русскимъ теперь „суждено совершить временное завоеваніе всего Турана; что послѣ овладѣнія неприступной и Богомъ до сихъ поръ хранимой крѣпостью, ничто не въ состояніи остановить теперь движеніе войскъ Бѣлаго Царя; но что скоро (послѣ покоренія всѣхъ туркменъ) появится Имамъ-Замамъ (имамъ времени), который опять именемъ пророка сплотитъ туркменскія полчища и выгонитъ гяуровъ изъ святой земли“...

Однимъ словомъ, какъ видно изъ всего сказаннаго, положеніе текинцевъ въ военномъ отношеніи было крайне тяжелое.

17-го января генералъ Скобелевъ ¹⁾ присоединился къ отряду Куропаткина, а 18-го Асхабатъ былъ занятъ безъ боя. Жители вышли съ покорностью. Кавалерія подъ начальствомъ Эристова двинулась далѣе, на Аннау.

II.

Въ день занятія Асхабата нѣкоторые почетные люди ²⁾ (ханы, ишаны, сардари) прислали командующему войсками слѣдующее заявленіе:

¹⁾ Съ нимъ былъ дивизіонъ драгунъ и двѣ сотни полтавцевъ.

²⁾ Кабадаръ-сардаръ, Пулла-Берды, Аvezъ-Кули-сардаръ, Сахатъ-Муратъ и проч.

„Да будетъ извѣстно всѣмъ сардарамъ и генераламъ Бѣлаго Царя, что текинскіе жители, не имѣя понятія о своей слабости, оказывали сопротивленіе противъ воли могущественнаго Бѣлаго Царя, за что подвергнуты теперешнему наказанію. Теперь бѣдные жители желаютъ изъяснить свою покорность. Для житія не имѣютъ кибитокъ, а для жизни не имѣютъ припасовъ. Если милостиво возвратите мѣста и жилища, то нѣсколько человѣкъ явятся къ вамъ для принятія подданства подъ присяжнымъ условіемъ. Въ настоящее время они боятся васъ. Если въ отвѣтъ на это пришлете письмо о томъ, чтобы жители не боялись, а явились, то тогда они въ скоромъ времени соберутся“...

Вслѣдъ затѣмъ явилась депутація изъ 60 человѣкъ отъ города Аннау.

Жители этого города (персидскаго происхожденія) обратились къ командиру войсками съ слѣдующимъ прошеніемъ:

„Поздравляя съ прибытіемъ генерала, назначеннаго со стороны Бѣлаго Царя командовать войсками, увѣдомляемъ его, что мы, домовъ въ пятьсотъ, съ древнихъ временъ жили въ Аннау.

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ разбойничьи племена текинцевъ—отамышъ и тохтамышъ, заключивъ между собою противъ насъ союзъ, осадили насъ въ крѣпости и держали въ блокадѣ въ теченіи полутора лѣтъ. Мы же, несчастные, потерпѣвъ много трудностей отъ холода, голода и жажды, не въ состояніи были болѣе упорствовать противъ непріятеля, почему, очистивъ крѣпость, удалились изъ Аннау.

„День и ночь мы плакали и молили Всевышняго Бога,

что, быть можетъ, могущественная держава, побѣдоносный Бѣлый Царь, изволить пожаловать къ сторонѣ Ахала.

„Слава Богу, что нашъ плачь и вопль дошелъ до него и вы назначены надъ этимъ разбойничьимъ племенемъ, чему мы, несчастные, весьма радуемся.

„Просьба наша заключается въ томъ, чтобы аулъ Аннау вы предоставили намъ и мы, несчастные, возвратившись на родину, продолжали бы тамъ жить мирно и спокойно“.

Генераль Скобелевъ относился сначала довольно недоброжелательно ко всѣмъ этимъ мирнымъ заявленіямъ. Тѣмъ не менѣе, въ тотъ же день онъ приказалъ разослать по селеніямъ двѣ слѣдующихъ прокламаціи:

1. „Объявляю всему ахаль-текинскому населенію, что силою войскъ Великаго моего Государя, крѣпость ваша Геокъ-Тепе взята и защитники ея перебиты, а семейства, какъ ихъ, такъ и тѣхъ, которые бѣжали изъ крѣпости, находятся въ плѣну у побѣдоносныхъ, вѣранныхъ мнѣ войскъ; поэтому приглашаю все оставшееся населеніе Ахаль-Теке повергнуть свою судьбу на безусловное милосердіе Государя Императора, причемъ поставляю въ извѣстность, что жизнь, семейства и имущество изъявившихъ покорность будутъ въ полной безопасности, какъ и всѣхъ прочихъ подданныхъ Его Величества Бѣлаго Царя.

„Напротивъ того, всѣ сопротивляющіеся Его побѣдоноснымъ войскамъ и отнынѣ продолжающіе упорствовать въ безразсудномъ сопротивленіи будутъ истреблены, какъ разбойники и преступники“...

II. (Отвѣтъ на первое текинское посланіе). „Въ отвѣтъ на письмо объявляю, что войска могущественнаго Бѣ-

малаго Царя пришли сюда не раззорять жителей Ахаль-Текинскаго оазиса, а, напротивъ, усмирить и водворить въ нихъ полное спокойствіе съ пожеланіемъ добра и богатства.

„Если жители текинцы отъ малаго до старшаго придутъ ко мнѣ съ покорностью или выплютъ своихъ представителей, то они будутъ мною приняты.

„Великъ Бѣлый Царь, несокрушимъ, Его вѣчное могущество, неисчерпаемо Его Царское милосердіе, а впрочемъ, какъ сами знаете“...

III.

Покойный Государь Императоръ, получивъ донесеніе отъ Великаго князя главнокомандующаго кавказской арміи о взятіи Геокъ-тепе, тотчасъ же послалъ ему отвѣтную депешу, которая 16-го января была переслана генералу Скобелеву и отдана въ приказъ по войскамъ.

Спѣшу, писалъ Великій князь, сообщить тебѣ Всемиловѣйшую отвѣтную телеграмму Государя Императора.

Петербургъ, 14 января, 12 ч. дня.

„Благодарю Бога за дарованную намъ полную побѣду. Ты поймешь Мою радость. Спасибо за всѣ твои распоряженія, увѣнчавшіяся столь важнымъ для насъ результатомъ. Передай Мое сердечное спасибо всѣмъ нашимъ молодцамъ: они вполнѣ оправдали Мои надежды. Генераль-адъютанта Скобелева произвожу въ полные генералы и далъ Георгія 3-й степени. Прикажи поспѣшить представленіемъ къ наградамъ“.

Александръ.

„Осчастливленный Царскимъ одобреніемъ, поздравляю тебя всей душой съ Высочайшими Монаршими Милостями, столь достойно тобой заслуженными“.

Михаиль.

„Поспѣшно объявить, говорится далѣе въ приказѣ, доблестнымъ мнѣ ввѣреннымъ войскамъ Высочайшее одобреніе нашимъ трудамъ, увѣнчавшимся полною и блестящею побѣдою, кровью и доблестью ихъ купленную.“

Генераль-адъютантъ Скобелевъ“.

Вѣсть о высокихъ наградахъ, полученныхъ Скобелевымъ, быстро облетѣла широко раскинувшійся послѣ штурма лагерь и вокругъ его кибитки стали собираться офицеры и начальники частей и ожидать, когда генераль выйдетъ. Деньщикъ Скобелева въ это время спарывалъ ему съ погонь генераль-лейтенантскія звѣздочки, кто-то принесъ шампанское, а подошедшіе два хора музыки стали поочередно играть марши.

Въ этотъ день выпалъ первый и весьма рѣдкій въ этомъ оазисѣ снѣжокъ. На горахъ Копеть-дага онъ уже лежалъ съ недѣлю, хотя и не такими грозными, сверкающими массами, какъ на Кавказѣ; кругомъ изъ черна коричневая долина казалась похожею на хлѣбъ, слегка посыпанный солью. Въ воздухѣ было холодно и офицеры были кто въ полшубкѣ, кто въ мѣховомъ сюртукѣ. Наконецъ вышелъ молодой генераль-отъ-инфантеріи, одѣтый въ одинъ тонкій сюртукъ съ гладкими погонами. Офицеры поздравляли его съ новыми почестями; онъ благодарилъ каждого и жалъ руки, вздрагивая слегка отъ холода въ своемъ тонкомъ сюртукѣ, и, сдерживая довольную улыбку, старался при-

дать своему лицу соответствующее минутъ серьезное выраженіе.

Стали пить шампанское, тутъ же въ грязныхъ траншеяхъ, по нѣсколько человѣкъ изъ одного стакана, потому что стакановъ было гораздо меньше, чѣмъ присутствующихъ...

„Вашей грудью и кровью заработалъ я эти награды“ сказалъ Скобелевъ... Закричали „ура“ и хоръ Ставропольскаго полка заигралъ маршъ „Геокъ-тепе“, написанный къ случаю полковымъ капельмейстеромъ, не совсемъ складный, но все-таки новый, въ которыхъ, ухотаралось найти душевное отраженіе пережитыхъ тяжелыхъ минутъ и военнаго торжества. Скобелевъ надѣлъ пальто и довольно долго бесѣдовалъ съ офицерами. Въ это время подошелъ и выстроился 3-й ставропольскій баталіонъ, которымъ Скобелевъ временно командовалъ въ 1872 году передъ хивинской экспедиціей. Подали водку и полковой командиръ, полковникъ Козелковъ провозгласилъ два тоста за здоровье подполковника и генерала-отъ-инфантеріи Скобелева. Скобелевъ благодарилъ баталіонъ и подарилъ на семейства убитыхъ и раненыхъ баталіона тысячу рублей.

На другой день, какъ я уже говорилъ, онъ уѣхалъ въ Асхабатъ, приказавъ какъ можно скорѣе строить цитадель въ Денгиль-тепе, а самую крѣпость начать разрушать, такъ какъ она была слишкомъ обширна. Въ этотъ же день, сколько помнится, генералъ наградилъ серебряными медалями „за храбрость“, на георгіевской лентѣ, сестеръ милосердія Стрякову и графиню Милютину. Обѣ онѣ находились въ лагерѣ во время всей осады, а Стрякова была даже контужена пулей въ грудь.

IV.

Вся крѣпость Денгиль-тепе состоитъ изъ сомкнутой ограды въ формѣ неправильнаго, продолговатаго пятиугольника. Протяженіе его съ сѣвера на югъ около 750 сажень; въ поперечникѣ около 350 саж.; общая длина стѣны по обводу болѣе двухъ верстъ. Понятно, что мы не могли съ нашимъ незначительнымъ отрядомъ занимать такую длинную площадь. Вслѣдствіе этого было рѣшено укрѣпить бывшій въ сѣверо-западномъ углу холмъ и соединить его земляными брустверами со стѣнами. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земляные валы соединялись со стѣнами, послѣднія, на протяженіи сажень десяти, были частью взорваны, частью разрушены. Впрочемъ и вся стѣна по предположенію должна была быть впослѣдствіи разрушена до основанія по мѣрѣ возможности, что, кажется, въ настоящее время и сдѣлано. Гарнизонѣмъ въ новое укрѣпленіе стали двѣ роты закаспійскаго мѣстнаго батальона при четырехъ орудіяхъ и желѣзнодорожная рота.

19-го января весь оставшійся отрядъ перешелъ съ своими кибитками на бывшій лѣвый флангъ за Ставропольскій редутъ; въ старомъ лагерѣ невозможно было стоять, до того онъ былъ зараженъ во время двухъ послѣднихъ недѣль осады, когда на ничтожномъ пространствѣ, приблизительно въ шестую часть квадратной версты, стояло болѣе 6,000 человѣкъ, около 1,000 лошадей, всѣ управленія, интендантскіе склады, госпиталь и проч. Тутъ же за лагеремъ каждый день хоронили на

скорую руку убитыхъ, и, такимъ образомъ, бросить это зараженное мѣсто было необходимо.

Несмотря однако на перемѣну лагеря, трудно было избѣжать болѣзненности, потому что вся обширная внутренняя площадь крѣпости съ ближайшими окрестностями и траншеями представляла громаднѣйшій источникъ миазмовъ, наполнявшихъ воздухъ.

Близъ кладбища, у сѣверныхъ воротъ, около полуразрушенной Мельничной калы и даже въ траншеяхъ, валялись позеленѣлыя трупы текинцевъ въ оборванныхъ халатахъ; нѣкоторыхъ смерть застигла въ ручьѣ и они такъ тутъ и оставались и вода, омывая ихъ, уносила съ собою заразу... О крѣпости нечего и говорить въ однихъ внутреннихъ рвахъ валялись сотни труповъ людей и животныхъ, а широкая улица была ими усыяна, по тому направленію, какъ они отступали. По распоряженію начальника отряда, полковника Арцыбашева, каждый день выходило по нѣскольку сотъ наемныхъ персовъ для зарыванія труповъ, но эта операція продолжалась все-таки долго и, когда почти вездѣ массы труповъ были зарыты, все-таки можно было въ какомъ нибудь укромномъ уголку, ямѣ или отдаленной кибиткѣ найти убитаго текинца.

Съ 18-го января входъ въ крѣпость былъ строго воспрещенъ и у воротъ поставлены караулы. Въѣздъ въ крѣпость отъ лагеря обыкновенно производился черезъ артиллерійскую брешь. Недалеко отъ нея, на дорогѣ, былъ похороненъ убитый текинецъ. Онъ такъ не глубоко лежалъ въ землѣ, что отъ лошадиныхъ копытъ и колесъ могила разрылась, и мы нѣсколько дней ѣздили по трупу, пока его не зарыли какъ слѣдуетъ.

Такъ же не глубоко были похоронены и многіе другіе. Понятно, что отъ этого въ воздухѣ поддерживалась постоянная зараза. Въ госпиталѣ между ранеными открылась большая смертность и изъ раненыхъ съ раздробленіемъ кости рѣдко кто выживалъ. 18-го января, благодаря перевозочнымъ средствамъ „Краснаго Креста“, которыми держалась вся госпитальная часть въ отрядѣ, большой транспортъ раненыхъ былъ отправленъ въ тылъ—въ Бами и другіе пункты.

V.

Въ тотъ же день пришелъ первый выюнчій транспортъ изъ Персіи съ закупленнымъ тамъ провіантомъ и фуражомъ. По поводу этого транспорта, кстати сказать вообще о томъ значеніи, которое имѣли для насъ сѣверныя персидскія провинціи, въ смыслъ продовольственномъ.

Обеспеченіе передового отряда провіантомъ и фуражомъ производилось помощью верблюдовъ. По количеству имѣвшихся верблюдовъ было разсчитано, что они въ состояніи будутъ подвезти продовольствія въ такомъ количествѣ, что его хватитъ до конца осады... Предполагая, что верблюды, вслѣдствіе усиленной работы, будутъ въ большомъ числѣ падать, надо было обезпечить продовольствіе въ оазисѣ, на случай уничтоженія такимъ путемъ перевозочныхъ средствъ.

Съ этой цѣлью былъ командированъ въ Персію начальникъ штаба отряда, генераль-маіоръ Гродековъ. Генералъ Гродековъ былъ начальникомъ штаба манги-

шлакского отряда еще въ хивинскую экспедицію (1873 года) и во время ферганской экспедиціи въ 1875 году. Онъ долго служилъ въ Туркестанѣ, проѣхалъ Афганистанъ, былъ въ Персіи и основательно изучилъ эти края и мѣстную политику. Понятно, что только такому опытному и добросовѣстному человѣку можно было поручить сложную и трудную операцію организованія боковой продовольственной базы въ чужой землѣ, что въ прошлую экспедицію не увѣнчалось успѣхомъ.

Генераль Гродековъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ отправился въ Персію черезъ Астрабадъ, въ сопровожденіи трехъ офицеровъ и чиновника Таирова. Таировъ, сынъ одного богатаго шупинскаго купца,—человѣкъ знающій хорошо персидскій языкъ и полезный. Онъ рассказываетъ про себя, что отецъ ему не разъ говорилъ: „учи языки; сколько будешь ихъ знать, столько разъ будешь человѣкомъ“. Таировъ говоритъ, кажется, на шести. Въ отрядѣ онъ былъ принятъ еще при покойномъ Лазаревѣ, на случай особыхъ командировокъ въ Персію. Сѣверныя курдскія провинціи ²⁾ этого государства управляются особыми наслѣдственными правителями—ильханіями, а въ Хорассанѣ сидитъ персидскій принцъ. Эти ильханіи, хотя подвластны шаху, тѣмъ не менѣе дѣлаютъ, что хотятъ, и не рѣдко не исполняютъ повелѣній, идущихъ изъ Тегерана. Такимъ образомъ, на наше посольство въ Тегеранѣ разсчитывать было нечего, а Гродекову надо было самому поладить съ ильханіями, расположить ихъ въ свою пользу и убѣдить на продажу и вывозъ зерна. Особенно пришлось

²⁾ Дарегезъ, Кучанъ, Бужануртъ.

повозиться съ шуджа-утъ-дауле-Кучанскимъ, который употреблялъ разныя восточныя увертки, чтобы затянуть дѣло; да и съ другими ильханіями возня была не малая: приходилось дарить разными дорогими вещами и совать, гдѣ нужно, взятки. Цѣлая сѣть городовъ и пунктовъ, гдѣ закупалось продовольствіе, была раскинута такимъ образомъ, чтобы на случай возможной неудачи въ одномъ районѣ, можно было бы рассчитывать поправить дѣло въ другомъ.

Главными пунктами, гдѣ производилась закупка, были слѣдующіе: Шахрудъ, Себзеваръ, Нишапуръ, Мешедъ, Магометъ-абатъ дергезскій, Кучанъ, Буджнуртъ, Джувеинъ, Симильтанъ. Продовольственная база опиралась на магазины въ Ширванъ и Буджнуртъ. Перевозочныя средства собирались отъ предѣловъ Герата до Шахруда.

Передовые магазины, изъ которыхъ послѣ взятія крѣпости подвозилось довольствіе въ Геокъ-Тепе и Асхабатъ, находились въ персидскомъ Янги-Кала и Джермабѣ. Оба эти селенія находятся въ горахъ, въ разстояніи перехода отъ Денгиль-тепе. Персы въ нихъ устроили небольшія крѣпости для защиты отъ нападеній текинцевъ, которыя стали особенно опасны и неожиданны, когда текинцы были всѣ въ сборѣ во время осады.

Для прикрытія складовъ въ Янги-кала (персидскомъ) Гродековъ нанялъ 150 стрѣлковъ (харлычей) изъ Магометъ-абата Буджнурскаго и заставилъ ихъ поселиться въ Янги-кала съ ихъ семействами, такъ какъ лучшее средство заставить азіята драться, это запретить его въ крѣпость вмѣстѣ съ его женами и дѣтьми. Офицеру, завѣдующему складомъ, была дана особая инструкція.

Послѣдній хотѣлъ въ началѣ января провезти транспортъ въ Геокъ-тепе, но дорога была, къ сожалѣнію, сильно занята текинцами.

Послѣ осады подвозъ начался какъ разъ тогда, когда имѣвшіеся запасы подошли къ концу. Операція генерала Гродекова дала возможность отряду утвердиться въ оазисѣ послѣ взятія Денгиль-тепе. Всего было закуплено 147 тысячъ пудовъ ячменя и пшеницы за весьма дешевую цѣну съ перевозкой—257 т. р., что при другихъ условіяхъ обошлось бы втрое дороже. Этими новыми запасами войска, оставшіеся въ краѣ, довольствовались до конца сентября нынѣшняго года.

Сверхъ того, торговые отношенія съ ильханіями расположили ихъ въ нашу сторону и съ политической точки зрѣнія.

VI.

„Красный Крестъ“, благодаря тѣмъ средствамъ, которыми онъ обладалъ, и энергіи и добросовѣстности своего персонала, оказывалъ неоцѣнимую матеріальную помощь и доставлялъ тщательный уходъ за ранеными и больными и можно даже сказать, что старшій военный врачъ, о которомъ какъ-то русское телеграфное агентство сообщило, что онъ „послѣ экспедиціи прибылъ въ Пятигорскъ“,—безъ „Краснаго Креста“ былъ бы поставленъ далеко въ не забавное положеніе. Въ не забавное, потому что во все время осады мы почти исключительно пользовались средствами „Краснаго Кре-

ста“ *). Князь Шаховской, главноуполномоченный „Краснаго Креста“, открылъ въ лагерѣ лазаретъ на 150 человекъ со всѣми необходимыми принадлежностями. Кромѣ того, докторомъ Шербакомъ былъ устроенъ перевязочный пунктъ на правомъ флангѣ, а Малиновскимъ—на лѣвомъ.

Вслѣдствіе того, что изъ числа раненыхъ многіе умирали, про военныхъ врачей не разъ говорили, что ихъ много, но что между ними мало опытныхъ; не будучи убѣжденъ въ послѣднемъ, я этого не беру и подтверждать. Скажу только, что врачи большею частью молодые, честно собою жертвовали, не разъ работали въ огнѣ и насчитываютъ изъ своего числа двухъ убитыхъ и двухъ раненыхъ. Когда, кажется въ февралѣ, въ Баи прибылъ докторъ Вельяминовъ, то про него всѣ говорили, что онъ знающій врачъ и отличный хирургъ. Про старшаго врача никто этого не говорилъ.

Средства „Краснаго Креста“ были на столько обширны, что князь Шаховской нашелъ возможнымъ открыть отдѣленіе при госпиталѣ для раненыхъ женщинъ и дѣтей.

Я уже говорилъ, что послѣ штурма въ крѣпости осталось нѣсколько тысячъ женщинъ и дѣтей. По распоряженію начальника отряда, онѣ были переведены въ особый лагерь между Охотничьей калой и миннымъ обваломъ; туда имъ доставили кибитки и выдавали мясо, муку и прочую провизію. Всѣ эти женщины вплоть до 2-го февраля, когда, по воззванію Скобелева, стали по

*) Это, между прочимъ, доказываетъ, насколько, при хорошемъ персоналѣ, полезно это чисто общественное учрежденіе сравнительно съ военно-походными госпиталами.

немногу являться изъ песковъ текинцы и разбирать своихъ женъ и родственниковъ, стояли чрезвычайно тѣснымъ лагеремъ, тутъ же между кибитками варили и жарили, въ пробѣгающей мимо водѣ мыли своихъ дѣтей и стирали бѣлье, и ни подѣ какимъ предлогомъ не отходили далѣе отъ своего табора, какъ шаговъ за тридцать, боясь, вѣроятно, наткнуться на какого нибудь любезнаго солдата. Такимъ образомъ, „бабій лагерь“, какъ его называли, скоро окружился неприступнымъ валомъ всякаго мусора и остатковъ провизіи.

Самыя смѣлыя изъ текинокъ отправлялись по нѣсколько сразу въ крѣпость за одѣялами, коврами и утварью, и при этомъ выбирали самое старое и скверное, боясь, вѣроятно, что хорошее солдаты отнимутъ. Это былъ лагерь, напоминающій громаднѣйшій базаръ яркихъ, разноцвѣтныхъ тряпокъ и лохмотьевъ, надѣ которымъ стоялъ смѣшанный гулъ изъ старыхъ и молодыхъ, звенящихъ безъ умолку голосовъ, крику и дѣтскаго плача.

VII.

Чтобы довершить пораженіе, показать войска повсюду и ускорить умиротвореніе края, т. е. заставить текинцевъ возвратиться на свои зимнія пепелища, генералъ Скобелевъ направилъ кромѣ авангарда по оазису, два малыхъ отряда на сѣверъ, въ пески, по лѣтнимъ кочевкамъ. Одинъ отрядъ (7 ротъ, 5 сотенъ и эскадроновъ, 4 горныхъ орудій) подѣ начальствомъ Куропаткина, свернулъ изъ Асхабата на Алекъ-Селешъ, а изъ Геокъ-

тепе 21-го января выступилъ на Куня-Геохъ-тепе подполковникъ Гайдаровъ (4 роты, 2 сотни и гелиографъ). Черезъ два дня они соединились и до конца января прошли вдоль кочевій около 220 верстъ (кавалерія до 350) *).

Повсюду измученные борьбою текинцы оставались на своихъ мѣстахъ и высылали почетныхъ людей съ покорностью. Результатомъ этого движенія было то, что текинцы быстро стали возвращаться на зимнія мѣста и къ полевымъ работамъ, и къ концу января до 18-ти тысячъ семействъ вернулось на безлюдную до того линію отъ Бами до Геохъ-тепе.

Генераль Скобелевъ приказалъ обращаться съ ними ласково, возвратить кибитки и то, что осталось въ крѣпости, въ которой было еще приблизительно до 150 тысячъ пудовъ зерна; иначе текинцамъ нечего было сѣять. Впрочемъ, въ окрестностяхъ крѣпости оказалось не мало засыпанныхъ ямъ и саманниковъ, въ которыхъ текинцы скрывали зерно и которое стали отрывать, когда убѣдились, что война для нихъ кончилась.

Эта увѣренность, однако, отразилась на сдачѣ оружія, которое имъ приказано было приносить нашимъ войскамъ. Сначала, въ доказательство своей покорности, они сдавали довольно много, а потомъ совсѣмъ прекратили, да и сдали-то то, что было похуже. На этотъ разъ такой образъ дѣйствія объяснялся не тайнымъ желаніемъ возобновить войну, а любовью народа носить оружіе.

*) Были пройдены слѣдующіе колодцы: Бугузъ-Пулатъ, Назаръ-Гулъ, Мергенъ, Катутъ. Алекъ-Селешъ, Бекъ-Нязъ, Карага, Ашукую и Кизиль-Сакаль.

Такой же примѣръ наблюдался и при занятіи Кокана (1876 года 11-го іюля). По мѣрѣ охлажденія страха, число сдаваемого оружія уменьшалось прогрессивно. Изъ двадцати тысячъ, приблизительно, ружей, въ первый день было представлено три тысячи, на второй—двѣсти, а потомъ всего десять и затѣмъ сдача прекратилась.

Вѣсть о побѣдѣ въ Ахаль-теке быстро облетѣла Среднюю Азію и уже 21-го января въ лагерь подъ Геокъ-тепе явился мулла Ишанъ-Караулъ-беги отъ племенъ солоръ и саррыкъ съ письмомъ, въ которомъ эти племена изъявляли покорность. Къ письму было приложено болѣе сорока печатей старшинъ и байракъ-хановъ.

Туркменскія племена солоръ и саррыкъ кочуютъ въ сѣверо-западномъ углу Афганистана, между землею мервцовъ и джемшидовъ, занимая среднюю часть рѣки Мургаба. Караулъ-беги увѣрялъ, что они поссорились съ мервцами; мервцы требовали у нихъ огнестрѣльное оружіе для борьбы съ русскими, но получили отказъ и теперь нападаютъ и грабятъ другъ друга. „Такъ какъ вы будете воевать въ Афганистанѣ, говорилъ онъ, и вамъ придется проходить черезъ наши земли, то мы желаемъ принять подданство Бѣлаго Царя, чтобы наше имущество, жены и дѣти были подъ Его высокимъ покровительствомъ“. Конечно, въ словахъ почтеннаго Караулъ-бега была только одна десятая доля правды, но безстыдное лганье и безконечныя увертки составляютъ основу политики азіятскихъ дипломатовъ.

Не только на солоръ, но даже на мервцевъ пораженіе ихъ сосѣдей произвело потрясающее впечатлѣніе и, будь матеріальная возможность, можно было легко достигнуть ихъ въ располхъ и неготовыми къ упорному

сопротивленію... Къ тому же генераль Скобелевъ даже распустилъ слухъ, что онъ собирается, взявъ двухнедѣльный провіантъ и на три дня воды, двинуться на Тедженъ (въ предѣлахъ Мервъ-теке), гдѣ, по слухамъ, собралось до 4,000 семействъ для полевыхъ работъ.

30-го января Скобелевъ вернулся изъ Асхабата для свиданія съ начальникомъ штаба кавказской арміи, генераль-лейтенантомъ Павловымъ, который заболѣлъ на дорогѣ и ждалъ въ Баи. Обѣхавъ верхомъ работы въ крѣпости, Скобелевъ вернулся въ лагерь и увидѣлъ недалеко отъ своей ставки большую текинскую депутацію, которая молча его ожидала.

Генераль пришпорилъ своего свѣтло-сѣраго коня и, подскакавъ къ текинцамъ, спросилъ черезъ переводчика, „съ чѣмъ они пришли?“.

Это были все больше почтенные старцы съ длинными серебристыми бородами и смѣлымъ выразительнымъ взглядомъ; сколько помнится, всѣ безъ оружія, но въ новыхъ халатахъ, при поясныхъ ножахъ, съ круглыми ножнами; нѣкоторые были въ красныхъ шелковыхъ халатахъ аксакаловъ. Въ знакъ уваженія, всѣ стояли съ обнаженными головами и пѣшіе...

— Чего вы желаете?—спросилъ генераль.

— Пришли просить прощенія и твоей милости, сардаръ!..

— Вы теперь всѣ прощены... Надѣюсь, что вы будете жить теперь мирно, трудиться мирно и богатѣть... и бросите ваши грабежи и разбойничество... Аламану теперь конецъ!..

Текинцы общаются и киваютъ головами.

— Я надѣюсь и желаю быть увѣреннымъ, что вы сдержите ваше обѣщаніе.

Самый старый и самый длиннобородый отвѣчалъ съ достоинствомъ:

— Мы, текинцы, никогда не лжемъ... Насколько генераль видѣлъ въ насъ опасныхъ и храбрыхъ враговъ, настолько же мы будемъ вѣрными слугами Бѣлаго Царя.

— Дай Богъ, дай Богъ! Но если же вы меня обманете (при этомъ генераль нахмурился и обратился къ переводчику), то, скажите имъ, что я найду средство ихъ усмирить, и накажу такъ, какъ они еще и не видавали...

— Хопъ-якши, хопъ-якши!

— Я не хотѣлъ войны, я предлагалъ не разъ вамъ мириться; напомните имъ, что я три раза предлагалъ имъ мириться? Вы не согласились—и сами виноваты... Ну, теперь это кончено: будемъ вмѣстѣ стараться поправить дѣло... Пусть будутъ покорны Государю и Онъ имъ поможетъ въ несчастіи... Теперь же пускай селятся поскорѣе на свои мѣста...

Затѣмъ генераль отпустилъ текинскихъ депутатовъ.

VIII.

Послѣ войны, у текинцевъ осталось много вдовъ и сиротъ. Положеніе вдовъ у этого раззореннаго и неуспѣвшаго еще вновь устроиться народа было незавидное. Кто имѣлъ близкихъ родственниковъ—еще кое-какъ пристраивался. Молодые и красивыя находили себѣ но-

выхъ хозяевъ и мужей, но старыя бѣдствовали и ходили въ лохмотьяхъ. Цѣлый день онѣ осаждали кибитку маіора Сполатбока, назначеннаго въ послѣдствіи начальникомъ народнаго управленія, съ разными просьбами. Имъ выдавали провизію и одежду, хотя все-таки этого было не вполне достаточно.

Военный агентъ, персидскій полковникъ Зюльфагаръ-ханъ, принимая подъ свое покровительство возвращеніе на родину плѣнныхъ персовъ, освобожденныхъ послѣ штурма, заявилъ, что между женщинами есть также много персіянокъ. Первые дни послѣ занятія крѣпости онѣ ихъ отбиралъ и тоже куда-то отправлялъ; все это оказывались хорошенькія женщины, вѣроятно потому, что текинцы брали въ плѣнъ только красивыхъ, а можетъ быть потому, что Зюльфагаръ-ханъ не чувствовалъ милосердія къ дурнымъ.

Нѣкоторые текинцы, воспользовавшись неурядицей и отсутствіемъ своихъ мужей, вновь выходили замужъ даже за персидскихъ курдовъ. Одна такая дама прельстилась однимъ изъ приказчиковъ Громова и уѣхала съ нимъ въ Хиву, хотя старикъ мужъ этому и противился.

Всѣ эти браки совершались весьма быстро, вѣроятно, слѣдуя персидской поговоркѣ „когда женишься, то бери красивую женщину, такъ какъ, если она окажется лишенною всѣхъ душевныхъ качествъ, то красота все-таки останется“... Слѣдовательно, что жъ тамъ разбирать: увидалъ красавицу и женись, не медля, закрывъ глаза на все остальное...

Съ своей стороны, текинскія женщины, сколько можно было замѣтить, скоро мирились съ своимъ положеніемъ.

Русскихъ перестали бояться и даже спрашивали „ну что жъ? скоро ли русскіе насъ разберутъ, а то надоѣло такъ сидѣть безъ хозяина“... И при этомъ, надо замѣтить, къ нравственности своей относились даже довольно-таки легкомысленно... Въ этомъ отношеніи не отставали и пожилыя женщины, оправдывая мѣстную поговорку, что „если мать влѣзетъ на дерево, то ея дочери будутъ прыгать по вѣткамъ,“. Въ сказанномъ, впрочемъ, заключались общія черты, свойственныя женщинамъ Востока: вялое равнодушіе съ своей судьбѣ, обожаніе вообще мужчины и взглядъ на себя по отношенію къ послѣднему, какъ на вещь.

Во всемъ остальномъ текинки отличаются отъ женщинъ Средней Азіи. Онѣ большія мастерицы и очень много работаютъ, храбры и мужественно выносятъ страданія; всѣ хорошо сложены, потому что много ходятъ и работаютъ; лицъ не закрываютъ.

Одинъ изъ отрядныхъ переводчиковъ—красивый молодой татаринъ изъ Шуши, первое время разбиралъ жалобы женщинъ, пока не пріѣхалъ Сполатбокъ. Я какъ-то къ нему зашелъ и засталъ у него красивую, статную текинку въ шелковомъ нарядѣ, украшенномъ монетами и серебряными подвѣсками. Она жила уже у него нѣсколько дней, выдавая себя за вдову и „байхатунъ“, т. е. знатную женщину и В* не зналъ, какъ отъ нея отдѣлаться. Наконецъ изъ песковъ явился мужъ и, послѣ многихъ слезъ, текинская дама уѣхала къ своему супругу.

Несмотря однако на положеніе, въ которое религія ставитъ женщинъ на Востокѣ, текинки пользуются нѣкоторыми правами, освященными обычаями. Такъ, въ

случаѣ „джанджала“—сѣмейнаго несогласія—онѣ имѣють право явиться на совѣтъ мужчинъ и требовать себѣ то, что имъ слѣдуетъ по шеріату.

IX.

29-го января, въ лагерѣ подъ Геокъ-тепе былъ парадъ по случаю возвращенія знамени 4-му баталіону апшеронскаго полка. На этотъ баталіонъ, какъ я уже рассказывалъ, 28 декабря, ночью, хлынула огромная масса текинцевъ, причемъ знаменная рота была почти вся уничтожена и самое знамя попало въ руки текинцамъ. На штурмѣ охочничья команда нашла это знамя у кибитки Мурадъ-хана и возвратила его отряду. Знамя оказалось въ цѣлости, кромѣ орла, который текинцы отломали. Во вниманіе къ доблестному поведенію апшеронцевъ на штурмѣ, покойный Государь вновь пожаловалъ это знамя 4-му баталіону, въ которомъ въ то время осталось на лицо около полутора ста человѣкъ.

Такъ какъ знамя побывало въ рукахъ непріятеля, то передъ парадомъ былъ молебенъ и освященіе знамени. Послѣ парада командиръ баталіона пригласилъ всѣхъ офицеровъ на завтракъ, который тянулся довольно долго и сопровождался многими тостами. Этотъ день былъ особенно веселый. Покойный Государь пожаловалъ по телеграфу нѣкоторыхъ старшихъ начальниковъ георгиевскими крестами 3-го класса и цѣлый вечеръ около кибитки Скобелева шелъ кутежъ, пѣли пѣсенники и играла музыка.

Послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій жизнь въ лагерьѣ подѣ Геокъ-Тепе стала однообразной и скучной. Это ощущеніе скуки является у каждого тотчасъ послѣ войны, которая для большинства бываетъ полна самыхъ сильныхъ ощущеній, тревогъ, усилій и бессонныхъ ночей. Война — это самая азартная и серьезная игра, послѣ которой остаешься съ такимъ же неопредѣленнымъ чувствомъ нравственнаго и физическаго утомленія, съ которымъ страстный игрокъ встаетъ изъ-за карточного стола.

Отъ нечего дѣлать ежедневно посѣщаешь крѣпость или ѣдешь кругомъ, по ряду обрушенныхъ и опустѣлыхъ калѣ.

Въ январѣ мѣсяцѣ, въ крѣпости шли работы по устройству укрѣпленія около холма и сборъ текинскихъ чуваловъ (мѣшковъ) съ фуражомъ и провіантомъ, которые подѣ карауломъ складывались на площади въ одну большую кучу, откуда ихъ свозили въ полевой складъ.

Кругомъ разоренныхъ кибитокъ и землянокъ валялись перелачканные разноцвѣтныя тряпки, поломанная посуда... Возвращавшіеся текинцы бродили кое-гдѣ, собирая остатки своихъ пожитковъ... Въ воздухѣ сильно пахло кладбищемъ и гарью, и пріѣзжавшіе съ тыла ощущали этотъ запахъ уже версты за двѣ до крѣпости. Трупы были такъ мало зарыты, что, когда саперы прорывали кругомъ холма стрѣлковую траншею, то нѣсколько разъ должны были прекращать работу, натываясь на полуразложившіеся трупы. Вслѣдствіе этого въ госпиталѣхъ открылся тифъ, быстро распространившійся по линіямъ въ тылу. Вслѣдствіе диссимиляціи больныхъ и, вѣроятно, хорошихъ климатическихъ условій, многіе

тифозные, по словамъ медиковъ, выздоравливали. Тѣмъ не менѣе, въ Красноводскѣ былъ учрежденъ карантинъ.

Посерединѣ Денгиль-тене стояла кибитка коменданта, маіора Верещагина; тутъ же рядомъ помѣщался караулъ и въ видѣ трофея стояла единственная и старая пушка на невозможномъ лафетѣ, отнятая у текинцевъ.

Верещагинъ отъ скуки завелъ знакомство съ Иктыкули-сардаромъ, котораго я и заставлялъ у него въ гостяхъ. Этотъ разбойникъ съ блестящими глазами и длинной вьющейся бородой до войны былъ начальникомъ аламановъ. Во время осады защищалъ западныя ворота, а потомъ одинъ изъ первыхъ явился къ Скобелеву съ повинной: генераль его наградилъ медалью съ надписью: „за усердіе“, на станиславской лентѣ.

Сардаръ много рассказывалъ про свои набѣги, про осаду, впечатлѣніе взрыва и пр.

Онъ водилъ также туземныхъ музыкантовъ съ дутарами (двухструнная балалайка) и описывалъ охоту и скачки.

Послѣ штурма въ крѣпости осталось очень много текинскихъ борзыхъ. Эта порода нѣжнѣе и мельче русскихъ борзыхъ, но отличается понятливостью и рѣдкой быстротой на бѣгу. Текинцы ихъ очень любятъ, берегутъ подъ попонками и употребляютъ на лисицъ, козъ и проч.

Скачки составляютъ праздникъ у текинской молодежи. По словамъ сардаря, лошадей къ скачкѣ готовятъ исподволь, мало поятъ и кормятъ лепешками. Наконецъ, тѣ, которые хотятъ состязаться, собираются въ Кизиль-Арватѣ, съ разсвѣтомъ выѣзжаютъ и къ за-

кату должны быть въ Геокъ-Тепе (160 верстъ). Главный призъ, состоящій обыкновенно изъ десяти верблюдовъ, достается тому, кто явится первымъ.

Въ числѣ текинцевъ и курдовъ, бродившихъ по крѣпости, мнѣ попался на глаза персидскій солдатъ лѣтъ пятидесяти.

На немъ былъ синій однобортный мундиръ изъ колена, съ красными обшлагами и погонами изъ того же матеріала и съ мѣдными пуговицами, на которыхъ былъ изображенъ солдатъ съ ружьемъ. Штаны синіе же, короткіе и очень широкія. На ступняхъ были наворочены тряпки и поршни. Онъ имѣлъ такой огорченный видъ и такъ печально почесывалъ свою суконную шапочку, что я его спросилъ, зачѣмъ онъ пришелъ въ крѣпость.

Оказалось, что онъ находится въ гарнизонѣ персидской крѣпости Серахъ и, узнавъ о взятіи Денгилтепе, оставилъ дома свое ружье и пошелъ розыскивать своего сына, котораго текинцы увели года три тому назадъ въ неволю.

Однако онъ не нашелъ своего сына и, взваливъ себѣ на плечи текинскій коверъ, глубоко вздохнулъ и побрелъ обратно въ Серахъ.

Х.

Послѣ свиданія съ начальникомъ штаба кавказской арміи, генераль Скобелевъ опять выѣхалъ въ передовой отрядъ, откуда и не возвращался до конца апрѣля. Небольшой отрядъ подъ начальствомъ князя Эристова, при которомъ находился и командующій войсками, безъ

препятственно проникъ до Гяурса и Аннау и затѣмъ двинулся далѣе на юго-востокъ, вдоль горъ Копетъ-дага. Эта плодородная мѣстность, слегка расширяющаяся къ югу, называется Атекомъ, что значитъ предгоріе и, сколько извѣстно, присоединяется къ владѣніямъ Россійской Имперіи. Такимъ образомъ, 18-го февраля былъ занятъ г. Люфтабатъ, находящійся въ зависимости отъ Персіи и лежащій на пути къ Серахсу. Здѣсь отрядъ остановился и далѣе не шелъ. Люфтабатъ въ 90 верстахъ отъ Асхабата и, еще три хорошихъ перехода, и наша кавалерія поила бы своихъ коней въ р. Герирудъ. Жители Люфтабата (персы), увидавъ, что около стѣнъ ихъ города располагается русскій отрядъ и что русскія пушки смотрятъ прямо въ ворота, перепугались и выслали депутацію, но были успокоены увѣреніями, что имъ ничего не будетъ сдѣлано дурного.

Пробывъ нѣсколько времени въ Люфтабатѣ, Скобелевъ въ сопровожденіи эскадрона драгунъ отправился въ объѣздъ персидскихъ предѣловъ, причемъ топографомъ Сафоновымъ дѣлалась съемка мѣстности для опредѣленія будущихъ границъ съ сѣверными персидскими провинціями.

Сѣверныя персидскія провинціи, какъ извѣстно, населены большею частью курдами и носятъ названія Буджунурта, Кучана, Дарегеза и Келата. Правители этихъ земель—наслѣдственные ханы, носящіе названіе ильханіевъ, находятся только въ зависимости отъ персидскаго шаха, и, чтобы смѣнить ильханія или наказать его, шахъ долженъ, въ большинствѣ случаевъ, прислать вмѣстѣ съ своимъ чиновникомъ отрядъ войскъ или дѣйствовать хитростью и неожиданностью.

Ильханіи платять дань деньгами и конями, посылають, какъ крайнюю рѣдкость, въ Тегеранъ плѣнныхъ текинцевъ и безчинствуютъ у себя въ краѣ самымъ безпардоннымъ образомъ. Грабятъ и берутъ у жителей что хотятъ, забираютъ въ гаремъ красивыхъ дѣвушекъ и женщинъ, и при малѣйшей тѣни неудовольствія со стороны населенія чинятъ самую жестокою расправу. Кучанскій ильханіе, проѣзжая какое-то селеніе (кажется Джермабъ), остался чѣмъ-то недоволенъ и приказалъ своимъ феррашамъ отрубить сорока человѣкамъ лѣвыя ноги.

Кучанскій ильханіе—Шуджа-утъ-доуле (охрана государства), очень хитрый и умный человѣкъ, но разбойникъ въ душѣ и развращенный до послѣдней степени. Цѣлые дни онъ проводитъ съ бачами, пьетъ сразу разные водки и ликеры по нѣсколько бутылокъ въ день, а потому всегда пьянъ до тошноты, изрѣдка охотится и ежедневно караетъ своихъ подданныхъ. Яръ-магометъ-ханъ буджунуртскій болѣе смирный и болѣе семейный человѣкъ. Самый порядочный изъ всѣхъ, какъ говорятъ, Бейбутъ-ханъ келатскій.

Бейбутъ-ханъ отличается такой безобразной наружностью, что когда онъ представлялся шаху, то послѣдній его спросилъ: „машаллахъ! гдѣ ты былъ, когда раздавали красоту!?“

— Я получалъ въ это время образованіе... отвѣчалъ умный ханъ. И дѣйствительно, Бейбутъ-ханъ по своему очень образованъ и, кромѣ разныхъ мѣстныхъ нарѣчій, знаетъ хорошо арабскій и санскритскій языки; впрочемъ, подданныхъ онъ грабитъ, вѣроятно, чисто по-персидски.

Всѣ эти ильханіи въ кампанію 1879 года, а отчасти и въ началѣ нынѣшней, играли въ двойную игру, слѣдуя правиламъ восточной политики и отчасти по привычкѣ къ самодурству. Послѣ побѣды 12-го января, когда стало понятно, что Текинскій оазисъ остается за нами, ильханіи поняли, что сосѣдство русскихъ имъ только принесетъ выгоду и даже большую въ торговомъ отношеніи и что, слѣдовательно, съ русскими надо быть въ хорошихъ отношеніяхъ.

Первымъ пріѣхалъ на поклонъ Шуджа-утъ-дуале подѣ Геокъ-тепе и, пробывъ тутъ нѣсколько дней, пилъ по обыкновенію ежедневно, увѣрялъ въ своей дружбѣ, снялъ свою фотографію и просилъ подарить ему коляску. Въ Люфтабатъ, если не ошибаюсь, явился Яръ-Магометъ-ханъ, въ сопровожденіи своихъ министровъ и большого конвоя. Въ знакъ дружбы онъ подарилъ командующему войсками въ подарокъ нѣсколько лошадей.

XI.

Въ концѣ января текинцы въ большомъ числѣ стали возвращаться въ оазисъ, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, которые ушли на Тедженъ... Почти ежедневно отъ каждаго племени, рода или колѣна являлись въ лагерь старшины съ изъявленіемъ покорности и иногда съ просьбами о помощи. Отъ этихъ представителей собирались свѣдѣнія о числѣ кибитокъ и имуществѣ, т. е. стадахъ, пахатной землѣ и лугахъ.

При этомъ имъ объяснялось, что они со дня водво-

ренія на мѣстѣ будутъ пользоваться покровительствомъ наравнѣ съ русскими, но если Бѣлый Царь захочетъ, то на нихъ будетъ наложена контрибуція; также въ случаѣ нужды, ихъ будутъ посылать бить враговъ Русскаго Царя.

Послѣднее обстоятельство ихъ особенно обрадовало, потому что трудно обратить хищнаго орла въ курицу и сдѣлать въ одинъ день изъ текинскаго разбойника культурнаго и мирнаго пастушка.

Отхожіе промыслы текинцевъ, это—аламанъ, т. е. набѣгъ съ разбоемъ, захватываніе въ плѣнъ и торговля рабами. Когда при поселеніи текинцевъ на старыя мѣста имъ дѣлали перепись и спрашивали, кто какимъ ремесломъ занимается, то получали такіе отвѣты: „Оружейникъ, въ свободное время занимался аламаномъ“; „шью сапоги, а также и аламану“; или: „кромѣ аламана ничѣмъ не занимаюсь (это ужъ значитъ настоящій аламанджи). При всемъ томъ текинцы народъ неиспорченный и во многихъ отношеніяхъ симпатичный. Они не пьянствуютъ, не развратны, подобно узбекамъ и сартамъ, хотя вліяніе духовенства, какъ говорятъ, у нихъ и слабѣе. Текинцы прямодушнѣе персовъ, держатъ слово и если выказывали колебаніе въ сношеніяхъ съ нами, то это нужно отчасти приписать незнанію европейцевъ и нелюбви вообще къ гяурамъ, а также политическому вліянію сосѣдей.

Текинцы народъ свободолюбивый, въ людяхъ больше всего цѣнятъ храбрость и энергію и такихъ выбираютъ обыкновенно сердарями. Общіе вопросы рѣшаются на „мусльага“, т. е. на совѣтѣ старшинъ, но и тотъ не

имѣетъ особеннаго вліянія, а потому неурядицы здѣсь нерѣдки.

Нѣкоторое преимущество во вліяніи между старшими (сердари, батыри, бадагъ-ханы — начальники племенъ) приобрѣтаютъ текинцы чистаго происхожденія — „икъ“, т. е. не имѣющіе въ жилахъ персидской крови и „акъ-сѳнгѣнъ“ (бѣлая кость), т. е. хорошей фамиліи. Такимъ образомъ, Тыкма-сардаръ, какъ говорятъ, за низкое происхожденіе не былъ сдѣланъ ханомъ, несмотря на свою храбрость.

Такимъ образомъ, всякая ломка и перемѣна порядковъ и обычаевъ съ введеніемъ русскихъ узаконеній въ этомъ новомъ краѣ — совершенно излишни въ смыслѣ достиженія хорошихъ результатовъ, потому что этотъ первобытный народъ больше всего цѣнитъ въ побѣдителей справедливость и сохраненіе его вѣковыхъ обычаевъ, съ которыми они живутъ себѣ благополучно.

Въ этомъ смыслѣ начальникъ народнаго управленія является связующимъ звеномъ между народомъ и администраціей при условіи сохраненія адатовъ. Конечно, все жестокое, а также рабство, должно быть уничтожено.

Если при этомъ начальникъ народнаго управленія въ извѣстное время будетъ доступенъ для каждаго, какъ это искони ведется въ Азіи, и будетъ меньше исписывать бумаги, то всегда будетъ возможно сохранить миръ и порядокъ среди текинскаго племени. Тогда не будетъ необходимости держать въ краѣ войска, потому что большое число штыковъ указываетъ на недостатки мирной администраціи. При условіи же содержанія малыхъ отрядовъ мы только и имѣемъ нравственное ос-

нованіе занимать новыя земли, на доходы съ которыхъ разсчитывать нечего. Администрація должна видѣть свою силу въ справедливости и умѣньи, а регулярные солдаты даже въ небольшомъ числѣ должны производить обаяніе на массу этихъ полудикарей.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Михайловская линія	1
Отъ Баи до Геокъ-Тепе	27
Подъ стѣнами Денгиль-Тепе	47
Великовняжеская позиція	67
Послѣдніе дни осады	90
Штурмъ Денгиль-Тепе	123
Лагерь послѣ побѣды	157
Занятіе и умиротвореніе текинскаго оазиса	173

ДЕНГИЛЬ-ТЕПЕ.

Мельничная кама.

Неприятельск. транш.

3 паралели
1/2 парал.

2 паралели

Бат. № 5

Из укр. Самарского.

